

Михаил Бычков

2011

БЛАГОЖИТИЕ ИЛИ РАДНОСТЬ

Кто бы мог подумать, что плен на одной войне — еще не конец, а только начало новым, необъяснимым событиям во времена второй, давно прошедшей? Что старый «зندان», совсем не сырая яма, а утерянная машина времени Третьего рейха? Что пришельцы из будущего торгуют технологиями? Все это предстоит узнать герою, волею судьбы попавшему в круговорот времени.

Глава 1

Четвертые сутки они ждали машину с обеспечением. Запасы продовольствия подошли к концу — остались только соль и сода. Последний “сухпай” прикончили еще позавчера, а есть хотелось очень сильно. Вспомнили рассказы дедов и пробовали жевать кору с деревьев, но кроме противной горечи во рту, никаких ощущений это не добавило. И как только во время голода люди выживали таким способом?

Напряжение последних дней было велико; ночью постреливали, и поэтому от голода нельзя было спастись ни наяву, ни во сне. Где-то происходили стычки, но, не смотря на это, мирная жизнь все еще проходила и проезжала мимо поста, хотя взгляды у людей были направлены под ноги. Никто не здоровался, ничего не спрашивал и ничего не отвечал, стараясь быстрее обойти блокпост. Приходилось сидеть и ждать, глядя, как проезжают мимо телеги, груженные бидонами с молоком и другой незамысловатой сельской продукцией, не имея возможности даже подать вид, что на блокпосте наступил голод. А жрать хотелось все сильнее.

Хуже всего было то, что аккумулятор в радиостанции полностью разрядился, и уже не было никакой возможности связаться со “своими”, чтобы уточнить, когда прибудет провиант, да и вообще — узнать, что происходит вокруг. Кто-то робко высказал мысль покинуть этот чертов кордон и пробиваться к части, но все прекрасно понимали абсурдность затеи и предпочли остаться здесь, на горной дороге. Ведь, как говорится — надежда умирает последней.

Дальше по дороге располагалось несколько селений. Дома — приземистые, основательные, с глухими железными воротами, за которыми заходились лаем невидимые собаки. Не видно было и людей, — вообще, ни живой души. Только хлопали деревянные ставни на окнах. Казалось, вот она — еда, рядом, только протяни руку, но мысль отлучиться с поста, чтобы попробовать выменять, или попросту купить ее на придорожном рынке, ни у кого не возникала. Шанс получить не то, чтобы кусок отравленного мяса, а попросту пулю в спину был очень высок. Да и менять не на что было. На патроны, как это делали зеленые новички, впервые попавшие в патруль, и горящие желанием купить травки или местного самогона от улыбчивых и очень доброжелательных стариков, не позволила бы совесть, чтобы потом мучиться от мысли, чем обернется это для русских солдат.

Старший прапорщик Дымов, начальник блокпоста расположенного в районе села Шаро-Аргун, сидел на ящике из-под снарядов и, насвистывая некий популярный мотив, пытался соорудить примитивную удочку. До командировки он являлся старшиной одной из рот богом забытого отдельного батальона, расквартированного в каком-то захолустном городке, но из-за пристрастия к “огненной воде” был сослан в эту дыру. Внизу, на дне ущелья, вдоль которого протянулась охраняемая дорога, протекала небольшая речка. Возможно, в ней водилась рыба. Может даже форель. Обитала ли она в этих местах — особо никто не задумывался, мечтали об ухе, и свято веря в обещания Дымова вернуться с уловом, помогали, как могли.

— А леску-то где возьмете, товарищ прапорщик? — давясь слюной, в предвкушении предстоящего ужина, поинтересовался сержант Кучеров.

— Настоящий солдат всегда имеет под рукой суровую нитку, — не поднимая головы,

поучительно произнес тот. — В бурной реке и она сойдет. И вообще, если старший прапорщик Дымов сказал, что рыба будет — значит, она будет!

— Хотелось бы верить, — вздохнул рядовой Климов, он же Клим, наблюдая за манипуляциями старшины. Он всегда был чем-то недоволен. И сейчас, особенно. Проклиная все на свете, думал о том, каким был идиотом, поддавшись на уговоры матери “отслужить как все”, и благополучно вернуться домой. Теперь, это виделось слишком далеким, а мать успела сотню раз пожалеть, о том, что выбрала такой способ воспитания 'непутевого сына'

— Не ной, Клим, — бросил Кучеров. — Без тебя тошно.

Сержант, вообще, являлся уникальной личностью в группе. Уже месяц, как он должен быть гражданским человеком, красуясь перед девушками в парадной форме, попивая холодное пиво у ларька. Но, в общей суматохе, воцарившейся вокруг, про него попросту забыли. Впрочем, как и обо всех на этом посту. Странное время — странные поступки.

— Ну, вот и готово, — вскоре объявил Дымов, осматривая свою поделку. — Подайте ведро, господа! Я отправляюсь на рыбалку.

— На что ловить собрались, сударь, — резонно спросил сержант. — Думаете, при виде вашего рыболовного инструмента, добыча добровольно сдастся в плен?

— Дурак ты, Кучер, — плюнул прапорщик. — Зелен ты, и глуп. Горная рыба, как ворона, клюет на блестящее — то бишь на блесну.

— А где блесну-то возьмете?

- “Отличник боевой и политической” на моей груди — вполне подойдет. Хорош воду мутить — давайте ведро, и я — пошел.

— Удачи!

Начальник блокпоста направился к речке, а его недавние спорщики вернулись на свои места.

Дымов поставил на прибрежные камни ведро и принялся ловко забрасывать самодельную снасть в бурную хрустальную воду. Не хотелось верить, что война рядом и в то, что кто-то там, за горой, тоже смотрит на тебя через стекло оптического прицела.

Он не обманул, (что еще больше укрепило его авторитет в глазах подчиненных), вернувшись с парой небольших рыбин. Конечно, это была не благородная форель, но это особо никого не смутило. Пока ароматное варево весело клокотало в котелке, личный состав обступили костер, глядя, как постепенно темнеет вода, вбирая в себя вкус рыбы, не в силах отойти от еды ни на шаг. Разлили по чуть-чуть, переживая, как отзовется кишечник на нечаянную радость, после нескольких дней голодовки.

— Душевно, — отставляя котелок в сторону, произнес Кучеров. — Никогда бы не подумал, что обычная рыбная похлебка так сильно порадует организм.

— Человеку, для счастья, нужно не так уж и много, — усмехнулся прапорщик. — Смотря, какими категориями это самое счастье измерять.

— В смысле? — дохлебывая бульон, поинтересовался Климов.

— Смысл прост, как и все вокруг. Дома ты каждый день хавал пельмени со сметаной, и не чувствовал от этого кайфа, а сейчас — рыбной похлебке рад. Категория!

— Чего дураку объяснять прописные истины, — махнул рукой сержант. — Потом сам допрет. Давайте спать.

— Кто на пост?

— Каму мы на хрен нужны, Клим! Ты, кроме меня и старшины, за последние два дня видел, кого-нибудь?

— Вот это и стремно! Знаешь, перед чем затишье обычно бывает?

— Дрыхните, — вмешался в разговор Дымов. — Посижу. Все равно не спится в последнее время.

Он вспоминал жену и дочку, что остались дожидаться в гарнизонной общаге. Странная вещь война — вроде сидишь на посту, отгоняя мух и ковыряясь в носу, а затем, бах — только успевай магазин в 'калаше' менять. А поймаешь пулю в голову — и деньги даром не нужны. Только, молодых пацанов жалко. Двое сейчас спят рядом и не думают о том, что жизнь их в данный момент находится в руках старшего прапорщика Дымова.

Тяжелый армейский грузовик, пыхтя, натужно вполз в гору. Остановился у шлагбаума, заглох, и скинул лишний воздух из ресивера — словно выдохнул с облегчением, что дальняя дорога завершена. Водитель — контрактник, выбрался из кабины, громко хлопнув дверью. Засунув руки в карманы, в развалку подошел к мешкам с песком, что обозначали присутствие блокпоста.

— Здорова, братья по оружию, — протягивая ладонь для приветствия, воскликнул он. — С голоду тут еще не подошли?

— Сейчас тебя съедим, — беззлобно ответил сержант Кучеров, обмениваясь рукопожатием. — Чего привез?

— Что послали, то и привез. Где старшой?

— Уже пошли будить. Спит. Всю ночь нас охранял.

— Ладно, тогда ты бумаги подпиши, — он достал из-за пазухи несколько бланков. — Ручка-то есть?

— Кто это у тебя в кабине сидит, — поинтересовался сержант, подписывая документы. — Напарник?

— Пополнение ваше...

— А, чего не выходит, стесняется?

— Сам и спроси, — посоветовал водитель, — Я сейчас обратно махну. До темноты успеть хочу. Непокойно стало в этих краях, того и гляди подстрелят на дороге.

Кучеров подошел к 'Уралу' и, открыв дверь, распорядился:

— Ну, давай, пополнение, вытряхивайся. Машину разгружать будем.

Солдат с готовностью покинул кабину и предстал перед ним во всей красе: форма сидит как влитая, уверенный взгляд направлен прямо в глаза сержанта, без тени сомнения на лице. Молодое пополнение не обладает таким характером.

— Да, — протянул Кучеров, — Вижу, не простой фрукт нам прислали. Контрактник, что ли?

— Тебе какое дело, сержант?

— Хорош языки чесать, — забирая накладные из рук Кочерова, произнес подошедший прапорщик. — Ты лучше иди вещи собирай, раз уж замену тебе прислали.

— Это я мигом, — воодушевленный он, направился в палатку, долгие месяцы служившую крышей над головой

— Счастливый, — с нескрываемой завистью, вздохнул Климов. — Скоро дома будет.

— Не дрейфь — тоже домой поедешь, — успокоил Дымов. — Но, попозже.

Он вернул подписанные листки обратно водителю и распорядился:

— Приступайте к выгрузке. Появится Кучеров, пусть присоединяется. 'Дембельский аккорд' — вещь святая!

Первым делом Дымов воспользовался стоящей в грузовике рацией и связался с

дежурным, сквозь зубы высказав свое мнение о начальстве, не обратившем внимание на замолчавший блок-пост.

По ходу решено было работающую рацию оставить себе, несмотря на возмущения водителя грузовика.

Вскоре ящики с припасами перекочевали из кузова грузовика на импровизированный склад. После этого состоялись проводы сержанта Кучерова. Отправили, как положено: посидели за накрытым столом, испили спирта (приятель с технического склада, прислал Дымову небольшой презент, в виде пятилитровой канистры). Все, кроме водителя, выпили, мешая в тостах пожелания и советы, в основном пошлые, о том, что сержанту в первую очередь необходимо сделать на гражданке. Новенький пил мало, и особо не притронулся к еде, думая о чем-то своем, и лишь иногда усмехаясь особенно громким взрывам смеха. Его не трогали.

Когда машина, поднимая столбы пыли, скрылась за поворотом, Дымов подошел к сидящему в сторонке Наумову и, устроившись рядом, спросил:

— Как служить будешь, солдат?

— Как в уставе написано.

— Послушай меня, Ваня. Твое прошлое меня не интересует, но нормального человека сюда силой не загнать — значит, биография у тебя не особо чиста. Это твои личные проблемы. Теперь, нам вместе жить, а — время, оно покажет — кто есть кто на самом деле. Ты понял?

Тот кивнул. На несколько минут воцарилось молчание.

— Пойдем, — поднимаясь, вздохнул прапорщик. — Отметим теперь твой приезд. Все равно время обеденное.

Когда они уже лежали на брезенте, заменившем и стол и стулья столовой, пришлось встать и открыть шлагбаум старенькому белому мерседесу и двум 'Жигулям', украшенных свадебными лентами.

Сидящие в машинах смотрели прямо, и когда прапорщик, через открытое окно, дежурно поздравил молодых, жених только слегка наклонил голову.

И этот эпизод никогда бы не отложился в голове у Дымова, если бы на следующее утро не приехала комиссия из штаба.

Сгоревший продырявленный грузовик обнаружили в часе езды от блок-поста, на обочине. Обезглавленные тела водителя и сержанта Кучерова лежали на дороге.

Комиссию больше всего интересовало, кто разрешил забрать радиостанцию из машины, будто она как-то могла спасти ехавший без прикрытия грузовик от двух очередей прошивших кабину насквозь.

Пробыв три часа на посту и собрав объяснительные, начальство уехало восвояси, и, как только улеглась пыль под колесами штабных УАЗов, все стихло. Будто ничего и не было.

Когда Наумов окончил военное училище, мир казался прекрасным. Щеголяя перед бывшими одноклассниками и друзьями парадной офицерской формой, сидевшей на нем как влитая, он и подумать не мог, что дальнейшая служба доставит массу неприятностей. Отгуляв положенный отпуск и отправившись к новому месту службы, он как новоиспеченный командир мотострелкового взвода, после представления командиру части, 'проставился' своему непосредственному начальнику — командиру роты, капитану Васюкову. Сколько пили — он вспоминал с трудом, да и для него, воспитанного в семье учителей иностранных языков, слово 'водка' было малознакомым. Поначалу все

складывалось вполне нормально. Вскоре его назначили временно исполняющего должность командира роты. Обычные армейские будни затянули с головой.

Все изменилось спустя несколько месяцев. Прибывшая в часть комиссия, выявила огромные недостатки в 'артвооружении', а в частности в роте Васюкова. Только в тот момент осознал Наумов, что принял верную ему технику и вооружение существующую только на бумаге. Все остальное было разворовано и давно продано. Далее был суд, лишение офицерского звания и 'зона', страшная и беспощадная.

Об этом сейчас думал бывший командир мотострелкового взвода, бывший лейтенант, бывший заключенный — Иван Наумов, лежа на драном матрасе, на краю Аргунского ущелья. Жизнь порою выписывает крутые виражи, переворачивая все с ног на голову. Жаль, что не всегда возвращает на исходную позицию.

Выросший на среднерусской равнине, в горной местности он был впервые. Необычная тишина поражала. Вместо гулких камнепадов, рисовавшихся в сознании, тишину эту нарушали только мелкие ручейки гальки, ненавязчивый шепот горной речушки, и храп рядового Климова, дрыхнувшего рядом, после принятия дозы спиртного, убойной для его организма. Иногда доносился до ушей крик какой-то птицы и тихий посвист старшего прапорщика Дымова, напевающего очередную песню. Стойкий мужик, ничего не скажешь.

Не спалось. Лежал, прислушиваясь к окружающему миру, и вспоминал Лену, когда-то бывшую ему женой. Она ушла. Ушла, узнав, что лишив звания, суд отправил его на лесоповал. Нелепый и отвратительный случай. Но время — лучший целитель, кто бы не говорил против этого. Вернувшись, устроился на предприятие, сменив не одну работу на гражданке, вскоре понял, что, по сути, он человек военный и не приспособлен к жизни в новом обществе, где главной ценностью стали деньги. Пытался оправдаться и вернуть звание, обивая пороги различных инстанций. Все было тщетно. В итоге — воспользовавшись помощью старого друга, подписал контракт и отправился сюда, на Северный Кавказ, надеясь, что участие в боевых действиях поможет в реабилитации.

— Спишь, Наумов? — неожиданно раздался голос Дымова.

— Нет.

— Тогда давай ко мне, — предложил он. — Поговорим.

Он направился к мешкам с песком, где у Дымова был сооружен небольшой командный пункт.

— Ты присаживайся, не стесняйся. Субординация отменяется, тогда, когда этого захочет командир, — старший прапорщик плеснул из чайника в стакан спирт и, пододвинув ближе к Ивану, приказал: — Пей!

Тот выпил, аккуратно закусил тушенкой и спросил:

— Сигарету разрешите, товарищ прапорщик?

— Перестань, все, что на столе — бери не стесняйся. Может, последний день живем. Кто его знает?

Наумов в ответ промолчал. Кесарю — кесарево...

Выпили еще по паре, и Дымов, понимая особым чутьем, что перед ним не совсем обычный солдат-контрактник, не выдержал и спросил:

— Я уже говорил, что не мое это дело, но, убей, хочется знать, кому спину подставляю. Двадцать лет родине отдал. Дома жена и дети ждут, а я тут загораю. Хорошо, пока спокойно, стреляют редко. Может, дотяну до срока, целый домой вернусь. Не хочется малых сиротами оставлять. Хотя, сам виноват. Запил понимаешь, но как не запить, когда такое кругом

творится — не угла своего нет, ни недостатка в семье. Денежное содержание месяцами не выплачивали, жена совсем запилила.

— Понимаю, в жизни всякое случается, — кивнул Наумов. — Главное, духом не падать. А обо мне и рассказывать нечего. Я ведь лейтенантом был. А потом стандартная постперестроечная история — недостача в роте, сшили дело и в тюрьму. Звания конечно лишили. Вышел — работы нет. Да и что кадровый офицер умеет делать? Поскитался, помыкался, затем решил, что лучше в армию — рядовым, чем в бомжи. Так, тут и очутился.

— Достойная альтернатива, — кивнул Дымов. — Не всякий выберет такой путь.

— Это личное, — заметил Иван. — Если думать, что в жизни все predetermined заранее, хорошего — не жди. Человек сам кузнец своего счастья. Определяет приоритеты, реализует желания. То есть, поступает, как заложено в сознании.

— Раньше сознание было массовым...

— В смысле?

— Сначала комсомол, затем Партия — они определяли сознание. Все было проще — поступай, как прописано в правилах, и достигнешь определенных вершин.

— Не всем покорялись эти вершины, — заметил Наумов. — Независимо от желания. Я не сразу понял это. Только в колонии, когда было время для размышления. А его там было предостаточно.

— Да, уж.

— Темнеет, — заметил Иван, после небольшой паузы. — Не пора ли по койкам?

— Ты, иди, ложись, — кивнул Дымов. — А я, еще немного тут посижу.

Наумов выбрался из-за стола и отправился к лежаку на открытом воздухе, сооруженному из ящичков. Устроившись, стал глядеть в небо, где уже зажглись первые звезды, необычайно яркие и чужие. Дома, он часто наблюдал за звездами, и сейчас казалось, что здесь, в этих краях, похожих нет, что они остались далеко, за горными хребтами. Еще какое-то время, любовался ночными красотами, но вскоре дневная усталость и алкоголь сделали свое дело — он заснул.

Проснулся от неясного шума — то ли ветка хрустнула, то ли камень, скатившись с уклона, хлопнулся обо что-то твердое. Открыл глаза и, оглядевшись по сторонам, увидел Дымова. Тот показал знак 'тихо', приложив палец к губам. Иван, аккуратно, стараясь не шуметь, поднял лежащий рядом автомат, и принялся всматриваться в темноту. Но, как не старался, все равно не смог ничего разглядеть, только вскоре от напряжения, перед глазами залетала цветная мошкара. Сколько времени они провели в ожидании, не шевелясь и почти не дыша, сказать трудно. Когда темнота вокруг посерела, разбавленная первыми лучами восходящего солнца, немного расслабились, но до утра больше не заснули. Молча, лежали, сжимая автоматы, и оглядывались по сторонам.

Как только солнце полностью взошло, Дымов отправился осмотреть окрестности, на предмет каких либо следов ночного визита. Ивану же досталось приготовление завтрака, (а так же обеда и ужина), и в завершение его первого наряда на новом месте — мытье посуды. Служба — есть служба.

Вскоре аромат солдатской каши окутал ближайшие подступы к посту, и на запах этот из палатки выполз похмельный Климов.

— Привет, Иван, — поздоровался он, присаживаясь к костру. — Кашу готовишь?

— Больше ничего в голову не пришло, — пожал плечами Наумов. — Да и выбор продуктовый не располагает к изыскам...

— Брось, — махнул тот. — Мы последнее время одной тушиной питались, причем, как правило, в холодном виде — лень разогреть было. Так, что горячей каши я сейчас с удовольствием поем.

Иван снял дымящийся, источающий аромат котелок с огня и, поставив на стол, произнес:

— Давай, угощайся. Я пока чайник вскипячу, там вроде кофе прислали. По утрам бодрит.

— Меня сейчас кое-что другое ободрило бы, — вздохнул Климов. — А кстати, где наш старшина?

— На разведку пошел, — подмигнул Иван. — Скоро вернется.

Дымов и в самом деле вскоре вернулся. Прислонил АКМ к брустверу и, потянув носом воздух, констатировал:

— Знакомый аромат, но доселе забытый. Уже ощущаю первые плюсы твоего появления, Ваня.

— Кушайте на здоровье, — театрально поклонился тот. — Хороший завтрак укрепляет боевой дух.

— Кстати, насчет духа, — вспомнил прапорщик. — Один такой нам неподалеку подарок оставил. Прямо на спуске к реке...

Он полез в карман и извлек ручную гранату. На предохранительном кольце болтался кусок тонкой лески.

— Растяжка, — догадался Климов. — Видать видели, как мы тут уху варили.

— Она самая, — подтвердил Дымов. — Я не всю местность проверил, так, что — кто в сортир захочет отлучиться, под ноги внимательней смотрите. А еще лучше, где-нибудь неподалеку нужду справлять, и непременно с автоматом. Так спокойней. После завтрака проведем небольшую перепланировку поста, а сейчас — давай, накладывай, пока не остыла. Жрать охота — мочи нет!

Кашу прикончили быстро.

— Хорошо, — вздохнул прапорщик, отставляя пустую тарелку. — Если мне еще плеснуть в кружку кофе, то я посчитаю, что на сегодня жизнь удалась.

— Ваня у нас волшебник, — захихикал Наумов. — Исполняет все пожелания.

— Не я, — отмахнулся он. — Скажите спасибо вашему начпроду.

— Ну, если рассматривать в данном ключе, то этот человек не волшебник, скорее он бог. Для кого-то милостивый и всемогущий, для других злой и жадный. Вот, например, у нас в бригаде... — он не успел договорить. Послышался шум автомобильного двигателя и вскоре, на дороге, со стороны поселка показалась раздолбанная легковушка. Взяв оружие, Дымов вышел навстречу, остальные наблюдали за происходящим, укрывшись за мешками с песком. Машина, грохоча, подкатила к закрытому шлагбауму и, остановившись, заглохла. Водитель, пожилой мужчина, с трудом открыл ржавую, помятую дверцу и, выбравшись наружу, поднял вверх пустые ладони, показывая тем самым, что не вооружен.

— Кто такой? — подойдя ближе, спросил прапорщик.

— Я не бандит, — замотал тот головой. — На свадьбу еду к внуку. Он за перевалом живет.

Лицо Дымова окаменело, но он продолжил спокойно разговаривать, только рука переместилась поближе к оружию.

— Вижу, что не бандит. Чего везешь?

— Подарки везу. Оружия не везу.

— Открой багажник, — распорядился Дымов, — Посмотрим.

Старик с готовностью исполнить приказ, засеменил обратно к машине.

— Приготовься на всякий случай, — прошептал между тем Иван, обращаясь к Климову. — С этими лучше держать ухо востро.

Между тем, досконально проверив автомобиль, и не обнаружил ничего подозрительного, прапорщик подал условный знак на пост. Подняли шлагбаум, и старый драндулет беспрепятственно проследовал дальше, окутав все вокруг клубами густого, едкого дыма.

— На свадьбу он едет, — подходя, усмехнулся Дымов. — Видали мы таких врунов.

— А что не так, товарищ прапорщик? — поинтересовался Климов.

— Все не так, — махнул рукой тот. — Куча мелких деталей, совпадающих с ночной возней вокруг поста, уже наводят на мысль. Да и не поверю, что старик совсем сирота, и на свадьбу едет один, без родственников. В этой горной стране не бывает одиноких стариков — не тот менталитет. Да и машина — на дорогу в один конец...

— Да, уж, — подтвердил Наумов. — Это не вяжется с тем, что я слышал о кавказском воспитании...

— И что же все это значит?

— Нас явно проверяют на бдительность. Сначала ночью, а теперь — круглосуточно. Думаю, они что-то задумали.

— Кто — 'они'?

— А от кого, ты послан охранять дорогу?

— От бандитов, — неуверенно высказался Климов. — Но, нам в учебке особо не разъясняли — от каких именно.

— И правильно, что не разъясняли!

— Это почему же?

— Знаю я эти 'учебки', — отмахнулся Дымов. — Одно очковтирательство, а толку никакого.

Развить дискуссию по этому вопросу, помешала неожиданно ожившая радиостанция. Установленная на прием, она захрипела, затем сквозь помехи послышался голос:

— Как меня слышите, Дымов? Прием...

— Хорошо вас слышу, — ответил прапорщик. — Прием...

— Как дела там у вас, все нормально? Прием...

— Пока — да. Есть небольшое движение, но пока тихо. Прием...

— Ребята с пеленгатора обнаружили в вашем районе повышенную активность. Может что-то намечаться. Вышлем на патрулирование пару вертушек, так что особо не пугайтесь. Прием...

— Принято. Если, что выйдем на связь. Прием...

— Хорошо. Конец связи, — станция замолкла, снова перейдя в режим ожидания.

Тревога прапорщика усилилась, он задумчиво поскреб подбородок и решительно поднялся на ноги.

— Слышали? Знать, не так просто суета возникла. Как ты думаешь, — обратился он к Ивану, — С чем это связано?

— Понятия не имею, — пожал тот плечами, — Но, если поразмышлять логически — кому-то очень понадобилась эта дорога. Не зная данной местности, могу предположить, что

это единственный путь через перевал. На ишаке, в принципе, проехать можно везде, но тяжелому грузовику с боеприпасами нужна нормальная, ровная трасса.

— Замечание верное, — одобрил Дымов. — Поэтому, слушайте приказ: во-первых, укрепляем пост подсобными средствами, во-вторых: без моего ведома дальше десяти метров ни шагу...

— А если по нужде приспичит? — спросил Климов.

— По нужде — вон за тем камнем. Уйдешь дальше — возвращаться будет не на чем.

— Как это? — удивился тот.

— Я подходы к посту заминирую...

— Так бы сразу и объяснили. А то все какими-то загадками...

Они трудились до самого вечера, изредка останавливаясь, чтобы перекурить и отдохнуть. Дымов растворился в окрестностях, устанавливая растяжки для незваных гостей, попутно рисуя план их расположения, чтобы потом самому не попасть в свой же капкан, а Наумов с напарником таскали тяжеленные валуны, пытаясь сделать из блокпоста, неприступный средневековый замок.

— Так глядишь, к дембелю качком стану, — заметил Климов, устанавливая на место очередной камень. — Только жаль, руки до земли будут — не красиво.

— Не дрейфь, — успокоил Иван. — На дембеле руки не главное.

— Что тогда главное?

— Голова, а не то, о чем ты подумал.

— Дурак ты, Иван.

— Не дурнее некоторых. Принеси еще пару небольших булыжников, и на этом наш замок будет закончен.

— Слушаюсь, мой господин, — театрально поклонился Климов. — Где прикажите разместить ваших рыцарей?

— Иди отсюда, рыцарь хренов, — прикрикнул Наумов. — Не то получишь в забрало!

В сумерках вернулся старший прапорщик. Проверил выполненную на посту работу и, оставшись вполне довольным, поощрил личный состав как мог. Закусили тушенкой обжигающий, немного отдающий резиной спирт, запили холодным чаем и улеглись спать. Несмотря на тревожные мысли и обстановку, глаза предательски закрывались, словно налитые свинцом и уже не было никаких сил бороться со сном.

Гроза. Удар, еще удар. Он лежал на траве, а дождь, обильно льющийся с неба, приятно охлаждал крупными каплями разгоряченное лицо. Вот еще удар молнии, но уже близко, почти рядом. Дождь не переставал лить. И гроза. Она странно зачастила, превращаясь в пулеметную очередь...

Первое, что увидел проснувшийся Наумов — бак с питьевой водой, из пробитого чрева которого, прямо на лицо текла тонкая струйка. В доли секунды осознав, что за гроза ему привиделась, он схватил автомат и, быстро скатившись на землю, первым делом попытался оценить обстановку. Справа застрочил автомат, и вскоре эхом ему раздались ответные выстрелы. Тяжелые пули забарабанили по камням, взвизгивали, отлетая рикошетом, и стало понятно, что укрытие было построено не зря. Сквозь небольшие дырки в стене разобрать ничего было невозможно, оставалось единственное — подползти к краю поста. Он двинулся налево, к месту, где располагалась палатка, и вскоре наткнулся на что-то мягкое и липкое. Достал из нагрудного кармана зажигалку, чиркнул ею несколько раз, и когда пламя, наконец, зажглось, ужаснулся увиденному. Прямо перед собой он увидел застывшее лицо

рядового Климова, на котором вместо одного из глаз зияла кровавая дыра. Ивана стошнило. Он отбросил зажигалку и повернул назад. Громкий хлопок вернул к действительности:

— Что, сволочи, — раздался рядом крик Дымова. — Отведали моего подарка?

Наумов направился на голос:

— Клим мертв, — прошептал он, когда очутился рядом.

— Суки... жаль парня, — прапорщик ударил кулаком по земле. — Он, скорее всего, и сообразить не успел — что случилось.

— Я кстати тоже...

— Они пришли оттуда, — указал Дымов в сторону, где дорога заканчивалась глухим горным аулом. — Но, на чем — до сих пор не соображу. Я не спал. Все было тихо и мирно. И на мины не попались, до сих пор...

— Они все знали и все видели, наблюдали, все время. Нам конец, — скороговоркой выпалил Иван. — Мы в ловушке...

— Типун тебе на язык, Наумов! — начал успокаивать солдата прапорщик, но раздался новый хлопок, блеснула вспышка, и сразу за ней все вокруг погрузилось в темноту.

Наумов открыл глаза и подумал сначала, что ослеп, но вскоре смог заметить слабые лучи света, пробивавшиеся через щели в крыше. Вскоре, глаза привыкли к темноте, и можно было различить некоторые подробности окружающего интерьера. По виду и запаху, (а пахло сеном), он сделал вывод, что находится в каком-то сарае. Прислушался к звукам, в надежде, что шум извне немного приоткроет тайну местонахождения, но вокруг царил тишина.

Голова сильно болела, в ушах стоял громкий писк, и очень хотелось пить. Вероятно, все это были последствия контузии. Он вспомнил последние минуты на блокпосте: взгляд Дымова, огонь, взрыв. Кстати, как он сейчас? Жив ли? К сожалению — этого Иван не знал. Мысли путались, он хотел позвать прапорщика, но пересохшее горло отказалось слушаться. Нужно было найти выход, хотя он начинал понимать, что находится, скорее всего, в плену, и свободы не видать как своих ушей. Но, как говорится, попытка — не пытка. Надо попытаться сбежать — решил он, пошатываясь, встал и сделал несколько шагов, ощущая под ногами бугристую поверхность.

Какое-то время, он обшаривал стены в поисках предполагаемого выхода, но везде наткнулся только на твердую как камень породу. Вскоре, выбившись из сил, от отчаяния, он несколько раз ударил по ней кулаком и, отказавшись от дальнейшего сопротивления, выругался:

— Чертова конура!

Неожиданно, позади, раздался тихий шорох, и насмешливый голос произнес:

— Зря стараешься, солдат. И ругаешься — тоже зря.

Иван вздрогнул и, повернувшись на голос, спросил:

— Это почему же?

— Во-первых, мы в яме. До ее верха — пять метров, некоторым удавалось добраться до верха, но только аллах теперь ведает, где лежат их кости. Во-вторых, когда ругаешься — силы уходят.

— И давно вы сидите в этом "зиндане"? — это слово неожиданно всплыло из недр памяти.

— Не столько давно, сколько часто. Я вижу, аллах послал мне для общения образованного человека.

— Если вы такой умный, то почему сидите здесь? — не понял тот.

Голос не ответил.

Ивана вдруг охватила паника: внезапно он осознал весь ужас своего положения. Страх и тишина навалились на него. По телу пробежал холодок ужаса.

— Нет, — голос задрожал, он испугался, что больше не услышит своего невидимого собеседника. — Я не хочу сказать что-то плохое про вас, но почему вы здесь?

— Ты веришь в бога, парень? Только, ответь честно.

— Скорее нет, чем да, — слегка опешил от неожиданного вопроса Иван. — У нас в семье никто не верит. Мы так воспитаны.

— Ложь! — неожиданно резко отреагировал собеседник. — Гадкая ложь. Кто хотел верить — тот верил всегда. Это не зависит от политического строя и времени. Бог един для всех тех, кто без оглядки шел, и до сих пор идет за ним, вне зависимости от имени. Бог многолик, сущность его сложно постичь простому смертному, но тот, кто верит — будет поистине счастлив. Это ответ на твой второй вопрос.

— Тогда задам третий, — вздохнул Наумов. — Где мы?

— Недалеко от того места, которое ты назвал "блокпост".

— Откуда вам про него известно? — запоздало насторожился Иван.

— Для этого есть два объяснения, — успокоил его старик. — Иногда я слышу разговоры сверху. Я стар, но мой слух достаточно хорош, это — первое объяснение. Второе слишком очевидно, ты сам на него ответишь.

— Я бредил.

— Точно. Начинаешь понимать, что к чему.

В какой-то момент, Наумов стал подозревать, что бред этот не заканчивается до сих пор. Он невольно ущипнул себя и почувствовал боль. Вроде бы все на самом деле.

— Не доверяешь своему разуму, солдат? — раздался из темноты насмешливый голос. — Можешь защищать себя до смерти, но так и не поймешь, что к чему.

— Наверно нет, — согласился Иван. — Сейчас я не могу отделить бред от реальности. Я разговариваю с голосом из темноты, который читает мои мысли и знает обо всех моих движениях.

Хриплое перханье наполнило подземную тюрьму — незримый собеседник смеялся.

— Через месяц ты будешь способен разглядеть каждую трещину на этой стене. А может и раньше. Каждый привыкает к темноте по-своему. Быстрее или медленнее, но все равно привыкает.

Иван ничего не ответил и только вздохнул, все еще не до конца понимая, реален этот диалог, или всего лишь плод его воспаленного воображения. К тому же, вновь воцарившаяся тишина явно не способствовала оценке окружающей обстановки. Он еще раз взгляделся в темноту, пытаясь увидеть своего собеседника, но вскоре отказался от этой затеи и спросил:

— А днем здесь так же темно?

— Всяко бывает, но темнота только на руку.

— Это почему же?

Невидимый собеседник впервые выдал себя движением, меняя позу. Голос зазвучал глуше, и шел от самого пола.

— Хочу тебе кое-что рассказать. Я просидел в этой дыре не один год, попадая сюда в основном в те времена, когда сменялась власть в этих краях. Скажу, что после революции происходило это достаточно часто. Много разных банд скрывалось в здешних ущельях. Накопив достаточно сил, они свергали советскую власть и, заняв ее место, устанавливали

свои порядки, но затем под натиском красных снова уходили в горы.

Это продолжалось до тех пор, пока в райцентре не появился свой достаточно сильный гарнизон. Я, как человек истинно верующий, к любой власти относился без особого почтения. Не буду объяснять, что за это бывает. Ты и сам знаешь, главное не в этом. Каждый раз, оказавшись на свободе, я понимал что, скорее всего вновь окажусь в яме, и возможно в следующий раз — навсегда.

Тогда и созрел план прокопать подземный ход, благо местность и структуру грунта вокруг я изучил хорошо. Так раз за разом, я приводил свой план в исполнение, пряча отработанный грунт под слоем сухой травы. Вскоре, оказавшись на свободе, я задумался: куда мне, всю свою жизнь прожившему на одном месте, податься? Я понял, что врос душой в эту землю, как вырастает корнями дерево. И я остался.

Иногда по ночам выбирался на волю погулять и подышать горным воздухом, но всегда возвращался, дав себе обет, что навсегда покину родные края только в случае, если мне будет грозить смерть. Так прошли долгие годы, годы заточений и свободы. Теперь настал час покинуть эту землю навсегда.

— Для чего ты рассказал мне все это, старик? — спросил Наумов, когда собеседник умолк.

— Твоя родина не здесь — эти края чужие для тебя. Я чувствую, что ты хороший человек, и должен умереть дома, как и я. На рассвете меня не станет, но ты молчи об этом, не привлекай внимания охранников. Они звери и наверняка до следующего утра не займутся тобой. Дождутся, пока не ослабнешь от голода и жажды. Сними мою одежду, переоденься и когда стемнеет — беги. Так, ты спасешь свою жизнь, и у меня появится еще одна заслуга перед всевышним... — голос собеседника заметно слабел.

— Как я смогу найти тайный лаз? — поспешил уточнить Иван.

— Ты найдешь его под моим телом.

После этих слов они долго молчали — старик, скорее всего совсем ослаб, а Наумов более не решался задавать вопросов. Вскоре сквозь щели между досок служивших прикрытием ямы начали пробиваться первые скудные проблески света и из темноты, словно нехотя, выступали очертания окружающей обстановки.

Иван разглядел лежащее неподалеку тело и, подобравшись к нему, попытался безуспешно нащупать пульс. Старик был мертв.

Глава 2

Не считая отсидки в колонии общего режима, еще ни разу он не был пленником — что бы вот так, сидя в сырой и темной яме, ожидать неизвестности. И еще ни разу так долго не находился рядом с мертвецом.

Однажды, в порыве пьяного откровения, сосед по двору, матерый зек, весь синий от татуировок и алкоголя, рассказывал ему о негласных правилах, существующих на зоне; когда даже мысль перешагнуть через специальные линии на полу фабрик и мастерских, могли прийти в голову только безумцу, или самоубийце. Будто незримые стены окружают заключенного, отгораживая от необдуманного поступка. И тогда же, Иван впервые посмотрел голливудский боевик, где при пересечении запретной зоны беглецу отрывало голову заминированным браслетом-ошейником. Тогда ему показалось, что это одно и то же. Но сейчас его обуял другой страх — страх, что больше никогда не увидит привычной, мирной жизни, где люди могли любить, ходить в кино и не думать о смерти.

Что бы он делал сейчас? Может быть и ничего, но теперь Иван осознал, что никогда уже

не сможет взглянуть на мир по-другому. Слово 'свобода' приобрело смысл. Рядом коченело тело старика, но он боялся прикоснуться к нему, и вообще шевелиться, чтобы не привлекать внимание.

То ли от этого холодного ужаса, то ли в следствии обычной физиологии, мочевой пузырь начал подавать недвусмысленные сигналы. Встав на колени, он помочился в металлическое ведро, служившее туалетом.

Вскоре вниз спустили баклажку с водой и бросили полбуханки хлеба.

— Парашу прицепи, — приказал насмешливый голос. — Не то задохнетесь.

Когда Наумов исполнил приказ, оказалось, что оно протекает. Зловонная жидкость капала на пол, напоминая насколько никчемна жизнь узников.

Больше никто с ними не заговаривал, только темный силуэт еще раз мелькнул сверху, возвращая дырявое ведро. Обострившийся слух и зрения подсказывали: там, наверху — все еще день, да и вряд ли кто-то пришел бы к ним ночью. Он стал ждать.

Помня, что происходит с человеком после смерти, Иван на всякий случай раздел старика, сняв с мертвого тела немудреную одежду и переодевшись, слегка разгреб землю в указанном месте.

К вечеру, когда, словно по заказу началась гроза, (он понял это по шуму ветра и запаху дождя) он начал действовать. Тело, еще днем окоченевшее, к вечеру стало совсем неудобным, застыв согнутым в поясе. Наумов с большим трудом сдвинул его в сторону, освобождая путь.

— Не обманул старик, — с некоторым облегчением прошептал он, когда пальцы наткнулись на доски, прикрывавшие вход в подземелье.

Быстро разобравшись с преградой, он начал протискиваться в глубину темного лаза, но вскоре столкнулся с новой проблемой — нора явно не была рассчитана на его, Наумова габариты, и проползая несколько метров, он застрял. Паника, холодной рукой схватила его за сердце. Обливаясь потом, пытаясь пробиться вперед к свободе, Иван изворачивался, как мог, загребая грунт руками и ногами. Когда, уже отчаявшись выбраться из этой западни, в бессилии, он прекратил было попытки к сопротивлению, впереди показалось слабое мерцание света. 'Все-таки выбрался' — обессилено выдохнул он, продолжая медленно приближаться к заветной цели.

Ближе к выходу подземный ход заметно расширился, образуя небольшую пещеру, пробитую в скале. Вряд ли это была работа старика. Наумов еще раз мысленно поблагодарил его за помощь, жалея, что так и не удосужился узнать имени своего освободителя. Сквозь нагромождение камней ярко сверкали молнии. Свежий, горный воздух пьянил, кружа голову и клоня в сон. Он поддался этому искушению, подумав, что до рассвета еще далеко, и он успеет покинуть пределы этого горного аула, добравшись до Шаро-Аргуна.

Проснувшись, Иван с радостью обнаружил, что за пределами расщелины, в которую он вполз в серых рассветных сумерках ярко светило солнце. Сегодня, его ждал еще один день в бегах, и он совершенно не представлял себе — когда и куда ему двигаться, страх подсказывал ему, что лучше затаиться до темноты, но разбитые в кровь ноги и руки — говорили о том, что продвигаться ночью в горах не самый лучший выбор. С другой стороны, не все было так плохо. Внимательно прислушиваясь, он старался понять — насколько далеко от лагеря боевиков вывел подземный ход. По ночным ощущениям, длина его казались огромной, хотя, скорее всего, это было не так, с другой стороны — куда он выводил? Информация, данная собеседником, вполне могла устареть и Наумов попадет в руки врагу,

но без решительных действий исход ясен — мучительная смерть от обезвоживания.

При такой перспективе выбирать не приходилось. Выход был только один — покинуть убежище сейчас, при свете дня. Он осторожно вытащил несколько камней из кучи образующей естественное укрытие над входом в пещеру и, еще раз прислушался к окружающим звукам. Ничего необычного не услышал, только раз, на мгновение, уловил какой-то шорох, да и тот скорее почудился — после контузии и заточения в яме он часто ловил себя на слуховых галлюцинациях.

Иван высунул голову наружу, огляделся, затем убедившись, что его никто не заметил, осторожно выбрался на поверхность. Солнце стояло в зените, немилосердно иссушая и без того обезвоженный организм. Еще раз оглядевшись, он решил, что стоило двигаться вниз по склону горы — на дне ущелья, скорее всего можно было найти воду и, спрятавшись в 'зеленке', обдумать план дальнейшего 'отступления'. Он начал спускаться вниз, ежеминутно оборачиваясь в ожидании погони, но преследовать его сейчас, по всей видимости, никто и не думал. Преодолев примерно половину пути до кустарника, произраставшего на дне ущелья, Иван выбился из сил. Все вокруг потемнело, кровь зашумела в ушах, и он потерял сознание.

Очнулся Наумов от грохота взрыва. Мелкие камни градом обрушились на него сверху, добавив на теле пару лишних синяков. Находись он немного ближе к эпицентру, вполне мог получить по голове увесистым булыжником. Он инстинктивно вжался в землю и спустя мгновение раздался свист: второй, а за ним и третий раскаты грохота разнеслись по окрестностям. Кто-то явно вел массированный обстрел местности, но не орудийных выстрелов, ни звука пролетающей авиации слышно не было, из чего Иван сделал вывод, что стрельба, скорее всего, велась из миномета.

Раньше, будучи курсантом, на практических занятиях, он не раз из сам стрелял из этого орудия. Тогда общение с минометом привело его в поистине детский восторг, сейчас же все обстояло совсем иначе — того и гляди неожиданный 'подарок' упадет с небес прямо на голову. Тут уж не до развлечений. К счастью, обстрел продолжался недолго: то ли у стрелявших кончились боеприпасы, то ли бомбардировка достигла своей цели, устрашающей или поражающей — в положении Ивана это было едино. Он продолжал лежать на земле и радоваться, что снова остался жив, но до того момента пока его голову не посетила мысль, что обстрел этот мог вестись ради его спасения. Наверняка в части уже узнали о нападении на блокпост и прислали помощь, которая обнаружив пропажу личного состава, в поисках наткнулась на этот горный аул занятый боевиками. Неожиданное озарение придало ему сил и, поднявшись на ноги, он бросился вниз по склону, в сторону зарослей кустарника. Именно там, по предположению, укрытый от глаз врага, должен был находиться спасательный отряд.

Добравшись до места, Иван прислушался, но кроме шелеста листьев ничего не услышал. На всякий случай, соблюдая осторожность, он двинулся вперед, раздвигая руками сплетения цепких лап кустарника. Преодолев примерно метров сто — сто пятьдесят, замер на месте и снова прислушался. В этот раз он уловил обрывки каких-то фраз доносившихся сквозь густую листву. Сначала подумал, что показалось, но через некоторое время отчетливо услышал короткую команду, смысл которой уловил только после того, как раздалось несколько хлопков, и словно многократно усиленным эхом, спустя несколько секунд, повторились раскатами взрывов. Это немного притормозило движение Ивана, но все же, он продолжил путь и вскоре очутился на краю большой поляны, посреди которой, растопырив лапы, укоренились четыре миномета. Их присутствие не вызывало удивления, но то, что он

увидел дальше, вопреки ожиданиям, сильно озадачило: вокруг суетились несколько десятков человек одетых в форму немецкой армии времен второй мировой войны. Первым более или менее логичным предположением стало, что снимается художественный фильм, но вполне реальные взрывы снарядов и опасность данной съемки в местах настоящих боевых действий не вписывались, ни в какие рамки.

Потрясенный необычностью увиденного зрелища, забыв об осторожности, Наумов вышел на поляну. Метрах в тридцати от него стоял офицер вермахта и, подняв голову, смотрел в бинокль на склон горы, по которой велся обстрел. Спустя минуту он убрал бинокль от лица, и взгляд его уперся в одинокую фигуру Ивана, прорисованную на фоне леса. Какое-то время они неподвижно смотрели друг на друга, затем рука офицера потянулась к кобуре, и Наумов понял что, не смотря на всю нелепость ситуации, пора делать ноги. Он развернулся и бросился наутек под спасительное прикрытие густых зарослей. В след раздались выстрелы, несколько пуль прожужжали совсем рядом, сбивая листья с веток, но к счастью, ни одна из них Ивана не задела. Как долго и куда бежал, он не запомнил, только когда убедился, что погони следом нет, обессилено упал на землю.

Высоко в небе медленно проплывали белые облака, пушистые, словно свежевывающий снег. Сейчас они почему-то казались такими же нереальными, как и все происходящее вокруг.

— Бред какой-то... — произнес Наумов, мысленно прокрутив сложившуюся ситуацию.

Он понимал, что происходит что-то необычное, и он стал невольным героем этого 'что-то'. Вот только чтобы 'это' понять требовалась информация, а для ее получения нужно было заставить себя встать и двигаться вперед, к разгадке. Жажда, доселе забытая, напомнила о себе еще мучительней. Ради глотка холодной воды Иван сейчас заложил бы душу дьяволу, предложи он свои услуги. Но, к сожалению, а может, наоборот — к счастью, рогатый антихрист в тот момент лично явиться не пожелал. Спустя десять минут он прислал своих помощников.

Он слышал их приближение: хруст сломанных веток, лязг оружия, тяжелое дыхание запыхавшихся, короткие команды на немецком — все смешалось в голове в единую заунывную мелодию. В мелодию 'спетой песни'.

Через мгновение его взяли в плотное кольцо, окружив со всех сторон, направив стволы автоматов прямо в лицо.

— Кто ты есть? — на ломаном русском спросил подошедший офицер, тот самый, что был на поляне.

Иван благоразумно промолчал.

— Он не понимает, господин обер-лейтенант, — произнес один из присутствующих. — Наверняка — местный. Заблудился, попал под наш обстрел и теперь не в себе. Он перепуган до смерти, гляди — концы отдаст.

К счастью, отличное знание немецкого, было одним из талантов Наумова, и данная фраза не осталась тайной.

— Свяжите его, — между тем продолжил офицер. — Пусть пока побудет у нас. Когда найдем местного переводчика, допросим. Больно подозрительно выглядит этот 'горец'.

— Слушаюсь, господин обер-лейтенант, — козырнул в ответ собеседник. — Еще, какие ни будь распоряжения, будут?

— Вы, послали разведчиков в обстрелянную деревню?

— Сразу, как вы распорядились.

— Хорошо, — кивнул тот. — Как только вернуться разведчики — сразу ко мне. Полковник ждет известий. Я отвечаю головой за этот сектор. Впереди большое наступление и все ключевые высоты должны быть под нашим контролем. Рейху нужна нефть, и он ее получит. А мы, дорогой Вилли, получим ордена и всеобщее уважение.

— Не беспокойтесь, мой командир. Я приложу все усилия, чтобы обеспечить беспрепятственное наступление. Полковник будет доволен.

Иван вслушивался в их разговор, все больше недоумевая над происходящим. Иногда ему начинало казаться, что это сон, и он больно щепал себя за разные места, но ничего не менялось. Только солнце уже клонилось к закату, и поднявшийся легкий ветерок приятно охлаждал лицо.

Подожли двое солдат с веревкой, и молча связав его, тут же удалились, оставив придаваться размышлениям. Иван с интересом наблюдал развернувшуюся кругом бурную деятельность и пытался реанимировать все свои скудные знания, касающиеся второй мировой войны. К сожалению, набралось не густо. Нет, не сказать, что он совсем уж, не знал истории великой войны, просто познания эти были настолько поверхностны, насколько 'углубленно' их преподавали в школе. Кроме основных дат и событий, вспомнить было нечего. Наумову стало стыдно от своей безграмотности, и он дал самому себе мысленное обещание — если выберется из этой передраги, обязательно займется изучением исторической литературы.

Пока же, изучал то, что удавалось увидеть и услышать вокруг. Сколько он не пытался, выявить какой подвох или не состыковку — все было тщетно. С наступлением сумерек жизнь в лагере начала потихоньку угасать и вскоре совсем затихла — только бряцание оружия часовых и простуженный кашель напоминали о присутствии полусотни человек, 'явившихся из небытия'.

Наумов несколько раз пытался освободиться от пут, но все попытки были бесполезны — последние события сильно истощили организм. Это только в кино герой способен без труда выбраться из любой передраги, расправившись с дюжиной врагов одной левой, при этом, обнимая правой рукой знойную красотку. Забросив мысли о побеге, он покорился судьбе, и благоразумно заметив, что утро вечера мудренее, устроился на ночлег.

Проснувшись, он обнаружил, что солнце уже ярко светило на небосклоне, а лагерь был практически пуст, только пара охранников дремала неподалеку, привалившись спинами к большому обломку скалы торчавшей из склона, словно огромный зуб сказочного великана. Ужасно хотелось пить — во рту пересохло настолько, что с трудом ворочавшийся язык походил на небольшого ежа, устроившего себе логово не в том месте. Иван громко замычал для привлечения внимания. Один из сторожей открыл глаза и лениво произнес:

— Какого черта тебе надо?

Наумов прикинулся, что не понял вопроса, вновь разразившись нечленораздельными воплями, на что немец нехотя поднялся на ноги, и не спеша, подойдя к нему, с силой ткнул прикладом винтовки в грудь.

— Так какого черта тебе надо, грязная скотина? — зло переспросил он.

Иван принялся мимикой объяснять, что хочет пить, вытягивая губы и чмокая, надеясь, что его поймут правильно, а не приложат прикладом по этим самым губам. К счастью, солдат попался сообразительный и не очень злой. Он широко зевнул и отойдя в сторону, вскоре вернулся с флягой в руках. Открутив крышку, немец наклонил ее над головой Наумова и тот с жадностью принялся хватать пересохшим ртом драгоценные струи. Вода

была теплой и сильно отдавала железом, но в тот момент показалась ему самой вкусной из всех, что он пробовал. Когда фляга опустела, немец откинул ее в сторону и, повернувшись к напарнику, спросил:

— Долго нам еще торчать здесь, охраняя эту обезьяну, Ганс?

— Не беспокойся Мартин, — отозвался тот. — Скоро подойдет батальон связи, установит оборудование, и мы избавимся от этого чучела.

— Скорей бы. Ненавижу сидеть на одном месте.

— Тебя что-то беспокоит?

— Даже не знаю, — пожал плечами Мартин. — Но мне кажется, что этот пленник понимает каждое наше слово. Слишком морда у него умная.

— Брось, у тебя развивается паранойя.

— Эта война — паранойя.

— Тише, мой друг, у гестапо везде есть уши, — предостерег его Ганс. — Я не хочу потерять своего друга лишь потому, что он устал и дал слабину. Война скоро закончится нашей полной победой. Надо надеяться на это.

— Надейся, раз тебе так хочется, а я буду спать, — он прислонил винтовку к камню и, устроившись рядом, надвинул кепку на лицо. — Все равно время покажет — кто прав, а кто виноват.

— Хорошо, что тебя не слышит обер-лейтенант Шульц, — проворчал Ганс. — не то получил бы сейчас от него хорошую затрещину.

— А ты доложи, — посоветовал Мартин. — Может быть, получишь железный крест.

Тот благоразумно промолчал, отметив, про себя, что все же следует доложить командованию о поведении рядового Мартина Борка, так на всякий случай, для его же блага.

Между тем, утолив мучившую его жажду, Наумов придавался размышлениям о своей дальнейшей судьбе. На съемки фильма, как он думал раньше, происходящее совсем не походило, скорее на бред. С другой стороны все было стопроцентно реально и, вспомнив прочитанные ранее фантастические книги о героях, попавших в прошлое, он сделал вывод, что иногда это случается и в настоящей жизни, как бы нелепо это не звучало. Из этого родилась стратегия дальнейшего поведения — прикидываться идиотом до последнего, пока не раскусят.

Вскоре поляну запрудили люди одетые в непримечательные защитные комбинезоны, чему Иван не удивился. Только когда вокруг раскинулась паутина радиоантенн, сказочно возникшая над головой, он восхитился сноровкой, создавших ее людей. Он, молча наблюдал за неспешными действиями радистов, не проявлявших к нему ни малейшего внимания, сосредоточенно выполнявших свои прямые обязанности. Самое время бежать. Бежать без оглядки, ломая ноги о камни осыпающиеся потоками горной реки. Бежать, пока не заметили.

Но, было уже поздно.

Подожли двое солдат и, схватив его за ноги, связанного, бесцеремонно куда-то потащили. Острые камни впивались в тело, голова прыгала на ухабах, словно футбольный мяч, но все было мелочью по сравнению с чувством неизвестности, ожидавшей впереди. Вскоре мука эта закончилась. Иван смог увидеть, как один из них наклонился и, поднимая тяжелую крышку прикрывающую вход в подземную тюрьму, произнес:

— Давай его сюда, Вилли. Тут ему точно голову не напечет.

Под общий хохот, Наумова подхватили на руки и сбросили вниз, в темную дыру. Еще не

долетев до жесткого пола, он понял, где оказался...

В ближайшие два, а может и все три дня, никто никуда Ивана не отправил. Несколько раз спустили на веревке ведро с водой и черствым хлебом, да отпустили пару глупых шуточек в его адрес. Время тянулось медленно. От безделья, вспомнив про прошлый побег, он попытался отыскать потайной лаз, но вскоре убедился в его отсутствии.

“Значит, старик не так стар, как рассказывал, раз лаза еще нет”, - заметил про себя Наумов.

Спустя еще несколько часов он принялся рыть подземный ход самостоятельно. Целесообразность данного поступка, в тот момент, объяснить он не мог. Как впрочем, и все происходящее. Грунт был каменистый, и за несколько часов дело особо не продвинулось, только мозоли и ссадины появились на руках. Делать нечего, ходить из угла в угол — тоже бессмысленное занятие, и он лег спать. Снился дом: мать, протягивающая ему кружку с холодной родниковой водой, корова Мурка, со своим шершавым языком, и верный пес Урал. Глупое имя для собаки, но оно было первым, что пришло на ум при виде крохотного щенка на мозолистых руках отца. Отец умер, когда Ивану только исполнилось двенадцать, но он на всю жизнь запомнил этого большого и доброго человека, дарившего ему минуты счастья при каждой возможности. Жаль, что возможностей этих бывало слишком мало. Тяжелый труд шахтера не оставлял родителю много времени на сына, зато тот, ни в чем никогда не нуждался. Почему-то сейчас Наумова захлестнула волна любви и нежности, и следом другая — горечи утраты и одиночества. Он остро почувствовал все это, и ему хотелось плакать.

“Зря ноги не сделал”, - подумал он, прикидывая перспективы в случае согласия принять предложенную помощь. Сейчас же, оставалось только пожалеть себя, и еще раз удивиться происходящему. Он лежал и смотрел, как солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь доски, прикрывавшие сверху вход в подземелье, начинают медленно тускнеть. Наступал вечер, а значит еще один безумный день подходил к концу, и оставалась надежда на то, что утро расставит все по своим местам, развеяв этот дурной сон. Сверху доносились различные звуки: смех, обрывки разговоров, металлический лязг оружия, и ...ветер, судя по нарастающему вою, усиливающийся с каждой минутой. Спустя некоторое время, буря набрала силу, и уже ничего кроме сильного завывания ветра слышно не было. Наумов представил, что сейчас творится сверху, и ощутил даже некоторый комфорт от нахождения в темнице, оказавшийся в данный момент самым безопасным местом.

Буря утихла только к утру. Судя по тому, что в положенное время ему не спустили еду и питье, она изрядно потрепала обитателей лагеря, и наверняка разрушила все установленные антенны, а значит, есть надежда на небольшую отсрочку для визита в гестапо. Так размышлял Иван. К великому сожалению, вскоре он убедился в своей неправоте.

Ржавые петли люка прикрывавшего вход в подземелье противно закрипели, вернув Наумова из тревожной дремы к не менее тревожной действительности. Сверху опустили шаткую деревянную лестницу, сколоченную, из чего придется, и скомандовали:

— Давай, на выход!

Он с опаской вскарабкался по шаткой конструкции и очутился в компании из трех человек, одетых в униформу гестапо, вооруженных автоматами. Один из них, (судя по погонам — унтер-офицер), молча ткнул Ивана рукой в спину в направлении горной дороги, где “под парами” стоял армейский грузовик, похожий на советский ЗИС. Один такой догнивал в гараже автомобильного батальона в части, где он раньше служил. Без всяких церемоний запахнули в кузов под охрану еще нескольких солдат и не спеша покатали в

неизвестность.

Несколько часов тряски по разбитым дорогам, начавшей казаться бесконечной, закончились, когда грузовик прибыл на небольшой аэродром. Располагался он на обширной поляне, у самого подножья гор. Местность была очень живописной, и выбравшись из кузова, Иван невольно залюбовался пейзажем.

Легкий толчок в спину вернул к действительности.

— Двигайся, — бросили ему в след. В голосе конвоира не было неприязни. Что-то изменилось в поведении людей сопровождавших его: в этот раз над ним не издевались, не отпускали насмешливые реплики, а лишь только с любопытством рассматривали из-под полуопущенных век.

На краю аэродрома стоял небольшой транспортный самолет: немного больший, чем легендарный “кукурузник”, на котором Наумов несколько раз “посчастливилось” летать в качестве пассажира, но меньше чем Як-40, тоже не менее знаменитый.

Его подвели к трапу и приказали ждать. Вскоре рядом остановилась черная легковушка, с блестящим знаком гордости немецкой автопромышленности на радиаторе. Из “Мерседеса” не спеша выбрались два офицера в кожаных плащах, и отсалютовав вытянувшимся во фронт конвоирам, поднялись на борт, приказав всей свите следовать за ними. Усевшись в кресла расположенные в середине фюзеляжа, они сняли фуражки и дали знак усадить напротив них арестованного.

Наумов не понимал, чем вызван такой необычный всплеск проявления внимания к его скромной персоне. Если только, эти холеные прихвостни рейха, больше похожие на профессоров, чем на военных, не догадывались о его истинном происхождении. Где-то глубоко в сознании всплыло малопонятное и потому очень таинственное слово “аненербе”, сопровождаемое липким, словно паутина, чувством страха.

Эти мысли, скорее всего, отразились на его лице, и один из офицеров, (судя по погонам — старший), произнес:

— Не бойтесь, ничего плохого мы не сделаем.

Иван недоверчиво посмотрел на него.

— Обещаю, — подтвердил тот, — Кстати, позвольте представиться, — Меня зовут Эрнст Шефер. Я возглавляю одно из направлений в области научных исследований Мюнхенского университета. Наши цели имеют сугубо научный характер. Вы понимаете, о чем я говорю?

Не дождавшись ответа, продолжил:

— Я осведомлен о вашем знании немецкого языка, хотя вы и не являетесь немцем. Предположим, что вы шпион, но некоторые наблюдения опровергают это, впрочем, сейчас это не важно. Важнее то, что вы находитесь в этом самолете, — Шефер взглянул на часы. — И через несколько часов мы будем на месте. Там и поговорим.

После этих слов, как по команде, взревели двигатели и транспорт начал брать разбег. Трясло немилосердно, да и шум стоял такой, что казалось, будто все небесные боги, прогневавшись, громогласно ругались в один голос. Только когда самолет набрал высоту, стало немного комфортнее, но всякие разговоры вести было все равно бессмысленно. Все дремали или, во всяком случае, делали вид.

Наумов проснулся, когда снова началась тряска. В очередной раз заходили на посадку для дозаправки или все?. Самолет коснулся земли, постепенно сбавил скорость и остановился. Надоедливый шум двигателей затих. Дверь, ведущая в кабину экипажа,

распахнулась и один из летчиков, одетый в кожаный френч доложил:

— Прибыли, господин обергруппенфюрер!

— Спасибо, Вильгельм, — отозвался Шефер. — Пусть подадут трап.

Через несколько минут в салон поднялись два автоматчика и, взяв Ивана под охрану, вывели наружу. Все остальные не спеша потянулись следом.

В отличие от того аэродрома, что они покинули, этот казался просто гигантским и суперсовременным: широкие бетонные полосы разбегались в разные стороны, образуя замысловатый узор, сложные коммуникации, высокое здание диспетчерской, обилие вооруженной охраны. Все говорило о том, что они прибыли либо на важный военный объект, либо в большой столичный город. Скорее всего, это был Берлин.

Не дожидаясь пока подадут машину к самолету, они пошли пешком в сторону центрального корпуса аэропорта, чтобы немного размять затекшие, после длительного сиденья, конечности. Затем погрузившись в просторный автомобиль, еще примерно полчаса ехали по живописным улочкам и паркам города. Остановились у большого старинного здания, величественно возвышающегося над окружающими его деревьями. Шефер вышел первым и, любезно придерживая дверку, пригласил:

— Добро пожаловать в резиденцию Аненербе!

Наумов побледнел.

Иван ожидал, что сначала его бросят в камеру, а затем начнутся допросы, но вопреки этому, все вышло наоборот: его хорошо и сытно накормили и, отведя в небольшую комнату, где единственным предметом интерьера была металлическая кровать, дали отдохнуть пару часов. Это время он потратил на размышления о дальнейшем неизбежном разговоре с Шефером.

Откуда он знает о том, что Иван владеет немецким — дело понятное. Солдат охранявший его в горах наверняка поделился своими подозрениями. Но, что ему говорить? Как себя вести в данной ситуации? Если запереться и молчать, как партизан, то, скорее всего, подвергнут пыткам, чего, ну ни как не хотелось. Тем более что правило думать о фашистах, как о чудовищных садистах и убийцах, привили ему еще со школы. Рассказать правду? И кто поверит в этот бред? В лучшем случае его помучают и отправят в психушку или в концлагерь, в худшем же — поставят клеймо подопытного кролика с перспективой закончить жизнь в подвалах какого-нибудь НИИ в ужасных мучениях. Необходимо было срочно придумать правдоподобную “легенду”.

Послышался шум открываемой двери и, вошедший охранник в форме СС, доложил:

— Господин исполнительный директор ждет вас у себя в кабинете.

Наумов поднялся с кровати и последовал за ним чередой длинных и темных коридоров. Вскоре они оказались в огромной, полутемной комнате с высокими потолками и камином, где уютно потрескивали дрова и от языков пламени на стенах плясали замысловатые тени. Рядом, в большом кресле сидел Шефер с бокалом вина в руках. На этот раз он был без формы, в домашнем халате темно красной атласной ткани, и в домашних тапочках.

— Не удивляйтесь моему виду, — произнес он, усмотрев некоторую растерянность на лице вошедшего пленника. — Наша беседа будет носить сугубо неофициальный характер.

— О чем же? — впервые за долгое время решился подать голос Иван.

— О вас, конечно, — усмехнулся собеседник. — Иначе, зачем нам встречаться в неформальной обстановке?

— А что, обо мне говорить? — удивление выглядело вполне реальным.

Хотя он так и не успел составить более или менее толковый план, некоторые наметки все же имелись.

— Я не вполне понимаю, чем вызвана такая заинтересованность в моей скромной персоне?

— Кто вы на самом деле?

— Я?

— Ну, не я же!

— Я — журналист. Откомандирован газетой “Народный голос”, сделать репортаж о победоносном наступлении наших войск на Кавказе, — изложил он заранее заготовленный план. Название газеты, естественно, было выдуманно, но это давало возможность потянуть время и впоследствии, более продуманно отвечать на поставленные вопросы.

— Вы в этом уверены? — насмешливо произнес Шефер. — Я, например, располагаю совсем иными сведениями...

Наумовы оставалось лишь промолчать, так как возражать было бессмысленно.

— Не пытайтесь ввести меня в заблуждение. Слишком много фактов говорят о вашей, так сказать... — он сделал паузу, чтобы подобрать нужное слово, — ...необычности, что ли.

— За меня могут поручиться, — ляпнул Иван первое, что пришло в голову.

Шефер засмеялся. Когда смех его иссяк, он произнес уже более серьезно:

— Ни один журналист нашей великой империи, не прибывает в командировку без документов и с этим... — хлопок в ладоши вызвал в кабинет офицера, по-видимому, одного из адъютантов генерала. Тот вошел в кабинет и, в руках у него был автомат Калашникова, или АК47, как более привыкли называть его в армии.

— Что это? — поинтересовался Наумов, немного оправившись от шока, и продолжая начатую игру.

— Это у вас надо спросить, — хитро прищурившись, ответил Шефер. — Его нашли рядом с местом, где вас поймали.

Иван задумался. В этом мире он очутился без всякого оружия и боеприпасов, в темной дыре под названием “зندان”. Как мог оказаться здесь автомат — оставалось полной загадкой.

— Вы задумались, — прервал его мысли генерал. — Это значит, что вы знаете больше, чем говорите. Послушайте! Я могу с чистой совестью отдать вас на растерзание моим специалистам, они уж точно, поверьте моему слову, вытрясут всю необходимую мне информацию, — он нервно наполнил бокал новой порцией вина и продолжил. — Но, я вижу в вас большой потенциал к будущему. Я не дурак и понимаю, что рано или поздно война закончится. Кто будет в ней победителем тоже не известно. Мне нравится этот мир, хотя он и не совершенен. Сегодня я нужен рейху, а завтра он вытрет об меня ноги — это историческая закономерность, избежать которую возможно только в будущем...

Наумов напрягся при этих словах.

— ...в будущем, когда все кончится, и мир перестанет болтать, словно ковчег Ноя. Жаль, что к тому времени я уже буду стар и немощен, если конечно доживу, и меня не вздернут на виселице, — подвел он итог.

— К чему вы все это сказали? — спросил Иван.

— Я знаю, кто вы! — прямо заявил Шефер.

— И кто я? — осторожно осведомился тот.

— Вы — человек из будущего!

— С чего вы взяли?

Генерал поднялся со своего кресла и, подойдя к стене рядом с камином, отодвинул одну из картин в сторону. В образовавшемся проеме показался небольшой сейф с кодовым замком. Повозившись с ним некоторое время, хозяин кабинета вернулся на свое место:

— У меня есть доказательства, — произнес он. — Вот, держите.

Он протянул небольшую книжку.

— Смотрите.

Иван взял ее в руки и обомлел — это было удостоверение личности, принадлежавшее Дымову.

— Я дарю ее вам.

— Откуда это у вас? — спросил он, но ответа так и не дождался.

“Неужели и командир попал сюда?” — подумал Наумов, но тут — же принялся отгонять эту мысль, понимая, что живым его точно не увидит.

— Нет смысла скрывать правду, раз уж мы начали этот разговор, — заметил Шефер. — Я все сейчас расскажу по порядку. Налейте вина, хорошая выдержка, советуую.

Иван отказался и принялся слушать рассказ генерала.

Еще с начала войны Германия устремила свой взор на Кавказ, местность богатую нефтью, вольфрамом и молибденом, столь необходимые для нужд военной промышленности “Третьего рейха”.

После победоносного наступления, прибыли немецкие специалисты, и началось строительство стратегической дороги. Тысячи тонн тротила рвали скалы, рабочие заливали бетон в дорожные отбойники — камнеуловители, сооружали монолитные железобетонные мосты. Каждый мост представлял собой мощное фортификационное сооружение, в котором одновременно могли находиться с десятков танков и другая техника и вооружение, превращая мост в горную крепость. Всего таких мостов было построено тринадцать. Оперативно-боевое прикрытие стратегической дороги впоследствии осуществляла горная дивизия СС.

Вслед за этим, на завоеванные территории приехали ученые из “Аненербе”. В ее структуре существовало научно-исследовательское подразделение спелеологов по изучению карстовых пещер по всему миру. Специально под это был создан Имперский союз спелеологии и карстовых исследований. Этим проектом и руководил Эрнст Шефер.

Развернув в районе бурную деятельность, его ведомство постаралось охватить все сферы изучения окружающего района, в том числе и изучение магнитно-гравитационных полей. В горной местности, в местах бывших разломов и действующих вулканов, это имело определенный интерес. К тому же финансирование проектов из казны велось с завидной регулярностью, а Гиммлер требовал отчета о потраченных средствах. Расставили на склонах датчики, и мало надеясь на значимый результат, практически забыли о них. Какого же было удивление, когда в зоне действия одного из них произошла сильная гравитационная вспышка. Прибор вышел из строя, и его необходимо было заменить. Бригада техников, посланная для замены оборудования, обнаружила неподалеку труп неизвестного человека, одетого в военную форму необычного покроя. При нем были найдены странные документы и автомат неизвестного образца. В техническом бюро, куда было передано оружие, разобрали его буквально до винтика и были поражены простотой и эффективностью. К сожалению, данный образец был испорчен взрывом, либо какими-то другими силами, и его воспроизводство потерпело неудачу.

— В том же месте задержали и меня? — перебил его повествование Иван.

— Да, — кивнул генерал. — Недалеко от того места. — Обер-лейтенант Шульц доложил мне о вас. Сопоставив все имеющиеся факты, я понял — кто вы, — продолжил Шефер, оценив результат своих откровений. — И, что из данной ситуации, можно извлечь большую выгоду для себя.

Он замолчал ненадолго, видимо собираясь с мыслями, затем продолжил:

— Многие годы мне приходилось заниматься всякой оккультной ерундой, и если честно я мало верил во все эти бредни, пока судьба не преподнесла подарок — вас.

— Почему вы решили, что я подарок?

— Я устал от этого безумного времени и хотел бы покинуть его. К сожалению, сейчас нигде нет спокойного уголка, где можно было бы укрыться и провести остаток жизни в тишине, занимаясь делом, которое нравится.

— Я так и не понял к чему этот разговор?

— Хочу, вместе с вами покинуть это время и отправиться в будущее.

Иван засмеялся. Рассмешила комичность ситуации: чем он, застрявший в этом времени, и возможно — навсегда, мог помочь одному из “главных ученых третьего рейха”?

— Что вас так насмешило? — обиженно спросил Шефер.

— Даже не знаю, чем вам помочь? — вытирая навернувшиеся от смеха слезы, задумчиво произнес тот.

— Даже не думайте что-либо скрывать от меня, — неожиданно резко бросил собеседник. — Всю информацию вытяну раскаленными щипцами!

— Кто бы сомневался, — тихо вздохнул Наумов, и затем, уже громче, продолжил. — Я сам рад бы отправиться домой, но даже не знаю, с помощью каких сил попал сюда.

Он не стал рассказывать немцу про локальный конфликт на Кавказе, о стычке на посту и о побеге из плена, так как все это могло быть одной цепью событий приведших его во времена второй мировой войны. Где есть вход — должен быть и выход, и генерал это тоже прекрасно понимал, иначе бы не стал уделять столько внимания обычному военнопленному. Рассказал только о яркой вспышке, запомнившейся в последние пребывания в будущем, о сильной боли, скрутившей тело и темноте, наступившей затем.

— Вы сможете указать место, где очнулись после путешествия во времени? — дослушав этот не очень подробный рассказ, уточнил Шефер.

— Думаю, да, — подтвердил Иван. — Но только если снова окажусь в той местности.

— Так сказать надежда на хорошую зрительную память, — задумался тот. — Хорошо, завтра мы отправимся назад, на нашу научную базу в горах. На сегодня у меня к вам последний вопрос.

— Какой?

— Мы проиграли эту войну?

— Да.

— Я так и думал...

Глава 3

Утро для каждого жителя 'Дома на набережной' начиналось по-разному. Кто-то все еще нежился в теплой постели, пряча заспанное лицо от надоедливых лучей яркого июльского солнца, кто-то делал простую зарядку, предвкушая ароматный свежесваренный кофе и сытный завтрак перед предстоящим трудовым днем в просторном кабинете некоего министерства. А кто-то уже завершал свою работу, в заключительный раз, перечитывая слезящимися от усталости и напряжения глазами предательски скачущие строчки текста новой, политически правильной повести. В общем, несмотря на то, что еще не так давно враг угрожал Москве, и обстановка на фронтах еще оставалась напряженной, жизнь здесь текла своим, особым чередом.

Один из таких жильцов — Алексей Серов, в это раннее утро сидел в огромном кресле с чашкой кофе в одной руке и дорогой кубинской сигарой, источающей аромат крепкого элитного табака, в другой. За какие заслуги он удостоился права проживать в самом лучшем столичном доме, чем занимался или где служил — не знал никто из соседей. Впрочем, они этим особо и не интересовались, живя по принципу: меньше знаешь — крепче спишь. Единственное, что было хорошо известно, так это его любовь к дорогим коньякам, красивым девушкам и заграничным сигарам. Откуда он все это доставал в полуголодное военное время — тоже оставалось загадкой. Но и об этом предпочитали молчать, иногда получая подарки в виде дефицитных американских продуктов. Зачем резать курицу несущую золотые яйца? Да и мало ли что. Поговаривали, что он с САМИМ здоровается за руку!

Ровно в восемь пришедшая домработница, нисколько не удивилась, застав хозяина квартиры за своим обычным утренним ритуалом. Огромная сигара чадила как заводская труба, что каждый день она наблюдала из окна своей маленькой, но уютной комнатки в коммуналке. Клубы дыма мягко струились в воздухе, обволакивая голову курильщика, словно облака — высокогорный пик. Недопитая чашка кофе остывала на журнальном столике.

— Завтракать будете, Алексей Иванович? — с порога, задала она вопрос.

— Пожалуй, нет, — отказался тот, убирая в сторону раскрытую газету. — Дождусь обеда.

— Обедать дома будете?

— Нет.

Домработницу Анну, Серову порекомендовал один знакомый из министерства, указав на нее, как на добросовестную и исполнительную во всех делах девушку. 'Во всех делах', — недвусмысленно намекнул он, зная слабость того к женскому полу.

Анна сразу понравилась Алексею, но при первой встрече не подал и виду, поступив, как настоящий джентльмен, выдав ей предоплату за будущую неделю. Затем многочисленные дела затянули с головой; оценить степень квалифицированности работницы он мог только по идеальному порядку в квартире, чисто выстиранным и отутюженным сорочкам и вычищенной до блеска обуви.

Когда часть дел была улажена, и он мог спокойно отдохнуть, предаваясь размышлениям и чтению книг в компании любимого коньяка и ароматных сигар, Серов смог оценить и потрясающие внешние данные домработницы. Но, только один раз — когда чуток перебрал, не удержавшись, ущипнул ее за крепкий, аппетитный зад. Как и положено хорошей служанке

— та даже виду не подавала, что возмущена таким поведением, хотя оно и не подобало советскому гражданину. Это еще больше повысило ее рейтинг в глазах хозяина квартиры, и жалование выросло сразу на четверть.

'Ну и пусть, — думала Анна. — Просто человек одинокий. К тому же — очень симпатичный и не жадный. А то, что руки распускает — так все мужики одинаковые'.

Как девушка прагматичная и в нужном русле воспитанная, она строила далеко идущие планы.

Облачившись в дорогой костюм серого цвета, Серов вышел в прихожую. Сегодня его ждали на совете по обороне с докладом о новых образцах авиационных двигателей. Намечался прорыв. Поэтому и выглядеть он должен на все сто.

Анна молча подала зонт.

— Это еще зачем?

— На всякий случай. Похоже, дождь собирается.

Тот только пожал плечами и, нехотя приняв ненужный в ясную погоду аксессуар, уже на пороге неожиданно спросил:

— Вы сколько классов закончили, Анна?

Та растерялась; на лице отобразилась тень различных эмоций. Но, быстро взяв себя в руки, она ответила вопросом на вопрос:

— Зачем это нужно знать?

— Может, надумал в жены взять...

— И что? — неожиданно гневно произнесла Анна.

Ее лицо пошло красными пятнами, кулачки сжались; все это не скрылось от цепкого взгляда Серова.

— Неграмотную, так и в жены нельзя взять?

— Ерунда, я пошутил, — поспешил оправдаться Алексей. — Просто мне нужен секретарь, а времени на поиски нет. Да и абы кого в дом брать, желания нет.

— Тогда вам повезло, — неожиданно, с нескрываемой радостью произнесла девушка.

— Десять классов я закончила. Плюс курсы машинисток.

— Вот видите, как все удачно сложилось. Считайте, что приняты на полставки. Мне нужны такие люди.

С этими словами он вышел в коридор.

— До вечера.

Спустя несколько минут после этого разговора в кабинете начальника третьего отдела НКВД раздался телефонный звонок.

— Связь с объектом установлена, — доложил абонент. — Жду дальнейших инструкций.

— Хорошо, — одобрил тот. — Вечером получите весь расклад...

Черный 'Паккард' уже ждал у подъезда. Водитель, расторопный малый, при появлении клиента резво выскочил из-за руля и распахнул пассажирскую дверь. Серов уселся на заднее сиденье обтянутое хрустящей кожей и приказал:

— Трогай.

На столь буржуазный выпад шофер даже ухом не повел, послушно исполнив приказание, трогаясь с места. Мощный американский мотор размеренно гудел, гоня тяжелую машину по разбитым московским улицам.

Мимо словно в неторопливом кино проплывали знакомые улочки. Иногда взгляд цеплялся за особенно памятные места, автоматически сравнивая времена 'до' и 'после'. 'До'

— никакой рекламы, только одноликие серые вывески указывающие на принадлежность того или иного магазина к его товарной разновидности. Это после — будут яркие неоновые огни и кричащие рекламные плакаты, с несуразными (иногда до полного неприличия), призывами.

Время медленно растягивалось на всем протяжении пути, словно зацепившись за хромированный бампер лимузина. В окно смотреть надоело и рука автоматически, по привычке потянулась во внутренний карман пиджака в надежде отыскать там сотовый телефон. Но его быть не могло. В 'это' время. Тогда мысли переключились на повседневные дела. Американские поставщики с коими он совсем недавно наладил связь, требовали гарантий. Но, где их было взять, когда война еще только набирала ход и кто одержит в ней победу — было известно одному богу, и... Серову. Пытаясь доказать, что фашизм падет под натиском Советской России он использовал все доступные аргументы, но все безрезультатно: не станешь ведь заявлять что про это тебе долбили в школе. Неправильно поймут, разорвав все отношения. Поэтому заокеанские партнеры выжидали, следуя политике своего правительства и не в интересах Серова было позволять им это. 'Сам' уже начинал нервничать и тот прекрасно понимал — во что мог вылиться его гнев. Вот же напасть! Уперлись словно бараны. Предатели: везде только выгоду ищут. Что же — еще год — два и мы утрем им нос, а могли бы многое поиметь.

За этими мыслями подъехали к Кремлю. Охрана взяла на караул, пропуская машину в самое сердце Советского Союза. Кому-то это могло показаться несбыточной мечтой, но пройдет несколько десятилетий и каждый желающий спокойно сможет зайти за эти стены, что бы полюбоваться на царь-пушку и царь-колокол. Это сейчас он грозный и неприступный оплот власти. Его стоило бояться, как стоило бояться и непредсказуемости его хозяина.

Бывший советник по вооружению почил, передав бразды правления приемнику. И когда Серов занял это место, начал бояться. Хотя ему лично ничего и не угрожало: сегодня здесь — завтра там. Вот только это почему то не работало, стоило предстать перед очами 'великого и грозного'. Сердце сжималось в комок, тихо, чтобы не беспокоить окружающих, выстукивая жизненный мотив. Тело сковывал безотчетный страх. С чего бы? Этим вопросом задавались многие, но почти никто не знал на него ответ. В принципе — ему-то чего бояться? Американское гражданство давало достаточный повод для спокойствия, но, всякий раз переступая порог самого главного кабинета, чувствовал, как начинали трястись поджилки.

Бывший предшественник наверняка думал так же, но это не спасло его от справедливого гнева трудового народа: в один из дней его нашли мертвым в номере гостиницы. Разразился скандал, но что есть малая пешка по сравнению с мощью великой державы? Отношения с американцами грозили зайти в тупик, но дело быстро замяли, спустив на тормозах. По требованию посольства на должность советника назначили его, Серова. После этого мысль, что его держат под колпаком, подозревая в связях с Управлением Стратегических Служб, ни на минуту не отпускала, вызывая все эти опасения. Поэтому, неожиданный вызов в Кремль стал для него неким испытанием: отказаться — значило поставить себя вне политики сотрудничества. Принять предложение — ввязаться в трудную и опасную игру. Но, что есть риск? Зачем тогда он прибыл сюда? Деньги решают все: сомнения быстро улетучились, уступив место голому прагматизму. Если уж заварил кашу — то черпай полной ложкой.

Автомобиль подъехал к парадному входу, водитель открыл дверцу приглашая покинуть салон. Выбравшись наружу, Серов поднялся по лестнице и, предъявив дежурному пропуск,

прошел в здание. Начищенный до зеркального блеска мрамор, широкие ковровые дорожки поглощающие стук шагов — все говорило о том что, несмотря на изнурительную войну, оплот власти непоколебим.

Взглянул на часы. До начала совещания оставалось еще пятнадцать минут. Этого времени было вполне достаточно, чтобы еще раз проверить все документы, прокрутить в голове план вступительной речи и привести в порядок внешний вид.

Спустя несколько минут появившийся секретарь открыл дверь, жестом приглашая войти. Не считая его, Алексей был первым, кто пересек порог зала заседаний. пунктуальность была одним из его достоинств. Заняв положенное по статусу место за обширным столом, принялся ждать.

Высокопоставленные лица прибывали одни за другим. Коротко здороваясь, они быстро рассаживались по своим местам. Их поспешность стала понятна когда, следом вошел САМ: ждать он не любил.

— Здравствуйте, товарищи! — поприветствовал он присутствующих. — Можете не вставать.

Эта фраза была излишней: все и так стоя приветствовали вождя.

Заняв место во главе стола, Сталин произнес:

— Предлагаю начать!

Секретарь огласил план собрания совета по обороне; доклад Серова ожидали к концу и он мог сосредоточиться на докладах министров, пытаясь вычлениить из них полезную для своего будущего дела информацию.

Начались слушания. Изредка верховный прерывал тот или иной доклад, требуя пояснений, вставлял свои замечания и предложения. Папка с документами, требовавшими дальнейшего, более пристального рассмотрения, росла, словно на дрожжах. Иногда возникали споры: атмосфера в зале медленно, но верно накалялась. Некоторые участники до того увлекались отстаиванием интересов своего ведомства, что забывали где находятся и с кем разговаривают. Серов мысленно крестил их, предрекая не очень завидную судьбу. Он знал ее у многих из присутствующих.

К тому моменту, когда настала его очередь, неожиданно почувствовал предательскую слабость в конечностях. Спина покрылась испариной, намочив дорогую сорочку.

— Ваше слово, господин Серов, — зная, подданным какого государства он являлся, обратился секретарь. — Прошу вас.

— Товарищам будет интересно, что могут предложить союзники, — неожиданно произнес Иосиф Виссарионович, делая упор на последнее слово. — К сожалению, наша наука и промышленность еще не вполне готовы к созданию сверхсовременных образцов вооружения и техники. Но это время не за горами. К счастью, Германия тоже не может пока похвастаться своими достижениями, завязнув в боях против Советской армии, но и они не дремлют. Продолжайте!

Поднявшись, Серов откашлялся в кулак и не совсем уверенно начал:

— Как вы знаете, связь имеет огромную значимость. Одна из ее главных задач — согласование действий тех или иных подразделений, как на поле боя, так и в глубоком тылу, — взгляд пробежал по лицам присутствующих. Те благосклонно молчали, ожидая продолжения.

— Особенно это касается авиации. Современные ламповые радиостанции не отвечают потребностям военного времени: они массивны, требуют большого количества

энергетических затрат и очень ненадежны в условиях повышенных нагрузок и вибраций...

Серов постепенно вошел во вкус и долго распространялся по поводу недостатков лампового оборудования и преимущества нового — полупроводникового. Чтобы не быть голословным и понятным широкому кругу лиц, упомянул об изобретении американским физиком Лилиенфельдом в тысяча девятьсот тридцатом году полевого транзистора работающего на природных принципах положительно и отрицательно заряженных частиц.

Слушатели довольно закивали, соглашаясь, но по их лицам нетрудно было догадаться, что они далеки от всего этого. Их интересовал сам Серов, раз уж он появился здесь.

— И что вы все-таки хотите предложить? — не выдержал Сталин. — Нас интересуют конкретные разработки.

— Я хочу предложить совершенно новый тип радиостанций, Иосиф Виссарионович, — подытожил тот. — Более легкие, более простые и надежные.

— И?

— И более дешевые, — выдохнул Серов.

— Хорошо, — одобрил верховный главнокомандующий. — Передайте секретарю документы. Думаю, мы рассмотрим ваше предложение. Присаживайтесь.

Алексей облегченно выдохнул и сел на стул. Дело сделано, осталось дожидаться результатов. Голова отключилась от происходящего. Все мысли были направлены на подсчет возможной выгоды.

Вскоре совещание подошло к концу. Сталин поднялся со своего места и, пожелав всем удачи, покинул зал заседаний.

Серов вышел в коридор. Что же, думал он, совсем неплохо для начала. Если все так и пойдет дальше, то они не зря потратили деньги. Босс будет доволен. Мысли переключились на возвращение в уютную квартиру в “доме на набережной”, где его ждал коньяк и любимые сигары.

Глава 4

Снова оказавшись в одиночестве, под замком, Наумов не спеша 'раскладывал по полочкам' события последних дней. Припоминая слова Шефера, сделал вывод о не состыковках в его рассказе. В сам момент разговора он не придал значения многим фактам, сейчас же они вылезали, как бельмо на глазу. Во-первых: выходило, что тело Дымова переместилось в другое место, не смотря на то, что в момент стычки на посту они были в нескольких метрах друг от друга. Во-вторых: генерал упомянул о производстве новой штурмовой винтовки, созданной на основе автомата Калашникова, что само по себе вызывало справедливый вопрос о том, как за такое короткое время оружейники смогли это сделать, ведь пребывание Ивана в этом времени не превышало и двух недель. Все это не укладывалось в рамки рассказа, и вызывало массу вопросов. И, в-третьих: кто этот лейтенант Вернер? Об этом стоило узнать у генерала.

Поразмыслив, пришел к выводу, что они с командиром оказались не только в разных географических точках, но и в разном времени. Мысль эта еще долго не давала ему покоя, но решив уточнить этот вопрос с утра, он заснул.

Человек в камуфляже сидел на ящике, спиной к нему, и неразборчиво напевал знакомый мотив. Это был старший прапорщик Дымов — обознаться Иван точно не мог. Переминался с ноги на ногу, не решаясь присесть рядом.

— Чего стоишь? — не оборачиваясь, строго спросил командир. — В ногах правды нет. Особенно, если их нет... — он развернулся, демонстрируя кровавые обрубки, когда-то

бывшие ногами. — Это все из-за тебя... Ты струсил!

Иван проснулся. Холодный пот покрывал его тело, майка прилипла к торсу, но, самое противное, что страх от ночного кошмара не улетучился. Он встал с кровати, и все еще испытывая противную дрожь в коленках, принялся расхаживать по комнате.

Предстоящее возвращение в горы немного нервировало, но между тем, это был, наверное, единственный шанс сбежать. Не имея семь пядей во лбу, можно было догадаться, что в случае провала с перемещением в будущее, (а это — неизбежно должно было произойти), Шефер не оставит в живых. Уничтожит, как опасного свидетеля его крамольных разговоров. В данной ситуации следовало делать ноги при первой же возможности. К тому же, ночной кошмар окончательно выбил из колеи. Страшно хотелось курить, и только теперь он вспомнил, что долгое время не держал в руках сигарету. Последний раз — перед нападением на блокпост. Хотя генерал и курил при нем дорогие сигары, вспоминать о пагубной привычке было некогда: напряжения в ожидании завершения происходящих событий. При этой мысли желание глубоко затянуться, сделалось вовсе невыносимым. Он подошел к запертой двери и громко постучал. Затем еще отчего-то пнул ногой. Вскоре, в коридоре послышались шаги и недовольный голос произнес:

— Чего тебе?

— Курить есть? — спросил Иван, особо не надеясь, что просьба будет удовлетворена.

С той стороны не ответили, но вскоре под дверь была просунута пачка папирос 'Спорт' и спички. Такая предусмотрительность не могла не тронуть. Он с наслаждением закурил, вдыхая крепкий аромат старого табака. Да уж, без спору, в современной России, папиросы делают из старых солдатских портянок. Мысли потекли плавно, и что самое главное — в нужном направлении. До утра оставалось совсем немного, а толкового плана побега так и не было.

Без сомнений, сопровождение будет не многочисленно: пара приближенных к Шеферу офицеров и небольшая охрана. Вряд ли он станет рисковать и потащит на сомнительное дело половину СС. Хотя, черт знает этих нацистов. Иногда ради собственной безопасности они готовы на все.

'Эх, — мысленно вздохнул Иван, затушив окурок об подоконник. — Нужно было плотнее изучать историю. Собрался бежать, но даже не знаю в какую сторону!'

Хождение, 'куда глаза глядят, да ноги приведут' — мероприятие довольно глупое и опасное. Поймают — точно вздернут на первом же дереве, или замучают до смерти в пыточных подвалах СС. Народная мудрость — вещь дельная, но не применима в данном раскладе. Наверняка, в горах действовали партизаны или группы русских разведчиков. Встречу с ними, он избрал как основную задачу. Прилег на кровать, выкупив еще одну папиросу, и не заметил, как уснул с этой мыслью.

Вновь заступивший караул охраны разбудила его рано утром, когда солнце только поднялось над горизонтом. День обещал быть солнечным, и от этой мысли настроении немного улучшилось. Принесли горячий чай и несколько бутербродов с сыром, затем, в сопровождении двух эсэсовцев отвезли на аэродром. Всю дорогу он дремал, откинувшись на заднем сиденье просторного автомобиля. Шефер ждал у самолета в компании двух офицеров: один из них был знаком по прошлому перелету, другого, в звании лейтенанта, Наумов видел впервые. Это был истинный ариец: светловолосый, голубоглазый, с правильными чертами лица, и выражением законченного садиста на этом самом лице. Наглый и развязный, он сразу пришелся не по душе и, судя по брезгливому выражению, это

было взаимным. Каким-то шестым чувством, (или пятой точкой), Иван понял, что встреча эта будет не последней, и наверняка — самой приятной из тех, что ожидаются в будущем.

— С майором Вольтом вы уже знакомы, — между тем начал генерал. — А это... — он указал на белокурую бестию. — Лейтенант Пауль Нейманн, мой помощник, и по совместительству — начальник личной охраны.

Вольт чуть заметно кивнул, а Нейманн остался неподвижен.

— Что же, — продолжил Шефер. — Нет времени на церемонии, пора отправляться в путь. Прошу занять свои места.

Вопреки ожиданиям, вместе с ними погрузились еще шесть солдат одетых в защитные комбинезоны. По крепко сложенным фигурам и отточенным движениям нетрудно было понять, что это и есть бойцы из личной охраны генерала — своеобразный спецназ СС.

Двигатели заурчали, самолет начал разбег и, набрав нужную высоту, лег на курс. Молчали. Иван притворился спящим и его никто не беспокоил за исключением пристального взгляда лейтенанта. Вскоре, это надоело, и он произнес, не открывая глаз:

— Вы, Нейманн, скоро во мне дырку проделаете...

— Я бы с удовольствием продырявил тебя из своего 'браунинга', - откликнулся тот. — Но, боюсь, что начальство не оценит мой порыв, — он взглянул на Шефера, дремлющего в этот момент в кресле и, продолжил. — Но, всему свое время.

— Посмотрим, — ответил на этот выпад Наумов. За последние двадцать четыре часа, он немного уверился в своей безопасности, до тех пор, пока его покровитель не поймет, что его водят за нос.

— Прекратите глупый спор, — вмешался в разговор майор. — Все будет зависеть от желания нашего генерала. Мы только пешки в его руках.

Эта фраза немного охладила пыл Нейманна, и за все время путешествия, он больше не проронил ни слова.

В это время, Иван обдумывал план предстоящего побега, но как назло, ничего путного в голову не приходило. Несколько раз самолет попадал в воздушные ямы и в эти моменты желудок пытался выпрыгнуть наружу вместе с остатками скудного завтрака. Тут уж было не до размышлений.

Сохраняя внешнюю спокойность, он старался подавить внутри себя чувство гнева. Злился не на напыщенного лейтенанта, на его показное превосходство, а на то, что этот глупый индюк, сам того не понимая, мог испортить всю подготовку к побегу. Наумов догадывался, что отныне он у него под колпаком все двадцать четыре часа: его люди, будут неотступно следить, выжидая первой удобной возможности прижать к стенке. Это, никак не входило в планы и значит — нужно избавиться от Нейманна. Но, как? Не самый простой вопрос для человека находящегося в положении пленника, пусть и ценного.

Между тем, достигнув места назначения, Шефер, словно с цепи сорвался: сначала наорал на водителя опоздавшей к прибытию машины, затем, уже в лагере собрав всех офицеров, требовал от них 'увеличения темпов работ по установке и наладке оборудования'. Он явно спешил. Вскоре Иван понял почему: в редкие минуты затихающей вокруг работу с ее шумом, суетой и криками, издали доносились отголоски артиллерийской канонады — фронт приближался, и это не могло не радовать, так как шансы добраться до "своих" увеличивались.

— У нас нет времени, — заявил генерал, когда все разошлись по своим делам, и они остались одни в командной палатке. — Русские наступают, — при этих словах, он

внимательно посмотрел на собеседника, но тот остался невозмутим. — Через несколько дней их передовые отряды будут здесь.

— И что?

— Вы не сможете вернуться домой, а я не смогу покинуть это безумное время.

— Мы в любом случае не сможем это сделать, — вздохнул Иван.

— Уверены?

— Ни в чем, никогда нельзя быть уверенным. И та сила, что смогла преодолеть время — неизвестна, и никто не знает о ее происхождении.

— Так уж и никто? — загадочно спросил Шефер.

— Не я, точно.

Летом тысяча девятьсот сорок второго года, во время описываемых выше событий, в штаб-квартире Аненербе, что размещалась в древнем замке Вевельсбург, в тридцати километрах от Экстернштайне, в Тевтобургском лесу, собралась на очередную встречу верхушка тайного общества во главе с Гиммлером. Рейсхфюрер был равнодушен к старинным замкам, они напоминали про времена рыцарских походов и магических ритуалов прошлого. Это чувствовалось как в самом облике замка, так и в его внутреннем убранстве. Центральное место в резиденции занимал огромный зал для собраний ордена, с высоким потолком, опирающимся на внушительные колонны, где были вырублены ниши под урны с будущим прахом видных руководителей общества.

Каждый из участников занимал положенное ему место в высоком кресле, обитым свиной кожей. На спинке имелась персональная табличка с именем владельца. В центре, стоял массивный дубовый стол в стиле рыцарей короля Артура. Не хватало только плоского камня, с воткнутым в его тело мечем, чтобы завершить эту картину.

Обсуждали последние достижения науки, находки разбросанных по всему миру экспедиций, и сомнительные открытия на ниве оккультизма. В конце заседания, Зиверс, с присущей ему педантичностью, сделал доклад о результатах раскопок в одном из древних городов Перу, где были найдены странные артефакты с указанием на возможность, открыть некий 'портал' во времени. Новый проект назвали 'Связь времен'. После долгих изучений и попыток проведения описанных ритуалов, пришли к выводу, что это — не что иное, как очередная бесполезная легенда. Решено было его свернуть, как не имеющего перспективы.

Только когда спустя несколько недель, с Кавказского фронта пришло невероятное сообщение о странных событиях, Шефер, к которому, как руководителю отдела путешествий и изучения высокогорных районов стекалась вся информация, сделал соответствующие выводы и, скрыл все факты от своих коллег. В первую очередь — от рейсхфюрера Генриха Гиммлера. Портал работал и этот факт уже не вызывал сомнений. Но, еще слишком много белых пятен скрывали истину.

Все эти факты были неизвестны Наумову, иначе, он не смог бы так уверенно убеждать генерала в невозможности вернуться обратно. Шефер знал достаточно много о портале, но не знал единственного, и самого главного — где находятся врата. Он понимал, что единственным носителем этой информации являлся его пленник и самой верной линией поведения он выбрал дружественное общение. Были мысли использовать 'сыворотку правды', но нельзя было надеяться при этом на объективные результаты. Любое вмешательство в память могло стереть зыбкие воспоминания на уровне подсознания. Сейчас они на вес золота.

Вошел дежурный офицер и доложил, что все готово к работе.

— Ну вот, — обрадовано произнес Шефер. — Решается наша судьба. Он быстро надел плащ и жестом пригласил Ивана за собой.

Некоторое время они петляли по горным тропам, взбираясь все выше. Иногда местность вокруг казалась знакомой и, наверное, так оно и было, но на ее более детальное изучение не было времени.

— Зачем все это? — поинтересовался Наумов, когда добрались до небольшой горной поляны, знакомой до боли. Без сомнения, тут он попал в плен. Вокруг стояли все те же антенны, только теперь их истинное назначение было более или менее известно. Где-то рядом находился и горный аул.

— Некие силы открыли портал во времени, — начал Шефер. — Не буду вдаваться в подробности, но его существование доказано. Думаю, не станете этого отрицать?

Получив утвердительный ответ, продолжил.

— Вся проблема в том, что мы не знаем, где он расположен и работает ли сейчас. Искать в слепую совершенно бессмысленно и трудоемко, да и времени уже нет. Вся надежда на вас — как на единственный источник информации. Скажите, где вы очутились после переноса, остальное я сделаю сам. Это место рядом?

Иван посмотрел на генерала и задумался. Возможно, это был единственный шанс вернуться домой, а возможно — помочь, нацистам попасть в будущее и изменить ход истории по своему усмотрению, зная все ошибки и проигрыши в ходе войны. Но, так как будущее это было очень туманным, он сделал свой выбор:

— Тут недалеко есть горный аул, где меня держали... — он вкратце рассказал о зиндане и о подземном ходе, до того места, как попал в их руки.

Всех жителей, что еще оставались в ауле, согнали на окраину и погнали вниз к подножию, где ожидали несколько армейских грузовиков. Скорее всего, судьба этих бедолаг была предрешена — СС не оставляло свидетелей.

Вокруг ямы, еще недавно служившей тюрьмой, развернулась кипучая деятельность: в первую очередь, на коленках исползали весь периметр в поисках подземного хода, и не найдя, принялись вычислять его предполагаемое направление. Сделать это оказалось не так уж трудно, как представлялось ранее — с помощью второго найденного ориентира — той самой небольшой пещеры, что выводила на поверхность. Остальное сделали десяток солдат с кирками и лопатами.

В это время ученые занимались изучением магнитного поля и других физических величин в районе раскопок. К сожалению, ничего необычного они не обнаружили, и когда Шефер выслушал их доклад, заметно помрачнев, спросил у Ивана:

— Вы уверены, что это место — то, что нам нужно?

— Уверен, — кивнул Иван. — Не совсем уверен только в том, где именно произошел 'переход'.

— Почему?

— Меня смущает, что тело моего командира тоже оказалось здесь, а ведь он не пролезал через подземный ход и не сидел в этой яме...

— Постойте, — перебил его генерал. — Вы, черт побери, совершенно правы! А ведь я не обратил на этот факт никакого внимания.

Он задумался, сидя на раскладном стуле под навесом, покуривая дорогую сигару.

— Возможно, портал существует не в единственном числе, — произнес он вскоре. — И все они как-то связаны между собой.

— Судя по всему, так оно и есть, — заметил Наумов. — Но хочу добавить еще одно немаловажное замечание — они нестабильны по времени.

— Что вы имеете в виду?

— В наших прежних разговорах вы упоминали о штурмовой винтовке, созданной на основе найденного рядом с телом автомата.

— Было такое, — кивнул собеседник.

— А вы не задумывались, сколько времени понадобилось на ее создание?

— Месяца три-четыре.

— А меня когда задержали?

— Дней пять назад, — подумав, ответил Шефер. — К чему вы клоните?

— А к тому, что до того как я попал в ваши руки, пробыл в этих местах от силы день-два!

— И это я тоже упустил из виду, — тихо произнес он. — Это несколько меняет дело. Генрих!

На его оклик подбежал адъютант.

— Слушаю, господин генерал!

— Немедленно пригласите ко мне профессора Веймара!

— Есть! — с этими словами, Генрих растворился в тесных улочках аула.

Генерал выглядел озадаченным и немного растерянным, что было ему несвойственным. Он достал из внутреннего кармана небольшой блокнот в толстом кожаном переплете и принялся делать в нем какие-то пометки. За этим его и застал подошедший вскоре Веймар.

— Что-то случилось, Эрнст? — фамильярно спросил он.

— Случилось, — ответил тот, отрываясь от своего занятия. — Господин Круге, вам все объяснит, — он повернулся в сторону Ивана. — У него есть кое-какие мысли по этому поводу.

То, что Шефер назвал его вымышленным именем, говорило либо о стремлении скрыть истинное происхождение своего пленника, либо о том, что он и сам не догадывался об этом, принимая его за 'немца из будущего'.

Выслушав краткие измышления по поводу существования и работы порталов, профессор улыбнулся:

— Все это любопытно и не лишено смысла, — заметил он. — К тому же, мы, кажется, нашли так называемый 'неизвестный фактор'.

— Что значит — 'кажется'? — возмутился генерал.

— Не можем проверить, пока...

— Пока что?!

— Пока не начнется сильная гроза, — поспешил оправдаться Веймар. — Все дело в том, что вокруг этого места обнаружена масса следов удара молнии в землю. Это навело на мысль, что портал открывается с помощью мощнейшей электрической энергии грозового разряда.

— Это точно?

Профессор только развел руками.

— Что же, — решил Шефер. — Будем ждать грозы.

В ожидании они потратили достаточно много времени. Признаки ненастья стали проявляться только к следующему дню. Но это уже не так сильно радовало генерала, так как с противоположной стороны от надвигающейся грозы, надвигалась другая — красная армия.

Глава 5

Генерал спешил воплотить свои замыслы как можно быстрее, не считаясь при этом с потерями и мнением окружающих. Для него это было пустяком, не достойным внимания.

— Вы идиоты, не способные как следует выполнить даже простой приказ, не говоря уже о столь ответственном деле! — орал он на подчиненных. — Ни кто из вас не достоин носить гордое звание члена 'СС'. Если вы, олухи, провалите и это задание, ручаюсь, всех лично расстреляю, несмотря на прошлые заслуги!

В таком ключе, Шефер ораторствовал еще добрых десять минут и Иван подумал о том, что почти вся правящая верхушка рейха страдает словесным недержанием. Во всяком случае, таково было его мнение. Он смотрел на весь этот спектакль как бы со стороны, чувствуя себя скорее зрителем, случайно попавшим на премьеру, чем ее участником.

— Как вы думаете, — обратился к нему генерал, закончив отчитывать своих помощников и выгнав их вон из штабной палатки. — У нас выгорит чего-нибудь?

— Поверьте, — вздохнул тот, устав от постоянных дурацких вопросов. — Я знаю не более того, чего знаю.

— Но, черт побери! — в очередной раз возмутился Шефер. — Не я же прибыл сюда из будущего, а — вы! И вам лучше знать весь расклад.

Он немного успокоился, закулив одну из своих огромных сигар, и уже более миролюбиво продолжил:

— Я надеюсь на вас. Иначе всем нам скоро не поздоровиться. Ох, как не поздоровиться. Иначе, я не стал бы ломать всю эту комедию с переходом в будущее.

Иван вопросительно посмотрел на него.

— Не удивляйтесь. Иногда приходится хвататься за последнюю соломинку. Порой мне начинает казаться, что вся информация складированная в моей голове — просто бред воспаленного воображения.

— Тогда почему вы так боитесь своего будущего? — задал вопрос Иван, где-то глубоко в сознании давно зная на него ответ.

— Потому что, вы — не единственный гость из будущего.

— Раньше вы говорили совсем иное.

— Я не хотел раскрывать все карты сразу.

— И сколько еще козырей у вас в рукаве? — поинтересовался тот.

— Не так много, как вы можете подозревать.

Признание Шефера показалось Ивану чистой воды бредом, хотя с другой стороны, приключившееся казалось реальным, на все сто процентов, и списывать происходящее на плод воспаленного воображения уже давно не имело смысла. Все было слишком реалистично. Хотя, черт его знает, что может привидеться при острой форме шизофрении? Ни разу не доводилось общаться с душевнобольными, поэтому, сравнивать было не с чем.

Чтобы как-то скоротать время, а заодно и подумать в одиночестве, он направился побродить по окрестностям. Ноги сами принесли на поляну где готовилось оборудование для эксперимента. Поравнявшись с группой людей прокладывающих силовой провод от бензогенератора, он невольно стал свидетелем их разговора.

— Наш генерал, по-моему, совсем из ума выжил, — произнес какой-то унтер, ковыряясь

с непослушным высоковольтным кабелем, не желающим ни при каких обстоятельствах разматываться в ровную линию. — Его дурацкие эксперименты доведут всех до трибунала.

— Тебе какое дело, Ульрих? — поинтересовался мрачный детина с нашивками ефрейтора.

— Не хочу пасть жертвой высоких интриг, — пояснил тот. — Мы только пешки в игре. Начальству на нас — тфу, и растереть!

Он подтвердил свои слова красноречивым жестом, но, заметив присутствие Наумова, принялся дальше вертеть катушку, словно ничего и не было.

Иван добрался до того места где раньше находился 'зندان', и поразился происшедшими изменениями: на его месте зияла огромная дыра, опутанная различными коммуникациями, и если бы не горная местность, то, можно было бы подумать, что тут ведется строительство метрополитена.

Он стоял и смотрел на людей выкатывающих тележки с грунтом, когда позади раздался голос Шефера:

— Не правда ли, мы много сделали для воплощения мечты?

— Чьей мечты?

— И вашей, тоже, — заметил генерал, поравнявшись. — Вы же не будете отрицать, что хотите вернуться?

Иван промолчал. Совсем другие мысли терзали его в данный момент. Как не дать этому интеллигентному садисту уйти от судьбы и позволить скрыться во времени, где он способен наделать еще немало бед?

— Пойдемте внутрь, — не дожидаясь ответа, предложил собеседник. — Скоро подойдет время реализовать задуманное. Будем надеяться, что удача не оставит нас.

Он закончил фразу с нажимом на последнее слово, и теперь Наумов уже не сомневался — в случае неудачи его смерть будет неминуемой.

Перед тем как шагнуть за генералом, он взглянул на небо: тучи сгущались, надвигалась гроза. Метеорологи из 'аненербе' не ошиблись в своих расчетах, дав довольно точный прогноз. Их современные коллеги могли только позавидовать такой работе. Впрочем, когда за ошибки платишь кровью, или в лучшем случае — несколькими годами в темных и сырых застенках, волей-неволей приходится делать свою работу на все сто. Суровый, но признаться, весьма эффективный метод воздействия.

В подтверждение его мыслей, над головой прокатился раскат грома и по земле застучали первые, крупные, размером со спелую черешню, капли дождя.

— Ну, чего же вы ждете? — неожиданно забеспокоился Шефер. — Давайте быстрее вниз!

Иван еще раз взглянул в темнеющие, налитые водой небеса, и нырнул в темный проем шахты.

Внизу было прохладно и сухо, несмотря на то, что сверху уже лил сильный дождь. Свод тоннеля надежно поддерживали металлическими балки, и оставалось только удивляться скорости, с которой все это было построено. Тут, на предполагаемой точке перехода была устроена небольшая лаборатория. Сверху, спускался толстый медный штырь, служивший громоотводом, и еще несколько кабелей, назначение которых оставалось загадкой. Небольшое возвышение наподобие сцены, расположилось посередине, опутанное замысловатыми узорами проводов и ламп. Часть из них тускло светились в пол накала, практически ничего не освещая.

Первым делом генерал отослал всех своих людей наверх и, поднявшись на так называемую 'сцену', произнес:

— Сейчас, или никогда...

— Вы, генерал, похожи на актера из захудалого театра, — усмехнулся Наумов, понимая, что сейчас, в эти короткие минуты, Шефер в его власти.

— Бросьте этот сарказм, мне не до шуток, — отмахнулся тот. — Полезайте лучше ко мне, молния может ударить в любую минуту.

— Вы так и собираетесь отправиться в будущее в форме генерала СС? Думаю, там не оценят ваш 'прикид'.

— Не стройте из себя идиота, — поморщился генерал. — Вы сами прекрасно знаете, что этому не придадут значения. И не тяните время, иначе мне придется заставить вас силой.

— Давайте без угроз, мне самому интересно, что из этого получится, — забираясь на возвышение, произнес Иван. — Надеюсь, эта штука не сделает из нас жаркое? Кстати, как она называется?

— Можете называть ее 'каруселью', и не волнуйтесь — все продумано.

— Будем надеяться. Вы уверены, что это сработает?

— Ни в чем нельзя быть полностью уверенным, — вздохнул Шефер, жестом приглашая сесть на один из двух стульев, установленных на подиуме. — Все в руках провидения, или если хотите судьбы. Кто как привык называть те силы, что управляют вселенной.

— Почему вы назвали это — 'каруселью'?

— Я не знаю всех деталей, но когда над антенной соберется грозное облако, готовое отдать свой заряд, эта штука начнет вращаться, генерируя электромагнитное поле. Лампы, что вы видите по бокам, сейчас почти не горят. Но в нужный момент они начнут набирать свечение, тем самым указывая, что время икс приближается.

— Серьезная вещь, — без тени иронии, произнес Иван. — Я бы подумал, что это и есть 'машина времени', если бы...

— А вы правильно думаете, — перебил его генерал. — В принципе — она и есть. Вот только это 'бы', остается самой главной проблемой. Фактором икс.

— Что, это значит?

— Вам, наверное, лучше знать.

— Вы говорите загадками.

— Вы и есть загадка, — прекратил словесную дуэль Шефер. — То самое 'бы', природу которого постичь так и не удалось.

Это признание озадачило Наумова. Он смотрел на собеседника, пытаясь понять: шутит тот, или нет?

— Не смотрите на меня так, — попросил генерал. — Как будто я открыл для вас новость. Вы и сами все прекрасно знали.

— Дело не в этом.

— В чем, тогда?

— Не думал, что это возможно применить на практике.

— Вы как будто с неба свалились.

— Оттуда и есть, — данная ситуация показалась комичной. — Вы забыли?

Теперь настала очередь усмехнуться Шеферу.

— Хорошо, что вы не растеряли чувство юмора.

Между тем, буря, на которую так надеялся беглый генерал, набирала силу: ураганный ветер завывал наверху, качая мачты антенн, яркие вспышки молний кидали отблески на стены раскопа, вода ручьями текла вниз, грозя залить все вокруг.

Первое время это особо не беспокоило, но когда в тоннеле начали появляться большие лужи, растущие с каждой минутой, Иван понял, что ситуация складывается нешуточная.

Все прибывающие потоки воды и грязи грозили залить раскоп, оборудование и вместе со всем — их с Шефером. На генерала ему было наплевать, вот только шанс вернуться домой, упускать ни как не хотелось. Кто он здесь? Так — 'некто' без имени и документов, а самое главное — без прошлого.

Пока они были в некотором замешательстве, оценивая надвигающуюся угрозу, вокруг что-то изменилось. Иван не сразу сообразил, что именно, но в этот момент раздался крик генерала:

— У нас получилось!

— Что именно?

— Разве вы не видите? — изумился он. — Они горят!

Только теперь он увидел, что лампы на 'карусели' набирали накал, предвещая скорый исход.

Шефер победоносно улыбался, восседая на стуле, словно некий военачальник на коне, перед грандиозным парадом.

В этот момент раздался страшный треск, Иван увидел, как медный штырь, воткнутый глубоко в землю, оплела яркая паутина молнии. По наитию, еще не до конца соображая, что делает, он ударил генерала ногой в грудь, и тот медленно, словно на замедленной съемке, начал падать назад. Лицо его в тот момент выражало глубокое недоумение случившимся и даже некое сожаление, что все произошло именно так, а не иначе.

Яркая вспышка озарила раскоп и, затем все погасло. Черная, непроницаемая пустота навалилась сверху, закрыв собой весь мир.

Глава 6

Через два дня Серову позвонили и назначили встречу в наркомате авиации. 'Что же, — потирая руки, подумал он, — лед тронулся, господа присяжные заседатели'. Пора готовить транспортный канал для поставки оборудования. Дело весьма затратное, но того стоило — ожидаемая прибыль с лихвой покроет все издержки. Он сел за массивный, резного дерева стол и принялся писать письмо.

'...с удовольствием могу сообщить, что все прошло, как и задумывалось. Наши партнеры оказались людьми вполне сговорчивыми: контракт уже подписан, жду поставок...'

Закончив на этом и запечатав конверт в толстый слой целлофана, еще раз удостоверившись, что все в порядке и за несколько десятков лет влага и пыль не подпортят текст важного письма, Серов вызвал машину и отправился к условленному месту, где должен был спрятать послание. Здесь оно будет ждать своего часа долгих семьдесят лет. Данный тип связи не был быстр и надежен на все сто, но другой альтернативы пока не было. Дошло ли оно до адресата — это станет ясно через пару недель, когда появится возможность открыть канал. Принцип его действия — дело десятое, но вполне прибыльное, даже для человека выполняющего роль посредника между временами, кем он, Серов, в принципе и являлся. Данная роль вполне устраивала.

Машина плавно подкатила к неприметному зданию, зажатому между двумя другими, более выдающимися соседями по улице. Одно из них служило конторой всем известного

банка с вековой историей; второе, тоже со славной историей, сохранится еще много лет. Два этих архитектурных гиганта были подобраны не случайно и гарантировали, что своеобразный временной телеграф будет работать без сбоев.

Он вышел из автомобиля, приказав водителю ждать и отворив скрипучую дверь, ведущую в подвал, скрылся в темноте. Выщербленные ступеньки круто уводили вниз, любой неосторожный шаг мог закончиться на больничной койке. Но, ноги сами, уже по привычке, вывели его к нужному месту: небольшая закрытая ниша в стене, в дальнем углу подвала, где не было никаких коммуникаций, гарантировала, что ни один любопытный нос сюда не залезет, будь то нос местного мальчишки, пьяного сантехника, либо горе-строителя; не стоило забывать сколько раз за это время в доме будут менять трубы и электропроводку. Положив конверт и засунув на место кирпич, прикрывающий тайник, Серов с чувством выполненного долга отряхнул руки и зашагал обратно к машине.

— На Лубянку, — коротко бросил он, устроившись на заднем сиденье. Еще одна встреча на сегодня. Только одна, но как он хотел избежать ее.

Через несколько минут машина затормозила у мрачного здания управления НКВД.

Мысленно поморщившись, Серов покинул салон и неторопливо, оттягивая предстоящие неприятные минуты, зашел внутрь. Вышколенный, подтянутый и до безобразия внутренне неприятный дежурный попросил предъявить пропуск. Сунув ему в лицо нужные документы, прошел дальше. Ступеньки, покрытые красной ковровой дорожкой, вызвали неприятные ассоциации: кому, как ни ему, человеку из будущего, должно хорошо было знать, сколько народу сгнуло в этих стенах. Миновав просторный коридор, подошел к нужной двери; остановился. Мысленно перекрестился, берясь потной ладонью за массивную дверную ручку. Коленки предательски дрожали, хотя повода для страха не должно было быть. Но, он был, как не было повода отсрочить эту встречу: дело сделано, и отчет о проделанной работе нельзя было отложить в долгий ящик. В такие моменты, иногда, он проклинал себя за то, что выбрал такую судьбу.

Дверь, несмотря на свою массивность и вековую древность, отворилась без громких звуков, будто само время боялось причинить обитателям этих кабинетов лишнее неудобство.

— У себя? — поинтересовался Серов, змеей проскользнув в приемную.

— С самого утра, — бесстрастно подтвердила неприветливая секретарша, и добавила угля в топку его страхов. — Ходит из угла в угол, будто ждет чего важного.

— Ждет, — согласился Серов и, отворив оббитые кожей двери, нырнул в кабинет.

— А-а! Вот ты и пожаловал, — произнес хозяин кабинета, глядя в окно. — А мы тебя уже заждались.

Он так и не обернулся, стоя спиной к посетителю. Почему-то, Серову представилось, что человек этот имеет глаза на затылке, хотя, с ним все было возможно.

— Как только...

— Дело сделал?

— Обижаете, Лаврентий Палыч, — страх неожиданно улетучился, оставив место непонятной тоске и дикому желанию хлебнуть коньяка. Граммов так двести. За раз. — Как всегда, все по инструкции.

— Это хорошо, — хозяин повернулся, пенсне слабо блеснуло в свете окна. — Он ничего не спрашивал?

— Нет, просто принял к сведению.

— Это хорошо, — еще раз повторил тот.

Повисла пауза.

— Какие будут инструкции? — решил разорвать ее Серов, стараясь быстрее завершить тягостную аудиенцию.

— Пока — никаких, — задумчиво произнес Берия. — Дальше — моя забота. Отдыхайте И ждите инструкций. Свободны!

Серов, словно пробка из бутылки шампанского вылетел из высокого кабинета, не забыв при этом одарить строгую секретаршу воздушным поцелуем. Та в ответ только рукой махнула, давно привыкнув к подобным типам.

С легким сердцем и чувством выполненного долга, Серов выкатился на улицу и, указав шоферу ехать к ЦУМу, расслабился на заднем сиденье.

Чем ближе 'Паккард' подъезжал к универмагу, тем мрачнее становились мысли пассажира: в душе завелся пока еще маленький, но очень прожорливый червь сомнений. Что будет, когда миссия закончится? Ответ на этот вопрос напрашивался сам собой, стоило вспомнить, с кем имел дело. От этих мыслей по спине пробежал неприятный холодок. Ситуация. Выход из нее только один — обезопасить себя. Но как? На хороший вопрос, должен быть такой же ответ, вот только, пока, его не было. Мозг работал словно ЭВМ, но безрезультатно.

Все решают связи: выше головы не прыгнешь, — не искать же защиты у САМОГО. Бред сивой кобылы, и дорога в ГУЛАГ. Хотя, лучше туда, чем в вечность. Самый верный вариант свалить из этого паскудного времени, но, найдут и в будущем, и приговор будет куда суровей — пулю в голову и тело в канаву. Когда в игре большие бабки — даже “ферзя” не жалко, не говоря о “пешках”. А он, хот и не “пешка”, но даже и не “офицер”. Так “конь” — работяга смутного времени.

Данные измышления настроения Серову не добавили, и вместо привычной бутылки коньяка, он взял две. Пить, так пить.

За этими мыслями доехали до дома. Отпустив шафера на несколько дней, он поднялся по черной лестнице, проигнорировав лифт: не хотелось встречаться с соседями, видеть их слащавые лица и пустые глаза. Напиться в одиночестве — вот главный план сегодняшнего вечера.

По воле случая ему не суждено было сбыться.

Глава 7

Поначалу ему показалось, что он умер и попал в рай? Ибо, только в раю могло так ярко светить солнце, и так радостно и беззаботно щебетать птицы. Или он забыл, как есть на самом деле, на этом свете?

Иван открыл глаза и, не поверил своим глазам: его окружали стройные березки, окутанные свежей зеленой листвой, источавшие аромат, от которого кружилась голова и в душе образовывался мир и покой. Разномастные букашки мельтешили перед глазами, занятые своими немудреными делами, и хотелось лежать так вечно и ни о чем не думать.

Он дома, и эта мысль была единственной и самой счастливой.

— Ну, чего болезный разлегся? — неожиданный вопрос вернул его на грешную землю. — Вставай, давай!

Вороненая сталь охотничьей двустволки уперлась в нос, закрывая обзор, но, все же, он смог рассмотреть обладателя грозного оружия: мужичок — лет семидесяти, одет по-простому: в рваные холщевые штаны, и такую же рубаху; на седой голове — картуз с лопнувшим в нескольких местах козырьком. Типичный пролетарий.

Сей факт, несколько успокоил Наумова.

— Ты чего дед, — отодвигая ствол ружья в сторону от лица, спросил он. — Белены объелся?

— Какой я тебе дед, вражина! — парировал тот, возвращая ствол на исходную позицию. — Развелось вас здесь, немчуры поганой, а все туда, по-русски разумеют.

При этих словах внутри все перевернулось — неужели он промахнулся, и все начнется заново? Верить в это не хотелось, но, все же набравшись смелости, он спросил:

— Скажи-ка мне дед, какой нынче год на дворе?

Собеседник явно не ожидая такого вопроса, несколько замешкался с ответом, затем явно что-то сообразив, сурово насупил брови и поинтересовался:

— А тебе зачем, вражина, с толку меня сбить хочешь?

С толку — не с толку, но, с ног деда пришлось сбить отработанным приемом — мало ли дрогнет рука у старика? Поминай потом, как звали.

Когда старая двустволка оказалась в его руках, Иван взял опешившего деда за грудки рваной рубахи и снова спросил:

— Так какой все-таки год нынче, дедуля?

— Тысяча девятьсот сорок второй, от рождества христового, — испуганно доложил тот, подозревая, что смерть его не минуема.

— Не бойсь, дед, ничего я с тобой не сделаю, — успокоил его Наумов, ослабляя хватку. — Вот только извини, но ружьишко твое — я с собой прихвачу. Оно мне нужнее будет.

— Так оно не заряжено вовсе...

— Партизан, блин, — выругался тот на эту новость, переломив ружье, и удостоверившись, что патронов в нем и в самом деле нет. — Чего ты тогда на меня с пустым 'стволом' попер?

— На испуг взять хотел.

— Неужели я на врага похож?

— А хрен вас знает, — зло бросил дед. — С виду все одинаковы, вот только форма твоя подозрительной показалась. Нету такой в Красной армии.

Только сейчас до Ивана дошло, что и в самом деле, одетый в камуфлированный немецкий комбинезон, он не походил на советского бойца, если только на партизана.

— А тебе почем знать — что есть, а чего нет у нашей армии? — спросил он, чтобы отвести подозрения. — Мало ли униформы есть у разведчиков?

При этих словах дед просто обомлел. Наумов понял, что выбрал правильную линию поведения, и принялся дальше выяснять, что к чему.

— Ты мне лучше скажи — где немцы?

— Везде сынок, везде.

— И в вашей деревне тоже?

— У нас их тьма несусветная. В основном все при больших чинах и техники нагнали разной, аж глаза разбегаются.

— Понятно, — задумался Иван. — А, партизаны есть в здешних лесах?

Старик еще раз внимательно посмотрел на него. В глазах читалось сомнение — стоит ли доверять странному незнакомцу? Но чувство долга вскоре победило над подозрительностью, и он произнес:

— Пойдем, это не далеко.

Пока они бродили по лесам и болотам, на память не раз приходила мысль о подвиге одного известного всем героя, поэтому Наумов держал ухо востро, и по мере своих способностей пытался запомнить дорогу, ну, или хотя бы самые заметные ориентиры. Не все получалось гладко, и он часто останавливался, чтобы перевести дух, а заодно поинтересоваться, не водят ли его за нос.

— Смотри дед, — увещевал он. — Обманешь — ноги повыдергаю, хоть и земляк ты мне.

— Не извольте беспокоиться, товарищ разведчик, — бодро отвечал проводник. — С минуты на минуту прибудем.

При этом невольно возникал вопрос: откуда у такого хлипкого и подержанного организма столько выносливости и энергии? Сам-то он уже давно 'запарился' скакать по топям и кочкам.

Когда терпение, (да и силы), стали подходить к концу, они наконец вышли на небольшую поляну на опушке леса. Проводник сразу заторопился домой и, не успел Иван и глазом моргнуть, как остался совершенно один.

— Эй, дедуля, — осторожно позвал он. — Перестань шутить. Не смешно это.

В ответ он услышал только громкое щебетание птиц, и шум ветра в кронах окружающих деревьев.

Так попасться на удочку древнего старика мог только полный олух — пришлось признать свое поражение.

— Поймаю, точно ноги повыдергаю!

— Попробуй, немчура поганый, — раздался за спиной знакомый голос.

Поднявшийся гнев захлестнул волной сознание. Он готов был разорвать обманщика на куски, но стоило сдвинуться с места, как второй, незнакомый голос приказал:

— Стой, где стоишь, иначе пристрелю.

Иван замер.

— И руки подними.

Пришлось подчиниться. Так и стоял с поднятыми руками, пока в поле зрения не появились двое. Одеты они были не лучше деда — обманщика, зато в руках держали вполне внушительные МП — 40, или в простонародье — 'шмайсеры'. Эти — точно были партизаны. Укрываясь за их спинами, маячил дедуля. Он хитро улыбался, чувствуя себя, по всей видимости, в полной безопасности.

— Кто таков будешь? — подходя ближе, спросил один.

На голове его болталась офицерская фуражка с красной звездой. Судя по поведению и командирскому голосу, он был тут старшим.

— Из центра я, — соврал Наумов. — Со спецзаданием.

— Из какого такого 'центра'?

— Из Москвы.

Если уж врать, то по полной программе — этому он научился еще в застенках 'Аненербе'. Всегда есть смысл потянуть время, тем более — здесь, в глухом лесу, отрезанным войной от всего мира.

Собеседник недоверчиво посмотрел на него и, перекинув автомат за плечо, поинтересовался:

— И документы есть?

— С ума сошли? Какие могут быть документы в тылу врага.

— Врет он все, — выглянул из-за плеча второго партизана, дед. — Он во сне по немчуровски балакал. Я сам слышал. Вражина он — не иначе!

— Уйди, Митрич, без тебя разберемся! — шуганул его старший, и тот снова исчез за широкой спиной бойца.

— Это правда?

— Вполне, — подтвердил Иван. — Неужели вы думаете, что без знания немецкого языка меня прислали бы сюда?

— Нет, конечно, — подумав несколько секунд, согласился собеседник. — Но, у нас нет никакой информации о гостях из центра.

— Это очень секретное задание высокого уровня, — доверительно прошептал Наумов. — О нем знают лишь несколько человек.

— Лады, — вздохнул старший. — Чего языками чесать. Айда в отряд, там и разберемся.

Двинулись вперед в порядке устраивающем только конвоиров. Впереди Иван под прицелом плечистого партизана, за ними — командир, и дедуля, с ружьем без патронов. Не зная местности, вполне реально было угодить в какую-нибудь топкую яму, но приходилось идти вперед, надеясь, что их все же тут нет.

Прошагать пришлось еще добрых три километра, поэтому времени для душевных бесед было предостаточно, но добрую половину пути они слушали только ветер и хлюпанье болотной воды под ногами.

— Чего же вы таких бойцов на разведку посылаете? — поинтересовался Иван, после достаточно долгого молчания.

— Кого именно? — поинтересовался шагающий позади плечистый.

— Дедулю вашего, божьего одуванчика.

Раздался дружный смех.

— Ты на Митрича не грехи, — немного отдышавшись, произнес старший. — Он человек болезный, но весьма полезный...

Они снова заржали, как лошади, порадовавшись удачной шутке.

— В смысле?

— Дурак он местный. Юродивый.

Это разозлило, но пришлось проглотить обиду, так как в данном положении он ничего не мог поделать.

Наброситься на партизан? Попытаться завладеть оружием и сбежать? Но, что это даст, кроме кучи проблем. А так, все-таки можно было гнуть свою линию насчет разведчика и, получив помощь от местных партизан, двинуть на Кавказ. Он рассчитывал на еще одну встречу с Шефером.

Слабый ветерок, донес запах костра и жареного мяса — лагерь партизан был уже близко.

Вскоре, сквозь редколесье показались приземистые постройки, выполненные преимущественно из стволов и веток берез росших вокруг.

— Стой, кто идет! — прозвучала стандартная фраза из-за ближайшего куста. — Стрелять буду!

— Уймись, Егоров, — посоветовал в ответ старший. — Неужели не видишь, что свои?

— Так правила, ведь, — из зарослей показался тощий мужик с винтовкой наперевес. — Сами же учили премудростям караульной службы, Клим Егорыч.

— Ладно не бухти. Молодец, устав знаешь, — похвалил его Клим. — Бди дальше.

Пройдя немного дальше, вся компания очутилась в самом центре лагеря.

Со старшим почтительно здоровались все немногочисленные обитатели, смотря вслед словно на бога, пока они не скрылись в недрах просторной землянки. Митрич, между тем затерялся где-то в районе кухни.

Миновав небольшой тамбур, оказались внутри святая — святых, мозговом центре партизанского отряда.

На стенах висели разнообразные карты и планы — как и полагалось любому командному пункту, или штабу. В центре размещался стол из потемневших досок и пара таких же табуретов. Два светильника из отстрелянных артиллерийских гильз коптя потолок с трудом освещали помещение. В углу приютилась небольшая печка- 'буржуйка' и топчан, покрытый солдатской шинелью.

Здесь Наумова как следует обыскали и не найдя ничего усадили на табурет.

Старший устало опустил на второй, прислонив автомат к стенке, и распорядился, обращаясь к здоровяку:

— Организуй нам чайку, Коля.

— Не вопрос, — исполнительный партизан скрылся в дверях, и через несколько минут вновь появился с дымящимся чайником в руках.

Некоторое время молчали, глядя друг на друга, прихлебывая горячий напиток из мятых алюминиевых кружек.

— Ну, давай, выкладывай кто ты и откуда, — устав играть в молчанку, приказал Клим Егорыч. — Только не ври, все равно это можно проверить.

— Проверяйте, если хотите, — вздохнул Наумов. — Я вам уже итак лишнего сказал.

— Ну, допустим, ничего толком я еще не услышал.

— Не в моих интересах трепать языком. Про ваш отряд я ничего не знаю, а вдруг вы на немцев работаете?

— Уморил! — рассмеялся командир. — Ежели бы на фрицев работали, тебе бы уже давно в 'гестапо' жилы крутили, после твоего заявления, что ты из 'центра' прибыл.

— Да уж, раскололся по полной, — пришлось признать свою ошибку. — Но, если так, то вы не должны препятствовать выполнению моего задания.

— Задания, говоришь? — задумчиво переспросил Клим.

Иван кивнул.

— Ладно, — согласился тот. — Отпустим, но, только когда прибудет связной от командования отрядами. Там и посмотрим, что ты за птица. Курыкин!

В землянку тихо вошел здоровяк приносивший чай.

— Звали, Клим Егорыч?

— Определи-ка Коля, товарища в соседнюю землянку, он погостит у нас, некоторое время...

В этот момент Наумов понял, что снова влип в неприятную историю.

Глава 8

Не успел он подняться в квартиру, как на лестнице его перехватили двое в штатском; не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, кто они и в какой служат “конторе”: одинаковы с лица, в костюмах одного фасона и цвета, они походили на однойцевых близнецов.

— Что вам угодно, господа? — позабыв от страха с кем разговаривает, проямлил Серов.

— Всех господ еще в двадцатые расстреляли, — недобро оскалился один. — А у нас — граждане!

Второй еле заметно помотал головой, в знак неодобрения.

— Ну, или товарищи, — поправился первый.

Повисла небольшая пауза. За это время Серов сумел сообразить, что пришли к нему не за тем, о чем он уже было подумал. На душе стало немного легче и, осмелев, спросил:

— Так по какому поводу визит?

— Приказано доставить до начальства, — пояснил второй, видимо старший, переминаясь с ноги на ногу. Он явно нервничал, и это давало еще один повод предположить, что выворачивать клиенту руки он не уполномочен.

— Ясно, — бросил Серов, согласившись. — Надо — так надо!

На улицу спустились по задней лестнице. Двери, выходящие сюда, не блистали медью и бронзой; на некоторых, даже была разодрана кожаная обивка. Блеск и нищета.

Двор был пуст, только одинокая черная машина коптила окружающие стены выхлопными газами.

“Все, как и положено — классика работы госбезопасности”, - недовольно подметил Серов, залезая в предусмотрительно распахнутую дверцу. Вечер явно был испорчен. И хуже того — еще неизвестно, по какой причине. Оставалось только догадываться и уповать на всевышнего, что причиной этого не является он сам; иначе крышка.

Этого человека, одетого в полевую армейскую форму, с петлицами майора-артиллериста он видел впервые. Тот сидел за большим письменным и смотрел в одну точку. Да и место, куда привезли, было тоже совершенно ново и незнакомо. Это настораживало, отчего Серов внутренне напрягся, соображая, какая из “контор” работает сейчас.

Между тем, заметив замешательство на лице гостя, майор произнес:

— Вы меня не знаете, и знать не можете, Алексей Иванович. Так что не напрягайте память, она вам еще пригодится. — Прозвучало это как угроза, что не скрылось от чуткого к разным нюансам спинного мозга Серова.

— Учитывая, что я только что был у “хозяина”, вы работаете не на него.

Майор промолчал, проигнорировав вопрос.

Он встал из-за стола и, скрестив руки за спиной, принялся расхаживать туда и обратно, меряя тесный кабинет гулками шагами хромовых сапог. Затем, остановившись спиной к испуганному Серову, произнес, выдержав театральную паузу:

— Сфера наших интересов лежит гораздо дальше, чем вы думаете...

При этих словах мозаика происходящего сложилась в связную картинку: глупо было предполагать, что только его “контора” могла использовать “сингулярность” в личных целях. Вот только для этого нужно выяснить, кто именно начал “охоту на лис”. Если конкуренты по бизнесу, то все не так уж и плохо: тут всегда можно договориться, обсудить, поделиться, в конце концов. Если это местные, решившие проявить чрезмерную ретивость — то лучше лапки вверх и принять все правила без прекословий.

— ...И все, что вы попытаетесь скрыть, будет нам известно.

— Каким же образом?

— Самым простым.

— Гадаете на кофейной гуще?

Серову стало понятно, что майор этот почти ничего про него не знает, тем более — самого главного.

— Вижу, хохмить любите?

— Я вообще по жизни шутник. Так жить проще, да и молодость, говорят, продлевает.

Майор неожиданно резко развернулся и, подскочив, схватил за грудки:

— Слушай, ты, гнида, — зашипел он прямо в лицо. — Я, таких как ты, сотнями давил...

Серов был готов к подобному выпадку. Спокойно отстранив сжимающую ворот рубашки руку, произнес:

— Не надо горячиться, товарищ майор. Не знаю вашей фамилии, но это только во благо. Думаю, произошла большая ошибка, и ее исправление ляжет на ваши плечи. В противном случае, я не ручаюсь за вашу дальнейшую судьбу.

— Угрожать вздумал? — спросил тот, но уже без бывшего запала. Спокойная и уверенная речь собеседника подействовала на него отрезвляюще.

— Ни в коем разе...

В этот момент затрезвонил большой черный телефон, одиноко возвышающийся на столе. Майор заметно вздрогнул и, выждав несколько секунд, поднял тяжелую текстолитовую трубку.

— Майор Абрамцев слушает!

Трубка ответила недовольным кваканьем. Лицо майора скривилось, словно он держал в руках не средство связи, а пупырчатую жабу.

— Да, я понял...

Трубка разразилась еще более гневной тирадой, и обреченно вздохнув, артиллерист произнес, с ненавистью глядя на сидящего напротив Серова:

— Так точно, товарищ первый секретарь, будет сделано!

Серова так и подмывало уколоть, но он благоразумно промолчал, уставившись в пол, скрывая ехидную улыбку. В очередной раз убедился, что система работает. И этого было достаточно.

Между тем, Абрамцев положил трубку и, повернувшись к окну, тихо произнес:

— Произошла досадная ошибка, вы свободны.

— Я тебя предупреждал, майор... — напомнил он.

— Пошел вон!

— Зря ты так, — при этих словах, он поднялся со стула и направился к выходу из кабинета. Уже на пороге, обернулся. — Руки коротки меня достать.

— Время покажет.

Оказавшись на улице, по привычке, попытался найти в кармане мобильник чтобы вызвать такси, но вспомнив где и когда находится, решил пройтись пешком. Говорят, такие прогулки успокаивают нервы и укрепляют сердечно-сосудистую систему. А сейчас это очень кстати. Ситуация сложилась нервная, и если “покровители” вовремя не вмешаются, придется требовать к гонорару прибавку за вредность. Хороший коньяк стоит дорого. При этом Серов представил, как усядется в любимое кресло с бокалом и сигарой, и ускорил шаг. Хотелось побыстрее расслабиться, скинув груз проблем.

Глава 9

Слишком часто в последнее время он оказывался взаперти. Это кому угодно могло расстроить чувства, тем более, когданаходишься от дома не столько далеко, сколько давно.

Лежа на нарах в темной сырой землянке, он думал о предстоящем приезде связного, и еще о своей скорой смерти — когда его изобличат во лжи. В этом времени с подозрительными личностями особо не церемонятся — раз, и к стенке.

Мысли путались в голове, отказываясь выстраиваться в цепочку, и от этого отчаяние все больше и больше проникало в сердце, сжимая словно тиски.

Спасти его могла только нелепая случайность. Иван не слишком надеялся на это, все же не исключая этого исхода, очень маловероятного. “Надежда умирает последней”, — сказал некто неизвестный и был прав. Очень прав. Почему-то именно сейчас он чувствовал себя словно в западне: не там, в горном ауле, не в застенках таинственной организации “Аненербе”, а именно здесь, в глухом лесу у партизан. Может быть, все дело в мыслях о том, что им терять нечего, и они готовы “обрубить любые концы”, лишь бы сохранить отряд? Не хотелось думать, что сейчас он был этим “концом”.

Несколько дней он провел под стражей, смутно предполагая, что творится в лагере. Об этом можно было только догадываться по различным звукам и обрывкам фраз, доносящихся из-за двери.

Дни сменяли ночи, одни караульные сменяли других — с ними Наумов иногда вел душевные беседы, но известий о связном все не было, да и Клим не удосужился посетить его за все время. Это наводило на определенные мысли. Хотелось верить, что и на этот раз судьба не повернется тыльной стороной.

Вскоре, он потерял счет времени, посвящая его разработке плана побега и дальнейшего поведения, понимая: раз про него забыли, жизнь его не стоит ни копейки.

Но однажды ранним утром за ним все же пришли.

Два хмурых типа в ватниках, опоясанные пулеметными лентами словно революционные матросы, молча ввалились в землянку, где и одному-то было тесновато, а сейчас же стало и вовсе не развернуться. Сердце Ивана похолодело: вот он — “час расплаты”.

Он ожидал чего-то подобного, но, не думал, что все произойдет настолько обыденно — придут, без объяснений уведут в лес и расстреляют без суда и следствия. Глупо и никчемно умереть от рук своих же соотечественников.

— Что, уже? — спросил он, натягивая сапоги.

— Давай, без разговоров, — процедил сквозь зубы один из партизан. — Некогда лясы точить.

Наумов покорно оделся и направился на выход.

Вопреки ожиданиям, его повели не напрямиком в лес, а к подводе запряженной тощей кобылой, находившейся неподалеку, завязали глаза какой-то тряпкой, и приказали:

— Сиди смирно!

Для пущей надежности, руки связали за спиной.

Подвода тронулась с места, раскачиваясь на неровностях. Иногда, начинало трясти столь немилосердно, что он еле удерживался в повозке, не раз падая на бок, и с трудом восстанавливал равновесие, поднимаясь снова и снова. Вскоре, это надоело, и,

опрокинувшись в очередной раз, он так и остался лежать, устроившись поудобней, чтобы выступающие доски не давили на ребра.

Ехали часа два, не меньше. За это время Иван передумал обо всем на свете, мысленно попрощавшись жизнью.

Вскоре остановились. Послышались голоса, кто-то взял его за плечи, усадив прямо, и снял повязку. Яркий солнечный свет ударил в глаза, заставив зажмуриться.

Несколько секунд он растерянно моргал, привыкая.

— Слезай, — раздался голос Клима. — Приехали.

Наумов послушно спрыгнул с повозки.

— Давай, поворачивайся, руки развяжу.

Затекшие за долгое путешествие запястья сильно отекли и сейчас, освобожденные, стали причинять сильную боль. Морщась, он начал растирать их, пытаясь восстановить нарушенное кровообращение.

— Ничего, до свадьбы заживет, — успокоил его командир отряда, беря под руку и отводя в сторону. — Благодарю бога, что пулю тебе в лоб не пустили раньше времени.

— Спасибо, — пробурчал ничего не понимающий Иван.

— Ладно, не ворчи. Кто же знал, что ты и в самом деле из “центра” прибыл? А безопасность, она — прежде всего. Без этого отряд и месяца не протянул бы.

Тот только плечами пожал, оглядываясь по сторонам.

Они находились на краю той самой поляны, где его застал врасплох придурковатый Митрич. Странно. Чтотакое могло произойти за время, пока он сидел под арестом?

— Ваш связной так и не прибыл? — решил поинтересоваться он, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию.

— В том все и дело, что прибыл, — кивнул Клима.

— И что?

— Была у него информация о тебе. Все верно сказал — не соврал ты.

— И что он сказал?

— Чего ты заладил: “что, да чего”? — вспыхнул собеседник. — Иди давай, опасно мне тут с тобой оставаться, не дай бог немцы нагрянут.

Он махнул рукой, и молча развернувшись, скрылся в зарослях густого кустарника.

Иван долго стоял на поляне, смотря ему вслед.

Затем, все еще ничего не понимающий, погруженный в свои мысли, он побрел куда глаза глядят.

Очнулся, когда уперся в невысокий забор, связанный из сухих палок и прутьев.

За забором разместилось небольшое поле картофельных зарослей, крепкий дом, отштукатуренный белой глиной и, немецкий бронетранспортер, именуемый в народе “гробом на колесах”.

— Вот черт, — тихо выругал себя Наумов, упав на землю. — Этого еще не хватало.

Он осторожно отполз в заросли высокой травы, что росли нескошенные неподалеку, и принялся наблюдать за бронемашинной, раздумывая, что делать дальше.

Можно втихаря подобраться и попытаться выкрасть оружие или другие полезные вещи, имеющиеся на борту, а можно сделать ноги, скрываясь в лесу без средств к существованию. И то, и другое было одинаково опасно, но он, решив, что со стволом будет куда спокойнее, принялся разбирать ветки в заборе, намереваясь, словно крот незаметно проникнуть в чужой огород.

Проделав лаз нужного размера Иван очутился по другую сторону ограды. Медленно, попластунски, преодолел картофельные грядки, измазавшись с ног до головы сырой после ночного дождя землей и замерев на краю в зарослях ботвы, прислушался. В доме, добротном и явно не бедном, судя по имеющемуся во дворе имуществу, шло гулянье. Громкое пение на немецком перемежалось с украинскими мотивами, звоном стекла и пьяным хохотом.

“Гуляют, сволочи”, - зло подумал Наумов, подбираясь ближе к бронетранспортеру.

Впрочем, это было только на руку. Занятые застольем хозяева и их гости явно забыли про оставленную во дворе технику, и этим моментом стоило незамедлительно воспользоваться.

Убедившись, что охрана полностью отсутствует, он незаметно подобрался к машине и, забравшись внутрь, огляделся.

— Это я удачно зашел, — фраза героя из популярного фильма подходила сейчас как нельзя лучше.

Полный набор амуниции, достаточный для вооружения небольшого отряда порадовал его глаз. Ребята явно готовились к продолжительным боевым действиям, и не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять — на оккупированных территориях фашисты могли воевать только против партизан. Против какого отряда именно, тоже не вызывало вопроса: поблизости был только один — отряд Клима.

Хоть и не особо хорошие отношения сложились у них с командиром, предавать партизан он все же не собирался. Следовало сорвать предстоящий рейд и предупредить их об опасности. Для этого подошел бы небольшой фейерверк из взорванного броневика.

Сказано — сделано.

Вооружившись трофейными припасами, словно спецназовец перед заданием, Иван аккуратно и как можно более незаметно установил несколько “растяжек”, следуя всем правилам, изученным еще в училище на занятиях по тактике обороны. Вот обрадуется похмельная немчура подарку. Оставалось только надеяться, что люди Клима не упустят из виду этот небольшой теракт и поймут как надо.

Оставив сюрприз, Наумов покинул двор тем же путем — между грядок. Он планировал отойти на безопасное расстояние, спрятавшись на противоположной стороне деревни, на краю леса, готовый уйти вглубь в любую минуту дождавшись взрыва, а между тем немного отдохнуть и перекусить, благо немцы народ запасливый и на борту машины кое-что нашлось для небольшого застолья.

Но, как обычно жизнь вносит свои коррективы. Не успел он отойти от места и ста метров, как за спиной раздался взрыв, а за ним еще один, сопровождающийся оркестром из малокалиберных хлопков. Иван упал на землю, наблюдая, как к небу взметнулся гриб из огня и дыма.

Планы были нарушены. Видимо какой-то не совсем трезвый “гость” решил проверить вверенную ему технику, или “шнапс” закончился, что было более правдоподобно.

К гадалке не ходи — начнется паника, с прочесыванием окрестностей и всевозможными вытекающими отсюда последствиями. Стоило как можно быстрее и как можно дальше уносить ноги. Вот тебе и мечта об отдыхе. Но, право сам виноват — нечего расслабляться раньше времени и забывать где находишься.

Оставшуюся дистанцию до леса преодолел практически на четвереньках, немного переведя дух только под навесом густого кустарника. Куда бежать дальше? Начнется большая охота и в одиночку будет не спастись. Остается один путь — возвращаться к

партизанам и вместе с ними скрыться в лесах. Им виднее, как и где это сделать.

Учитывая общую сумятицу и незнание точного направления поиска, можно было рассчитывать на небольшую фору во времени, и сокращать ее бессмысленным просиживанием в кустах являлось преступлением против себя, а самое главное — против отряда Клим. Пора было уходить.

Со стороны деревни послышался собачий лай. Это было командой к действию.

Глава 10

Ветки деревьев больно хлестали по лицу, но это было пустяком по сравнению с теми мучениями, что ожидали, попади он в руки немцев. Уж они бы точно не погладили по голове за подрыв бронетранспортера и гибель сотоварищей. Благо, если сразу поставили к стенке, без изнурительных допросов и пыток.

“Беги, Ваня, беги!” — подгонял себя, мысленно твердя эти слова, словно заклинание, способное придать сил и защитит от врага. Эх, если бы все было так на самом деле.

Через некоторое время, выбившись из сил, присел под старую сосну, рядом с огромным муравейником, затем, пытаясь отдышаться, лег на спину. Ноги гудели, словно высоковольтные трансформаторы под нагрузкой. Сколько бежал — не помнил, да и в моменты опасности время изменяет свой ход. В этом он убедился на все сто.

Когда дыхание восстановилось, Иван перевернулся на бок и принялся смотреть на муравьев, суетившихся вокруг. На первый взгляд их движение казалось хаотичным и совершенно бессмысленным, но это было только на первый взгляд: стоило присмотреться повнимательнее и, становилось предельно ясно, что каждый их маневр, каждое действие отдельно взятой особи было подчинено определенной программе, алгоритму существования. Ни одна единица этого организма не тратила времени на пустые движения — каждая секунда жизни тратилась во благо муравейника. Оттого он и вырос на добрых полтора метра над землей, что являлось поистине титаническим трудом для таких мелких созданий в столь огромном мире.

После этого незамысловатого открытия, Наумову почему-то стало стыдно: он пришел к мысли, что его собственная жизнь, всегда занимавшая первоочередное место, сейчас, по сути ничего не стоила. Онжалел себя, носясь со своим горем, словно курица с яйцом, проклиная судьбу, в то время как миллионам людей, которых он считал своими братьями, было гораздо хуже.

От этих мыслей почему-то сразу стало легче. Теперь он точно знал, что должен делать: на этом фоне, желание поквитаться с Шеффером отошло на второй план.

Примерив маску “разведчика из центра”, Иван решил, что стоило продолжать играть данную роль. Для этого требовалось две вещи: владеть обстановкой, имея хоть какое-то представление о происходящих событиях, и сменить образ, чтобы беспрепятственно действовать дальше. Если со вторым пунктом после вылазки на хутор особых проблем не было, то с первым могли возникнуть большие затруднения: школьный курс истории не блистал углубленностью. Только отличное знание немецкого языка давало небольшую фору.

Прислушался. Ни один звук не нарушал спокойствие лесной чащи. Видимо, чтобы оторваться от погони, забежал достаточно далеко, или немцы решили не соваться в лес на ночь глядя.

Распотрошил в тишине и спокойствии иранец, набитый всякой всячиной — пилотка с орлом, судорожно цепляющимся за свастику, дополнила камуфляжный комбинезон. В ней Наумов приобрел вид бравого немецкого разведчика, заблудившегося в диком русском лесу,

(эту довольно глупую легенду он припас на всякий случай).

Теперь следовало решить: в какую сторону двигаться? Без компаса и знания местности это было довольно затруднительно. Тем более, учитывая факт безоглядного и продолжительного марафона.

Любой современный человек, закончивший среднюю школу, прекрасно знал, что в лесу есть несколько способов определить, где находится юг, а где север. Вот только это мало что давало: он все равно не знал расположения населенных пунктов в окрестностях. Единственный вариант, самый простой и имеющий шансы на успех — попытаться вернуться по своим следам к хутору, где подорвал бронетранспортер. И уже оттуда “плясать” дальше. Смущало одно — скорее всего, все подступы к нему тщательно охраняются, если только немецкие солдаты не оставили его, двинув дальше. Но, учитывая их вероятную цель, можно было предположить, что они как раз будут двигаться навстречу. Это несколько осложняло дело.

Но как говорится, безвыходных ситуаций не бывает. Если жаль рисковать головой, тогда приходится потоптать ноги, иначе — никак.

Порядочный крюк через густые заросли вконец вымотал, но зато оставил шанс остаться незамеченным. Главное он не промахнулся: судя по отдаленному собачьему лаю, и эпизодически возрастающему реву двигателей тяжелой техники, хутор был в нескольких сотнях метров и немцы все еще находились там. Прятаться дальше в кустах не имело смысла: под покровом ночи можно было подойти ближе и разузнать, что к чему. А далее уже действовать по обстановке.

По мере приближения звуки усиливались. Уже можно было разобрать отдельные, гортанные команды немецких унтеров, типа: “Двигайтесь быстрее, болваны, тут вам не курорт” и “Землю носом будете рыть”.

Вспомнив все навыки разведчика, полученные за годы обучения в военном училище, Наумов подобрался поближе к месту действия; в темноте, в свете автомобильных фар мелькали многочисленные фигуры, бряцало оружие, и хрипло лаяли собаки. Наверняка, они чуяли его присутствие, но в создавшейся общей суматохе на них никто не обращал внимания: лают себе и пусть лают. Лишь бы следом не кинулись.

Несмотря на темноту, окутавшую хутор, он сумел примерно рассчитать количество врагов. Тридцать — тридцать пять к одному: расклад явно не в его пользу. Он же не Рембо, чтобы в одиночку идти в атаку на взвод. Тут следовало придерживаться уже выбранной тактики диверсий. Что есть для этого в наличии? Есть единственная пригодная для бронетехники дорога, ведущая в лес к партизанам, пара тротильных шашек, граната и кусок тонкой веревки. Выбор невелик, но из этого можно приготовить еще один небольшой сюрприз для немцев. В таких делах мастером был прапорщик Дымов и его опыт сейчас особенно бы пригодился, но, кто знает, где он и жив ли вообще. Наумов все еще не хотел верить в его гибель, хотя факты говорили обратное. Теперь приходилось рассчитывать только на себя. Принципа действия ручной гранаты вермахта он не знал, только смутно догадывался, что он несколько отличается от РГД или Ф-1, так как вместо привычного запала с предохранительным кольцом имел место обычный шнурок с отвинчивающейся головкой голубого цвета.

“Eihandgranate39” — было выдавлено на металлическом боку.

Привязал веревку к шнурку от гранаты. С ее же помощью крепко смотал тротильные шашки, соединив всю незамысловатую конструкцию вместе. Получилась, пусть не совсем

надежная, но все же вполне мощная бомба. Хватит, чтобы задержать карательный рейд еще на некоторое время. Выкопав небольшую яму прямо в центре дороги, где предполагалось пройти вражескому отряду, Иван заложил заряд и, закрепив булыжниками, протянул бечевку между двумя близлежащими деревьями; примерно на уровне полуметра. Это должно было сработать: вряд ли в темноте кто-то заметит подобную ловушку. Теперь нужно спрятаться в лесу и ждать результатов, а дальше... Дальше будет видно. Метрах в двухстах рос густой кустарник и это место, как решил для себя Наумов, было самым лучшим для этой цели. Еще раз проверив установленный заряд, двинулся к отмеченной цели, где вскоре, удобно расположившись, принялся ждать. Стрекотали свечки, пели ночные птицы, ветер чуть колыхал листву над головой, убаюкивая. В такие моменты совсем не верилось в реальность происходящего и казалось, что открыв сейчас глаза, он снова увидит яркие звезды, и вершушки гор, между которыми была зажата дорога, охраняемая их блокпостом. К сожалению все обстояло иначе.

Впереди раздался рев двигателя, будто машина, издававшая его, неожиданно вынырнула из-под воды. Но все было гораздо проще — нехрен спать на посту. Сквозь густые кусты рассмотреть ничего не удавалось, но и без того было ясно, что охота началась. Судя по звукам, до ловушки, приближающейся колонне оставалось еще пара сотен метров. Иван напрягся, ожидая, сработает ли заряд? Несколько минут ничего не происходило, затем окрестности озарила световая вспышка и, следом прозвучал гулкий удар. Иван сжал кулаки: все получилось. Следовало делать ноги, пока враг не очухался. Накинув трофейный ранец на плечи и, подхватив автомат, стал продираться сквозь густо сплетенные ветви ивняка. Теперь, заросли послужившие защитой решили сыграть противоположную роль, крепко уцепившись за оружейный ремень. Пока он пытался освободиться от их крепких объятий, над головой послышался пронзительный свист и, справа тяжело ухнуло, качнув заросли, словно траву на ветру. Запахло горелым. Снова засвистело и разорвалось совсем рядом, сбив с ног и обсыпав землей. Из минометов бьют, гады. Быстро сориентировались. Теперь Наумов осознал, что зря недооценивал закаленного в боях врага, достаточно хорошо умевшего воевать. Не зря всю матушку Европу поработили. Вот только откуда они узнали, где он скрывается? Или наугад бьют? Покуда он размышлял над этим вопросом, застряв в зарослях молодой ивы, над головой снова раздался пугающий свист, перешедший в шипение. Темный столб неожиданно вырос перед глазами, сильный удар в грудь сшиб с ног и, изображение пропало вместе со звуком.

Глава 11

Вечер не удался.

По причине тонкости душевного настроения, вследствие грубого обращения с ним “в застенках спецслужб”, Серов нажрался как свинья. Заблевал дорогой персидский ковер, разбил зеркало в деревянном окладе из мореного дуба и напоследок получил звонкую оплеуху от домработницы Анны, когда в грубой форме предложил ей познакомиться поближе. После этого, посчитав, что жизнь кончена, попытался выброситься из окна, но наступил на пустую бутылку из-под коньяка и грохнулся на пол, отключившись.

Все это он узнал на следующее утро, когда Анна выдвинула ему ультиматум: либо он извиняется, либо “ноги ее больше не будет в этом доме”. Серов извинился, подкрепив слова несколькими крупными купюрами. Ссориться с домработницей-секретаршей было совсем не с руки, тем более, опять же, тонкий душевный настрой не позволил бы самому убрать весь бардак, что он учинил накануне. Девушка извинения приняла и, пока хозяин квартиры “отходил”, принимая ванну, навела в комнате идеальный порядок.

Закончив приборку и убедившись, что Серов все еще нежится в теплой воде обильно сдобренной ароматической солью, она подняла трубку телефона и, набрав номер, произнесла:

— Он готов. К вечеру можно вызвать на разговор. — Выслушав короткий ответ, аккуратно положила трубку на рычаг, предварительно, по привычке, вытерев тряпкой.

Если бы она дала отбой еще до того как опустила трубку, то могла бы услышать, что в динамике что-то запищало, раздался щелчок и, связь прервалась.

Между тем, немного оклемавшийся Серов, укутанный в длинный шелковый халат, вывалился из ванной комнаты и плюхнулся в любимое кожаное кресло.

— Хорошо-о!

Следом вошла Анна, поставив на небольшой столик рядом с креслом серебряный поднос. На нем стояла большая рюмка коньяка, чашка горячего кофе и маленькое блюдце с долькой лимона.

— Вы ангел, Анюта! — воскликнул Серов, увидев это великолепие. — Спешу еще раз извиниться за свою бестактность.

— Мы вроде уже загладили конфликт, — напомнила та. — Пейте кофе и не забывайте, что через три часа вам нужно быть в наркомате авиации.

— Ах да! — вспомнил он. — Что бы я без вас делал?

Домработница скромно промолчала и, вильнув задом, покинула комнату. Вот же стерва. Хлебнув коньяка и закулив папиросу (любимых сигар больше не осталось), Серов задумался. Теперь, когда после большой попойки он пришел в себя, течение мыслей обрело, наконец, свое русло. Что-то он расслабился. Не стоило так поступать, иначе сожрут, учитывая последние события. До плановой связи с начальством оставалось еще несколько дней, и он чувствовал, что дни эти будут совсем не легкими.

До встречи в наркомате оставалось полтора часа. Залпом допив коньяк и запив его остывшим кофе, Серов поднялся с кресла и принялся готовиться к предстоящему визиту.

Облачившись в костюм, взглянул в зеркало. Что-то было не так. Толи пиджак не сидел, толи организм все еще не очистился от спиртного, но изображение в зеркале показывало не

его. Ну, или почти: тело свое родное, а лицо... нет, точно не его лицо. Спина взмокла, руки предательски задрожали.

— Анна! — заорал он. — Анна!

Домработница зашла в комнату и вопросительно посмотрела.

— Со мной все в порядке?

— Нет.

— А что ни так? — Дрожащим голосом спросил Серов.

— Вы слишком возбуждены.

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечами та. — Быть может вчерашний вечер тому виной...

— Я ни об этом, — замотал головой тот. — Что с моим лицом?

— Немного опухшее, — удивленными глазами рассматривая хозяина, ответила Анна. —

А так, вполне нормальное.

Глупое поведение домработницы вконец разозлило Серова: тут итак проблемы, а еще она, ведет себя, как дура.

— Это мое лицо? — еле сдерживая вал нарастающего гнева, уточнил он.

— Ваше, но боюсь, вы рискуете его потерять.

Найдя в себе силы еще раз взглянуть в зеркало, Серов убедился в ее правоте.

На этот раз он решил пройтись пешком: для организма полезно, да и привести мысли в порядок совсем не помешает.

Нет, так больше нельзя, думал он, прогуливаясь до наркомата авиации. Крыша скоро поедет. Нужно только довести дело до конца и все, баста. Пусть другие рискуют своей шкурой ради прибыли корпорации. Рано или поздно, все равно— сожрут. Уже копать начали. Значит, чего-нибудь, да найдут. Все, решено, сейчас сдаст документы, ляжет на дно, и при первом же сеансе связи попросит отставки.

В наркомате его встретила строгая секретарша, еще больше внеся сумятицу в растрепанные чувства неприветливым обращением. Раньше он принял бы это как должное, одарив нимфу защищающую вход в обитель богов шоколадкой в хрустящей обертке из фольги, но сейчас, растерявшись, притормозил на входе.

— Вы куда? — строго спросила она, пронзив взглядом, словно рентгеновский аппарат. — Николай Владимирович сейчас занят!

— Я по вызову, — промямлил Серов. — Он ждет.

На душе было противно от такого обращения. Понимая, что совсем раскис, Серов попытался собраться и уже более уверенно произнес:

— Это очень важно!

— Всем важно, — не поднимая на него взгляда, ответили секретарша. — Таких, как вы тут толпы ходят, и всем — важно!

— Вы не понимаете Надюша! Я — не все, и встреча эта была давно запланирована.

— Ладно, — сдалась под натиском та, подняв трубку.

Выждав несколько секунд, пока хозяин кабинета не ответит на вызов, произнесла: — К вам тут Серов рвется, пустить?

— Пусть заходит, — прошамкала трубка. — И больше никого не пускать!

Серов снисходительно улыбнулся секретарше и проскользнул в кабинет.

— И что же вы, Алексей Иванович, процесс тормозите? — хозяин кабинета сразу взял “быка за рога”, не оставив Серову ни единого шанса для контратаки. — В то время, как...

“Корабли бороздят космическое пространство”, —мысленно продолжил Серов, но вовремя осекся и вновь принялся внимать словам заместителя наркома.

— ...потребность в современном вооружении превышает его производство. А такие как вы, всячески препятствуют повышению обороноспособности страны!

Серов немного побряхтел, изображая кашель и поправив галстук, произнес:

— Видите ли, уважаемый Николай Владимирович. Я, мягко сказать, не совсем то звено, что могло бы решить проблемы с поставкой оборудования. У меня есть начальство...

— Знаю я ваше начальство, — перебил его хозяин кабинета. — Они только и ждут, пока свободный союз будет поработан немецким оккупантом! А там, там они поделят свои куски пирога. Но, фиг вам! Не дождетесь!

Для пущей убедительности он предоставил перед носом Серова увесистую фигу.

— Я понял, — рассматривая ее, произнес тот. — Так и доложу начальству.

— Уж извольте!

На этом разговор был исчерпан.

“ Неужели тут все такие фанатики своего дела?”— думал он, спускаясь по широкой лестнице устланной ярко — алой ковровой дорожкой. Если так, то все что писалось в трактатах по истории двадцатого века сущая ложь. В этом он убеждался все чаще и чаще.

Миновав тяжелую дубовую дверь министерства, Серов огляделся: начался мелкий дождь и мокнуть, шагая по улице, совсем не хотелось. В пятидесяти метрах стоял извозчик. Он явно скучал в ожидании клиента, кимаря на облучке. Подняв воротник дорогого замшевого пальто, направился к повозке. В этот момент к краю дороги подкатил черный лимузин, задняя дверь распахнулась, крепкие руки ухватили, затащили в салон и, знакомый голос произнес:

— Вот мы и встретились!

Глава 12

Дышать было тяжело. Что — то сильно давило на грудь, мешая легким расправиться, вдохнуть полный объем воздуха. Угодливое сознание впрыснуло в мозг воспоминания об ароматах утреннего луга, яркие картинки соснового бора за околицей родной деревни, где в детстве собирал крепкие боровики, но на самом деле пахло только порохом и прелой землей. Он умер и его похоронили? Скорее нет: сквозь полтораметровую толщу земли, насыпанную поверх крышки гроба, света точно не увидишь. А тут, если открыть глаза, можно было увидеть его блеклые лучи. Еще раз глубоко вздохнул и, поперхнувшись, согнулся, приняв сидячее положение. Сильный кашель сотряс все тело, перейдя вскоре в рвотные позывы. Спустя несколько минут, к очищенному от остатков ужина и свежей земли организму вернулось сознание. В голове гудело. Оглядевшись вокруг, Наумов ужаснулся. Еще совсем недавно здесь рос молодой ивняк, теперь же было свежевспаханное поле. Только чудом он остался жив под столь обильным градом немецких бомб. Видимо сильно насолил немчуре. При этой мысли стало немного легче: не зря устроил ночную заварушку. Теперь вся округа в радиусе десятка километров знает об их присутствии. Попытался подняться на ноги, но его повело и, он еще раз ощутил запах прелой земли, уткнувшись в нее носом. Налицо были все признаки контузии, но лежать в чистом поле, выпятив зад было опасно. Не дай бог, немцы выпустят собак; тогда пиши — пропало. Убежать от них в таком состоянии он точно не сможет. Растянувшись на земле, словно медуза на солнышке, принялся ждать, что будет дальше. Спина онемела и зудела, будто в нее впились несколько ядовитых насекомых. Часа два (по ощущениям), ничего не происходило. За это время Наумов уже достаточно пришел в

себя, восстановив около семидесяти процентов чувствительности организма. Но, ни лая собак, ни гортанного возгласа “Stehen Schweinauf!” (Вставай, свинья!), так и не услышал. Усталость взяла свое и он “вырубился”.

Где — то в стороне натужно взревел двигатель. Сквозь пелену полуобморочного сна он показался очень громким, и Иван инстинктивно вжался в землю, пытаясь пустить в нее корни. Но его вырывали, вместе с корнями.

— Отпустите, гады! — взревел он, разбрасывая неприятеля. — Не отпущу земли русской!

В ответ его нашлепали по щекам и, кто — то со среднерусским говором, спросил:

— Ты, что парень, белены объелся?

Наумов открыл глаза. Вокруг него стояли несколько человек в расстегнутых фуфайках. Под ними виднелись промасленные робы и рваные тельняшки. Позади, тарахтя дизелями, коптели небо два гусеничных трактора оборудованные плугами со следами свежей земли.

— Свои! — улыбнулся Наумов и, вновь потерял сознание.

Пробуждение было мучительным.

В голове звенело, тело сводило судорогой, а во рту стоял неприятный привкус меди. К тому же, было прохладно, и поясница затекла от долгого лежания. Он повернулся на бок и застонал: онемевшие мышцы дали о себе знать.

— Лежи, косатик, не шевелись! — велел незнакомый женский голос. — Нельзя тебе шевелиться. Еще не все осколки из спины вытащили.

— Где я? — пытаюсь оглядеться, спросил Иван.

— В надежных руках, — пояснил тот же голос. — И нечего глупых вопросов задавать!

— Где я?

— Ну, что ты заладил? — теплая, мягкая рука легла на лоб. Сразу стало спокойно и, как-то, по — домашнему. Такое бывало только в далеком детстве, когда морозными зимними вечерами, нагулявшись с соседскими мальчишками, Иван приходил домой весь сырой с ног до головы, скидывал облепленные снежными окатышами валенки и куртку с шапкой, и шел пить горячий, ароматный чай из самовара. С пирогами. Тогда бабушка точно так же прикладывала руку к его лбу и заботливо спрашивала: “Не простыл, косатик?” А он и не простывал: рос здоровым и крепким мальчиком, радуя бабку и мать. Еще с самого детства он понял, что не может их подвести, так как, являлся единственным продолжателем рода Наумовых. Дед умер от ран великой войны еще в пятидесятых, а отец, кадровый офицер-десантник, знаток нескольких языков, переводчик, сгинул где — то на необъявленной войне. Даже тела не привезли, хорошо хоть пенсию выплачивали, иначе было бы совсем тяжело. Времена были трудные, да и возможно ли иначе, на скромную зарплату сельского учителя?

Сейчас он не мог понять, где находится. Трудно было отделить сон от яви. В голове все перемешалось усугубляя и без того мучительную боль. Село Шаро — Аргун, блокпост. Германия, партизанский отряд: что из всего этого было на самом деле? Где же он сейчас находится? Когда стало немного легче, и туман перед глазами почти рассеялся, Наумов обнаружил, что находится в обычной деревенской избе, достаточно просторной, но бедно обставленной. Пара деревянных скамеек, небольшой шкаф с посудой, стол и сундук, потемневший от времени стоящий в углу под иконами — вот и все убранство. Единственной значимой вещью была большая русская печь, с белыми, покрытыми известью боками. Она занимала почти четверть комнаты и смотрелась очень грозно, напоминая чудо — печь из тридевятого царства, куда попал один маленький лентяй из старого советского

мультфильма. Все будто словно в сказке, но, доброй волшебницы, обладательницы мягкой руки на месте не оказалось; только пустая табуретка у изголовья его кровати. Зато, словно по взмаху волшебной палочки, распахнулась дверь, и в комнату ввалились два молодца. На лица не одинаковы, зато в идентичной военной форме и с винтовками одной модели. По синим галифе, и такого же цвета фуражкам, Иван понял, что это сотрудники НКВД. Калейдоскоп в голове сложился в очередную замысловатую картинку. Вот только была ли она правильной?

Следом за ними в комнату вкатился человек в сером костюме с черной кожаной папкой зажатой подмышкой. Именно вкатился: по — другому сказать было нельзя, настолько он был толст и мелкоросл. Красное лицо и глаза навывкате выдавали в нем карьериста пытающегося возместить свои природные недостатки рвением по службе. Оказавшись посреди комнаты он огляделся и, переместив папку из под правой руки под левую, заявил:

— Вставайте, вы арестованы!

Сказано это было настолько безапелляционно, что Иван даже и не подумал сопротивляться. К тому же он уже перестал чему — либо удивляться, кочуя из плена в плен. Попытался подняться, но сильная боль в спине помешала этому. Застонав, откинулся обратно на кровать.

— Что вы делаете, ироды? — вбежавшая в комнату женщина взмахнула руками и растолкала служивых. — Не видите разве, что человек раненый!

Она подошла к лежащему на кровати Наумову, и заботливо поправив подушки, уселась рядом, прикрыв его своим худым телом. Видимо это была та самая добрая волшебница, что накануне ухаживала за ним.

— Не отдам, пока на ноги не поставлю.

— Хватит дурочку валять, Тимофеевна! — толстяк достал из кармана брюк грязный носовой платок и вытер лоб. — Ты и так уже все границы перешла. А вдруг это немецкий шпион?

— Шпиен, не — шпиен, а для меня он в первую очередь живой человек, да и не похож он на супостата, — заявила она. — Вам бы всех во враги записать, да к стенке поставить!

— Ох, смотри старая, договоришься! — погрозил пальцем коротышка. — До греха доведет язык твой!

— Ты о моих грехах не печалься. Какие есть — все замолю, а ты, боюсь, грехов своих даже в пекле адовом не обожжешь!

— Тфу на тебя, — в сердцах сплюнул толстяк. — Недолго тебе осталось проповеди свои читать. Скоро и до тебя доберусь!

— Бог рассудит!

— Ты на бога не рассчитывай, нет его, и не было! — зырякая налившимися кровью глазами завопил тот. — Хватит дурочку валять. Берите его!

Конвоиры, несмотря на сопротивление старушки, выволокли Наумова из кровати и прямо в исподнем потащили на двор. Хозяйка дома, причитая, следовала следом. Там их ждала телега, запряженная тощей кобылой, с понуро опущенной головой, будто она сама была не рада оказаться на такой службе. Ивана бросили в кузов, устланный прелым сеном и, разместившись рядом, покатали прочь.

— Будьте вы прокляты, ироды! — донеслось в след.

— Будем, будем ... — согласился коротышка и тут же начал дремать. И откуда только такие берутся? Без стыда, без совести.

Телегу трясло на ухабах: солдаты гнали, особо не заботясь о состоянии пленного. Боль в

спине нарастала, голова кружилась, но еще больше тяготила неизвестность. Где он? В каком году, и что ждать дальше? Как всегда, ответы на эти вопросы он получит в самый последний момент. Так уж выпала карта.

Через пару часов мучений прибыли на место. Небольшое старое здание в два этажа, с полусгнившими рамами закрыло собой половину такого голубого и чистого неба. Оно возвышалось над Наумовым, навзничь лежащим на дне телеги, словно неприступная скала. От боли и холода Иван прибывал в полусознательном состоянии и понять, где находится, попросту не мог. Очнулся только тогда, когда его вновь бесцеремонно выдернули с телеги и потащили куда — то по жутко скрипучей лестнице. Вверх или вниз: не понятно. Затащили в небольшую комнатку, освещенную одной тусклой лампочкой, усадили на расшатанный табурет и оставили так. На час — полтора, по ощущениям, хотя в данном состоянии это было очень сильно приблизительно. Через некоторое время, словно тряпичная кукла, он сполз на пол, не в силах больше держать раненую спину. Вытертые доски были холодны и пахли табачным перегаром, словно в старом трактире, где принято плевать на пол. Впрочем, не нужно было иметь семь пядей во лбу, что бы понять, что хозяева этого кабинета тоже не держат слюну в себе. Бить будут по — любому жестоко. И непременно сапогами. Начищенными до зеркального блеска, резко пахнущими ваксой. Время такое: жестокие нравы, низвергающие человека до значимости муравья, плюс сапоги в моде. Устав нюхать вонючий пол, Иван перевернулся на спину и теперь мог созерцать тусклую лампочку на витом проводе, ватт на сорок, запыленную и засиженную мухами. Висит груша, нельзя скушать... Какой только бред не придет в голову, когда готовишься к смерти. Лампочка подмигивала ему, то тускнея, то ярко вспыхивая, будто говоря: “Не дрейфь парень, все будет хорошо...” И почему — то ей хотелось верить. В этот момент, судя по звуку и сквозняку, дверь распахнулась, и кто — то вошел в комнату, топя подкованными подошвами. Темный силуэт затмил тусклое светило. Наумов напрягся: сейчас начнется! Но в место ударов его подняли с пола и, протащив метра полтора, усадили в старое, но достаточно удобное кожаное кресло. Боль в спине напомнила о себе, но все-таки это было лучше, чем мерзнуть на грязном полу. Теперь он смог увидеть своего благодетеля. Обычный старший сержант НКВ-дшник. Значит все еще впереди. Нужно ждать, когда придет офицер. Тогда и начнется. Но и тут он ошибся, что немало удивило: вместо ожидаемых побоев, капитан, вскоре зашедший в кабинет, внимательно осмотрел Ивана, и видимо оставшись недовольным, невесело вздохнул:

— Плохо дело.

Затем, повернувшись к сержанту, распорядился:

— Зови Петровича, через два часа он должен поставить его на ноги.

— Так, вроде он и так не труп, — бросив взгляд на Ивана, произнес тот.

— Ты, дебил! — неожиданно взорвался капитан. — Делай, что тебе говорят, иначе трупами сделают нас с тобой!

Сержант бросился исполнять приказ, а Наумов прикинулся бессознательным и лежа с закрытыми глазами, пытался понять, что же он такого натворил, что все так переживают за его жизнь?

Минут через двадцать примчался человек в белом халате и, не говоря ни слова достав из принесенного старенького саквояжа шприц, вколол в плечо Ивана какую — то гадость. Через тридцать секунд он отключился на самом деле.

Глава 13

— Вот мы и встретились...!

Человек, сидящий на переднем пассажирском кресле, повернулся, улыбаясь щербатым ртом. Сняв шляпу, помахал ею перед лицом Серова.

— Давно не виделись, — выдохнул тот, разглядев его лицо в полутьме салона. — Чего надо? У меня мало времени...

— Не смейся, времени у тебя больше чем предостаточно, — человек был явно доволен произведенным эффектом. — Куда тебе спешить? Рано или поздно, один хрен к стенке поставят.

— Хватит зубоскалить, говори конкретно, чего надо.

— Конкретно! — усмехнулся собеседник. — Все еще не избавился от блатных словечек? Ты и на совещаниях в Кремле так базар толкаешь?

Серов поежился. Встреча с данным типом никак не входила в его планы. Отрыжка обществ, урка прожженный. Бандит из девяностых, со звучной кличкой “вампир”. Присосется — хрен оторвешь. От него можно ожидать чего угодно, не зря сука, так радуется тупой шуточке, знает паскуда, что все на волоске ходим.

— Чего тебе надо? — снова, сквозь зубы, повторил он.

Тот снова улыбнулся, и блаженно потянувшись, закинув руки за голову, довольно произнес:

— А то, что надо мне, ты, падла прекрасно знаешь. Так же как и твои боссы.

— Они тебя уроют!

— Это мы посмотрим, кто, кого уроет. Ты главное сам не болей!

— Кто тебя сюда послал? Не с “общака” ведь скинулись...

— А хоть бы и так! — собеседник явно разозлился, резко наклнившись. — Главное, что я здесь, и тебя тихушника запеленговал, хотя и не с первого раза. Знатно ты затихарился, грамотно. Вот только язык за зубами держать не умеешь.

Серов попытался напрячь память и сообразить когда и где он мог выдать себя, но, как ни силился, вспомнить не мог.

— Чего завис брателло? — видя замешательство Серова, усмехнулся Вампир. — Компьютер сгорел?

— Лучше бы ты сгорел! Тогда...

— Слушай, ты! — собеседник вскочил с кресла, в направлении Серова, насколько это позволяли габариты салона. — Задушу падла! — с этими словами он схватился за его воротник. — Не надо из себя святошу строить. Ты же сам с этого склада поднялся! Или забыл уже?

— Отпусти, — прохрипел Серов. — Задушишь. Не забыл я ничего, все помню!

— Еще тогда надо было тебя удавить, — ослабляя хватку, прошипел урка. — Меньше проблем было бы. А теперь уж ладно, больно важен стал. Люди за тебя подписываются, просят. А ты падла, без уважения!

— Не хрен было весь этот спектакль разыгрывать, — поправляя воротник, произнес Серов. — Пришел бы ко мне, посидели бы, все обсудили...

— Нельзя мне тут светиться, Серый, — мрачно ответил собеседник. — Меня ведь как

бы и нет тут. Тень я.

— Тень отца Гамлета...

— Чего?

— Ничего, просто мысли вслух. Прикажи своему нукеру гнать на набережную. Там нас первое время не будут беспокоить.

Водитель развернул авто, и они молча покатали в сторону дома на набережной. Военная Москва жила своей жизнью: люди серыми тенями спешили с работы домой, пытаясь занять места в переполненных трамваях, армейские патрули обходили улочки по заданным маршрутам, и только черные автомобили номенклатурных работников особо никуда не спешили, чинно доставляя хозяев до центра. Туда же катил и черный "Мерседес" Вампира. Серову даже в голову не пришло спросить, откуда он его взял, вместе с молчаливым водителем. Вряд ли притащил из будущего. Слишком накладно. Даже для олигархов. Через десять минут оказались на месте, подъехав со стороны черного входа. Незачем афишировать таких гостей. Поднявшись в квартиру, Серов вспомнил, что все запасы коньяка уничтожены им накануне и, встречать "дорогого" гостя просто нечем. Выпить Вампир был совсем не дурак. Не кофеем же его поить.

— Аня, вы дома? — открыв дверь ключом, с порога крикнул он. — Вы мне очень, очень нужны!

— Ой! — воскликнула домработница, выпорхнув из кухни. — Алексей Иванович! А вы вас не скоро ждала, ужин еще не готов. А чего это вы не с парадного сегодня?

— Так надо, Анюта, — бросил Серов и, распахнув дверь пошире, впуская гостя. — Я не один.

— Понятно, за мясом посмотрите. Я мигом, — сообразительная домработница скинула передник, бросив его на стоящий рядом стул, сняла с вешалки плащ и, накинув на плечи, вышла.

Вампир проводил ее взглядом.

— Хороша девка!

— Слюни подбери, — посоветовал Серов. — Скидывай колоши и топай за мной.

Квартира произвела на гостя огромное впечатление. И было чему удивляться: просторные комнаты с высокими потолками, камин, старинная мебель; все это было малодоступно для человека из девяностых. И особенно для такого типа. Десять лет по лагерям, плюс скитания по заводским баракам. Это только сейчас Вампир стал выбиваться в "люди", пригревшись на коленях крупных мафиози, владельцев заводов, дворцов, пароходов.

— Шикарно пристроился, — произнес он, осматривая все это великолепие. — Чувствуешь себя буржуем? А, братуха?

Серов только поморщился в ответ.

Его, интеллигентного человека с двумя высшими образованиями, мутило от общения с подобными типами. Но, ничего не попишешь: бизнес есть бизнес. Не прозябать же, как раньше, на задворках института с окладом в покупную способность двух килограммов копченой колбасы. Ради денег можно и потерпеть. Тем более, больших денег.

— Как могу, — буркнул в ответ Серов.

С черного входа брякнул колокольчик; вернулась Анна. Забрякала посудой на кухне и вскоре вкатила в комнату небольшой столик с холодной закуской и двумя бутылками коньяка.

— Угощайтесь, — обращаясь к гостю, произнесла она. — Горячее скоро будет.

Серов ревниво заметил, как она выпорхнула из гостиной, соблазнительно вильнув задом. Стерва, хотя и умна не по годам. Впрочем, это только на руку: может, поможет отделаться от Вампира. Он еще раз оценил достоинства своей новой секретарши и похвалил себя за правильный выбор.

Гость, словно у себя дома, развалился на диване и, посасывая толстую кубинскую сигару, сквозь клубы дыма тоже проводил Анну похотливым взглядом.

— А все — таки, хороша деваха! Может, одолжишь на пару дней? А, кореш?

Серов молча посмотрел на него исподлобья.

— Я заплачу, в накладе не останешься!

— Давай ближе к делу!

Вампир потух, поняв, что дальше торговаться бессмысленно.

— Тогда наливай, коньяк вижу у тебя хороший, — заявил он. — А там и о деле поговорим.

Серов разлил по бокалам янтарную жидкость. Выпили. Молча закусили. Разлили по второй. Вампир, немного захмелев, начал разговор:

— Я, братуха, лично к тебе никаких претензий не имею! Мужик ты правильный, хоть и жадный, — он опрокинул в себя еще порцию коньяка. — Только вот хозяева мои тобой совершенно не довольны, потому и прислали меня сюда, хотя я лично этому только рад. Нравится мне здесь. Спокойно, уютно. Я бы погостил пару месяцев.

— В чем проблемы?

— Квота только на три дня.

Серов понимающе кивнул и налил гостю очередную порцию.

То, что у конкурентов не хватало финансов на длительное пребывание в прошлом — было только на руку. Этот упырь здесь явно уже не меньше суток: пока осмотрелся, пока нашел его, Серова. Если забухает еще на сутки — все, миссия окончена. На месяц, другой, скинем их со счетов. Нашли, кого послать, уроды. А все потому, что боятся свои рыла в переход совать — вдруг не так сработает?

Из кухни потянуло ароматом жареного мяса. Жаркое готово. Серов разлил остатки коньяка по стаканам и прикинув в уме зловещий план, крикнул:

— Анюта! Принесите нам еще парочку бутылок!

Против этого Вампир не должен был устоять.

И все пошло по намеченному плану.

К вечеру гость отключился. Серов тоже был изрядно пьян, но все же смог обшарить карманы визитера, не найдя в них ничего стоящего, кроме презервативов. Это удивило. На якорь зацепить боится, а о шкуре своей поганой, совсем не думает. Возьмут особисты, без документов, правдивой легенды и сразу к стенке поставят, как шпиона. Совсем “ходуны” обнаглели, ничего не боятся. Удостоверившись, что гость не опасен, хозяин тоже уснул. Впереди был тяжелый день.

Между тем, домработница Анна, удостоверившись, что все крепко спят, подняла трубку телефона и, набрав короткий номер, произнесла:

— Клиент прибыл.

Серов даже не пошевелился, прибывая в тяжелом алкогольном забытьи. Только Анна еще до двух ночи мыла посуду и прибиралась в комнате.

Рано утром его бесцеремонно растолкали.

— Отстань, дай поспать, — пробурчал было тот, но схваченный за ногу и скинутый на

пол, окончательно проснулся.

— Вставай, хватит дрыхнуть! У нас еще много дел.

— Нет у меня с тобой никаких дел, — огрызнулся Серов, одним глазом рассмотрев, кто перед ним. — И быть не может. Потому что, я — Серов, а ты — Вампир!

— Это бабка надвое сказала. Мы теперь с тобой сильно повязаны.

— Это чем же интересно!

— Кровью...

— Чьей кровью, не понял?

— Твоей, дурак!

Серов вопросительно посмотрел на гостя.

— Ты чего несешь? Не проспался что ли?

Тот не ответил. Молча подошел к столику где стояла непочатая бутылка коньяка и блюдец с тонко нарезанными, ароматными дольками лимона. Плеснул в хрустальный бокал немного янтарной жидкости и, залпом выпив, произнес, все еще стоя спиной к хозяину дома:

— Мне приказано тебя пришить, если что... Времени осталось мало, можно сказать, что задание я уже провалил, так что... — Он обернулся и Серов увидел наставленный на него пистолет.

— Эй!

— Раз, два... — Невозмутимо начал счет Вампир. Серов внутренне сжался, готовясь умереть. Он хорошо знал, что этот человек шутит очень редко, и не все смогли пережить его “приколы”.

— ...три. Бамц! — Изобразил выстрел гость и убрал пистолет за ремень брюк.

— Шутить изволите? — Все еще дрожа, спросил Серов.

— Нисколько, — Улыбнулся тот. — Так все и есть на самом деле. Я должен был тебя убить, но..., есть одно, большое но! Я далеко не лох и не дурак, и опасность нутром чую. И знаю, что после возвращения в наше время, не зависимо от исхода дела, буду ликвидирован как ненужный свидетель. Потому и не пристрелил тебя, как было велено.

Серов немного помолчал и спросил:

— Чем же я могу тебе помочь? — Хоть и не сразу, но он сообразил, что Вампир хочет о чем — то договориться.

— Ты здесь человек достаточно влиятельный, — начал тот. — Можешь и меня тут пристроить...

— Хм, — удивленно произнес Серов. — Не совсем тот период истории, когда хочется в нем задержаться. Я сам иногда на волоске хожу. Да и...

— Ты не понял. Там — мне крышка, а тут я приспособлюсь, — уверил Вампир. — Мне только остаться надо.

— Но, я — то как могу это сделать? — Он посмотрел на старинные часы, неумолимо отсчитывающие время пребывания гостя в прошлом. — Через пару десятков часов твое время истечет. Вернуться придется по любому.

— Да знаю я, — скривился тот, отмахнувшись. — Но, я все продумал. Только тебе придется мне подыграть.

— Мне? — Изумленно вскинул брови Серов. — Перед кем?

— Тебе, тебе, — подтвердил Вампир. — Закажи завтрак и за рюмкой чая мы все обсудим. В накладе не останешься.

“Без головы бы не остаться”, — подумал Серов, пожившись.

Тогда он еще не знал, в какие угодил сети.

Глава 14

Наумов открыл глаза. Почти ничего нового. Комната, потолок, люстра из беленого стекла. Только в отличие от последних кабинетов, где ему довелось побывать, потолок этого не был засижен мухами и прокурен до желтизны. Кабинет начальника более высокого уровня? Впрочем, гадать было лень. Еще больше не хотелось двигаться. Просто продолжать лежать так на этом мягком, удобном диване, выбросив из головы все мысли. Он устал. Просто устал от этой бесконечной адской карусели, что закрутила его в пространстве и времени. Так ведь не бывает. Может он сошел с ума и, наконец, очнувшись, находится в палате психиатрической больницы? Хорошо, если так все бы и было. Тогда все уже кончилось, и он сможет отдохнуть. Но, стоит поднять голову и осмотреть помещение, где находится, как все сразу встанет на свои места. Вот только делать этого не хотелось. Да и страшно, если честно.

Все же переборов страх, Иван поднялся с постели и огляделся. Комната небольшая, три метра на четыре, еще одна кровать, пара деревянных тумбочек выкрашенных в серый цвет и жестяной умывальник в углу. Похоже, он все-таки в больнице. Но когда? Вполне типичная картинка для любой больницы провинциального городка. Будь то сорок второй год или девяностые. Это ничего толком не доказывает, только мысли еще больше спутались.

Наумов откинулся обратно на кровать и стал ждать дальнейшего развития событий. Чего — чего, а ждать он уже давно привык.

Неожиданно громкая музыка, пролившаяся прямо над головой, вернула его к действительности. Судя по бравурности музыки — это был гимн. Видимо уже шесть утра. Иван задрал голову и обнаружил висящий на стене громкоговоритель. Все ясно. Он все еще в прошлом, и мысли о бреде сумасшедшего оказались несостоятельны. А жаль. В этот момент послышался звук открываемой двери и, в комнату вошла девушка в белом халате. В руках она держала ванночку со шприцом.

— Поворачивайтесь, пора укол делать, — приказным тоном произнесла она. Ничего не оставалось, как подчиниться. Привычная процедура для человека из конца двадцатого века.

Когда инъекция, чуть грубовато, но, все же была завершена и медсестра собралась уйти, Наумов поспешил спросить:

— Вы не подскажете, где я нахожусь?

— Отчего не подсказать, — обернувшись, ответила та. — Все одно, дальше этих стен не выйдет.

— В смысле?

— Это лазарет центрального управления НКВД...

Оказавшись в наркомате внутренних дел, Иван загрустил. И было от чего. В его понятии — это значило верную смерть. Слишком много страшных историй слышал он про этот карательный орган из средств массовой информации нового, демократического правительства, что набрало силу в начале девяностых. Но, с другой стороны, зачем держать его в чистой палате с радио и делать уколы по расписанию? Все противоречиво.

Через некоторое время в палату вошел конвоир. Он еще не успел произнести ни слова, как Наумов самостоятельно поднялся с койки и, заложив руки за спину, театрально вышел в коридор. Тапочек, или другой какой обуви рядом не нашлось, поэтому холодный каменный пол неприятно ожег голые ступни при первых шагах. Конвоир только хмыкнул, но грубо себя

не повел.

— Иди прямо по коридору! — Закрывая дверь палаты, бросил он. Затем, догнав быстрым шагом, и повел за собой. На допрос, не иначе. На расстрел так не ведут.

Кабинет, куда его привели, был полной противоположностью чистой и светлой палаты лазарета: темный, с маленькими, заляпанными грязью окнами, с единственным покосившимся письменным столом и устрашающего вида металлическим стулом. Похоже, на нем еще средневековая инквизиция добивалась правды от узников совести и всякого рода ведьм. Неужели с тех пор один из главных органов страны все еще испытывает нужду в лучшем финансировании?

Человек в синих галифе и гимнастерке с двумя прямоугольниками на петлицах, молча сидел за столом и долго рассматривал вошедшего Наумова.

— И что ты за гусь, если тебя ко мне прислали? — Спросил он, закуривая папиросу. — Не генерал — точно! Да и на маршала не очень смахиваешь.

— Я не гусь, я человек, — особо не прикидываясь, ответил Наумов. — А по званию, всего лишь лейтенант. И то — бывший.

— Ага? — Удивился тот. — Ври больше! Сраного лейтенанта ко мне не пришлют! Не мой уровень.

— Начальству виднее, — кивнул на облупленный потолок Иван, сам удивляясь, что его доставили на допрос к оперу, который ни сном ни духом про него не знал. Еще одна странность в очереди.

— И то верно! — согласился тот.

В этот момент дверь кабинета распахнулась и, на пороге появился человек в скромном армейском френче и черном галифе. Сапоги его ослепительно блестели, еще больше блестели пронзительные глаза, грозно взиравшие из-под насупленных бровей. Оперативник подскочил с места, будто старый стул дал ему крепкого пинка, мстя за прошлые обиды, и вытянулся по струнке.

— Здравия желаю, товарищ комиссар!

— Сидите, лейтенант, — отмахнулся тот.

Опер упал на стул.

— Вот вам инструкции и личное дело арестованного. Изучайте в его присутствии. Задавайте вопросы. Все будет находиться под моим личным контролем...

Признаться даже у Наумова челюсть отвисла после такой инструкции, неговоря уж об опере. Тот почти в кому впал, застыв, словно истукан.

— Чего вы на меня так смотрите! — Рывкнул комиссар. — Выполняйте!

Он быстрым шагом покинул кабинет, а лейтенант все еще смотрел ему вслед, ничего не понимая.

— Ну, что? — Произнес Наумов. — Может, начнем?

Эта фраза для опера была подобна выстрелу в голову.

— Чего начнем? — Спустя длительную паузу, очнулся тот.

— Допрос, — невозмутимо ответил Иван, решив использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу. — Вам же ясно сказали, что должны подробно изучить мое личное дело и доложить начальству.

— Да, да, — согласился тот. Он обильно потел, вытирая лицо платком: то ли от страха, то ли от наглости арестованного. Дрожащими руками раскрыл личное дело Наумова и несколько минут молчал, изучая его, изредка промокая лоб. Затем откинулся на спинку

стула и, выдохнув, спросил:

— Ты, идиот?

— А разве не похоже? — Как можно искренне удивился тот. — Вот и мама мне всегда говорила что...

— Заткнись! — Неожиданно рявкнул лейтенант. — Прислали дурака на мою голову!

Иван часто закивал, подтверждая выдвинутый оперативником диагноз, подыгрывая сложившейся ситуации. Надеялся, что приняв за полоумного, лейтенант вышвырнет его вон, и он сможет спокойно уйти... Только, куда? Он и в свое время Москвы не знал, а уж тут и подавно. Бежать куда глаза глядят да ноги принесут — пройденный этап: заносит слишком сильно и совсем не туда. Только хуже делается.

— Что ты на меня смотришь, будто баран на новые ворота? — Очередной окрик вернул Наумова к действительности. — Гнать бы тебя в три шеи, да дело твое бредовое находится под особым контролем.

Опер закурил папиросу, немного успокоился и внимательно, исподлобья уставился на Ивана, пуская к потолку клубы дыма. Тот невольно поежился под его взглядом. Эта экзекуция продолжалась, пока табак не истлел до самого мундштука и не осыпался на отутюженные галифе. Лейтенант чертыхнулся, стряхнул пепел с колен и поднявшись со стула бросил на пол и растер подошвой и без того потухший окурочок.

— Что же мне с тобой делать? — Усевшись обратно, вздохнул он. — Может пришить статью повесомей, да расстрелять к чертовой матери?

— Зачем же сразу так круто? — Невольно произнес Наумов, затем опомнился и добавил. — Чего на дурака патроны — то тратить.

— Э, нет парень, ты вижу далеко не дурак. Посиди пока, подумай, а я решу, что с тобой дальше делать. Васильев!

В кабинет вошел охранник.

— Уведи этого в камеру, — приказал опер.

— Есть! — козырнул тот.

Иван поднялся, не дожидаясь приглашения.

— Пойдем, что-ли, — буркнул конвоир, кивнув в сторону открытой двери. — И давай без шуток.

“Какие тут могут быть шутки” — подумал он в этот момент.

Конвоир долго вел по бесконечным коридорам и лестницам, пока они не очутились в еще более узком коридоре заканчивающимся тяжелой, покрытой ржавчиной дверью. Охранник достал связку ключей, долго перебирал, отыскивая нужный. Когда нашел, почти сразу попал в замочную скважину, провернул несколько раз и открыл, потянув за скобу служившую ручкой.

— Устраивайся!

Наумов переступил порог. Дверь захлопнулась, лязгнув замок. Осмотрелся. Теперь вместо благоустроенной госпитальной палаты его ждала тесная и сырая одиночная камера, богом забытая где — то в глубине подвала. Судя по всему, здесь держали особых арестантов. Хотя, это как раз про него. Он уже настолько запутался в хитросплетениях событий, что было абсолютно, по — человечески наплевать, что произойдет дальше. Не хотелось размышлять, почему все так происходит. Просто хотелось спать. Иван улегся на жесткие деревянные нары и закрыл глаза. Все, спать! Утро вечера мудренее.

Глава 15

Вампир подробно изложил свой план, и Серов сразу понял, что это могло сработать. Его расчетливый ум быстро просчитал все возможные варианты исхода этой аферы, вплоть до мелочей. Весь вопрос состоял в том, как убедить криминальных боссов поверить в то, что его, Серова смерть, будет менее выгодна в свете предстоящего дела. Суть же плана была проста до безобразия; он скидывает по своим каналам информацию о том, что намечается большая сделка, но исход ее находится под угрозой, так как некто, наемный убийца, прибыл для его устранения. Откуда появилась эта инфа — дело десятое. Боссы Вампира, по любому, это перехватят и дадут задний ход, придержав исполнителя убийства в качестве шпиона. Он же, создает вид бурной деятельности. Пока суть, да дело, и все пытаются разобраться в правдивости данной информации, они подстраивают убийство Вампира. Криминальные боссы списывают еще одного своего наемника со счетов и выбраковывают, закрыв портал во времени. Вампир остается в прошлом под вымышленным именем и с новыми документами. Следы его должны затеряться.

— Ты это ловко придумал, — произнес Серов. — Грамотно, я бы сказал...

— Жить захочешь, и не такое выдумаешь! — отмахнулся гость. — Теперь главное, что бы прокатило. У тебя, случаем, работница на органы не тарабанит?

— Брось, — отмахнулся тот. — Проверенный человек.

— Смотри. Мне ведь недолго под асфальт ее закатать.

— Хватит чушь пороть, давай о деле! — Серов разлил остатки коньяка и, оставив пустую бутылку в сторону, добавил — И хватит бухать!

— Как скажешь, — Вампир опрокинул в себя содержимое рюмки, крикнув, со стуком опустил ее на столик. — Хватит, так хватит.

В этот момент в комнату впорхнула домработница и, легко подхватив поднос с пустой посудой, быстро скрылась в направлении кухни. Серов проводил ее взглядом. “А может прав Вампир, — неожиданная мысль всплыла в его чуть затуманенном алкоголем мозгу. — Все время рядом и вовремя, будто мысли читает. Или следит”.

Мысль эта быстро испарилась, уступив место другим проблемам. Рядом дремал подвыпивший Вампир и с ним надо что — то делать.

— Хватит дрыхнуть, — толкнул в бок Серов. — Давай двигай в душ.

Посмотрел на часы.

— Скоро мы должны быть у “хозяина”. Тот ждать не любит.

Спустя час, посвежевшие, они спустились по задней лестнице во двор, где уже ждала машина. Водитель резво тронул с места объезжая лужи, что бы ни забрызгать до блеска намытый кузов. Выехали на “центральную” и, влившись в общий поток, двинулись в сторону выезда из города. По мере движения плотность застройки начала редеть, все более попадались покосившиеся бараки, разбавленные кое — где деревянными двухэтажками. Под размеренный рокот двигателя клонило в сон.

— В “той” Москве мы бы полдня пилили, — открыв один глаз, заметил Вампир, когда спустя полчаса автомобиль выехал на загородное шоссе.

— Не сравнивай жопу с пальцем, — ответил Серов сквозь дрему. — Спи, пока есть такая возможность. Скоро не до сна будет.

Пейзаж за стеклом сменился. Дорога началась неважная: заметно потряхивало на неровностях и уже стало не до сна. Началось мелькание — поля, пролески, деревни. Скучно.

— Хлебнуть бы чего, — заметил Вампир. — Тоска одна.

— Хлебнешь, успеешь, — успокоил его Серов. — Не о том думаешь.

— Вот именно, что о том, — насупился тот. — Хрен его знает, что впереди. От того и тоска.

— Да брось, скажи лучше, откуда “Мерина” взял?

— Какого “мерина”? — Не сразу понял собеседник, потом задумался и тут же ответил — Ах, этого!

— Да, на некотором ко мне подкатил. Не с собой же его из будущего притащил?

— Ты не боишься?

— Чего?

Вампир молча кивнул на водителя.

— Да нет, — усмехнулся Серов. — Он глух и нем, словно рыба. К тому же — свой человек!

— У тебя, вижу, тут все свои. — Скептически заметил Вампир.

Серов не ответил на этот выпад. Молчали некоторое время, глядя в окно, думая каждый о своем.

— Ты так и не ответил.

— Насчет машины?

— Да.

— Нанял я ее.

— Любишь же ты дешевые понты.

— Совсем не дешевые, — ухмыльнулся тот. — Почти все командировочное бабло на нее извел.

— Зачем?

— Хотел на тебя впечатление произвести.

— Дурак ты, брат. — Выдохнул Серов. — Дураком и помрешь.

— Э нет, — напрягся Вампир. — Помирать я пока не собираюсь.

Между тем, машина свернула с основной дороги на неприметную грунтовку затерявшуюся среди соснового бора. Водитель сбавил скорость, лавируя между деревьев.

— Мы почти на месте, — сообщил Серов. — Думай, что говорить будешь. Хозяин пустозвонов не жалуется.

— Ты главное, подыграй мне. — Собеседник явно нервничал. — А там разберусь.

— Не дрейф, помогу.

Машина подкатила к огромным воротам, справа и слева от которых, скрываясь в чаще, виднелся высокий, непреодолимый на первый взгляд забор из красного кирпича. Почти кремлевская стена. Только окутанная поверху густыми локонами колючей проволоки. Водитель посигналил. Спустя некоторое время ворота распахнулись. Машина плавно вкатилась на просторный двор, замерев рядом с еще одним шикарным авто, отдохавшим на парковочной площадке. Серов покрутил головой. Он не был крутым разведчиком, но и одного взгляд было достаточно, чтобы понять степень охраны этого объекта. Справа автоматчик, слева тоже. Человек на крыше явно не отдыхающий, решивший позагорать. Снайпер. Слишком крутая охрана для номенклатурного работника. Не надо иметь семь пядей во лбу — это база людей из будущего. Его даже пот прошиб. Ведь он здесь еще ни разу

не бывал, и теперь остался поражен степенью размаха организации.

Несмотря на причастность к этой структуре он все же испытывал коленную дрожь. И без того было шатко его положение, а тут еще решился на сомнительную аферу с конкурентами. Только что он наставлял Вампира, а теперь сам сдрейфил. Коньячку бы хлебнуть!

— Ты чего? — Толкнул в бок Вампир. — Выходи, тебе двери открыли.

Серов очнулся от раздумий. И на самом деле — двери машины были предусмотрительно распахнуты перед ним охранником в штатском костюме.

Ему даже стыдно стало: пугал своим начальством Вампира, а сам обоссался при первой встрече. Он подобрался и вышел. Холуй, открывший дверь, пододвинулся пропуская. Это немного взбодрило, придало уверенности.

Они вышли из машины и в сопровождении охранника направились к дому. Поднявшись на крыльцо, остановились у массивной двери, чего — то выжидая. Вампир заметно нервничал. Серов же напротив — почти успокоился, и с делано — безразличным видом осматривал окружающий ландшафт и фасад старинного здания. Наметанный взгляд сразу отметил несколько элементов, или так называемых “гаджетов”, вовсе не свойственных данному месту и времени. Камеры видеонаблюдения были удачно замаскированы под видом газовых фонарей, но человек из двадцать первого века достаточно явно чувствует на себе взгляд “большого брата”; новая ветка инстинктивного ощущения, ничего не попишешь. Рука невольно потянулась к козырьку кепки, надвинув ее на глаза. Бред. Дурная привычка из прошлой жизни.

Вампир тоже почувствовал неладное, и еще больше занервничал.

— Успокойся, — шепнул ему Серов. — Все будет нормально, я же обещал.

— Твои бы слова да богу в уши, — хрипло ответил тот. — Да только в груди свербит. Непокойно.

— Камеры видишь?

— Нет, — признался тот. — А что?

— Ничего, синдром подопытной мыши.

Вампир промолчал, явно не поняв намека.

В этот момент за дверями глухо щелкнуло. Массивная створка распахнулась и над ухом раздался голос охранника:

— Идите вперед.

Они шагнули за порог и очутились в узком, полутемном коридоре. Двери, с чуть слышным скрипом закрылись за их спинами, и стало еще темнее. Сделалось жутко. Вспомнился старый документальный фильм из далекого детства про египетских жрецов, их храмы, пирамиды и странные обряды, проводимые в них. Этот коридор увешанный и устланный коврами, с одним единственным плафоном над противоположной дверью, ведущей в апартаменты “хозяина”, один в один походил на сумрачные склепы из фильма.

Серов набрался смелости и первым шагнул в сторону апартаментов. Вампир тенью последовал за ним.

Пристанище хозяина поразило своими размерами, отсутствием окон и все той же полутьмой. Из мебели присутствовали только: большой двустворчатый шкаф с глухими створками, пара кресел и стол, одиноко стоящий посреди комнаты. И, кругом, на полу и на стенах — ковры, ковры, ковры...Бесчисленное множество, разных размеров и форм. Хозяин особняка явно был помешан на них. Все это убранство выглядело великолепно и...зловеще.

Хотелось плюнуть на все и бежать без оглядки.

— Вы хотели меня о чем — то спросить? — голос прозвучал так неожиданно, что Серов с Вампиром вздрогнули, и чуть было на самом деле не бросились наутек. — Иначе, зачем попусту тратить наше время?

Голос звучал странно, будто не принадлежал живому человеку, перемежаясь с шипением и треском. Серов ошалело покрутил головой в поисках невидимого собеседника и замер, наконец — то обнаружив источник звука. Он исходил из старого радиоприемника стоявшего на столе посреди комнаты. Панель настройки слабо светилась желто — оранжевым светом, в динамике тихо пощелкивало.

— Я жду, — протрещал приемник.

Позади что — то глухо стукнуло. Серов обернулся и увидел лежащее на полу тело Вампира. Он был без сознания.

Глава 16

После скудного обеда состоящего из жидкой, мутной похлебки сомнительного происхождения и куска черствого ржаного хлеба (кормили тут просто отвратительно), за Иваном пришли двое конвоиров и молча погрузили в “автозак”. Затем, долго куда — то везли: он даже вздремнуть успел, нисколько не заботясь о своей дальнейшей судьбе. Привык уже к неизвестности и спокойно “дрях без задних ног”. Раз уж взяли в оборот — чего дергаться? Проснулся, когда машина резко затормозила и замерла. Мотор затих. Сквозь зарешеченное окошко, в тесный кузов заползли различные звуки извне: шумный голос толпы, стук вагонных колес, пыхтение паровоза — вокзал, не иначе. Куда же его хотят отправить на этот раз? И зачем? Но ничего не происходило. Десять минут, полчаса; машина стояла, он сидел. Спустя час, (или около того), хлопнули двери кабины и кто — то, вероятно конвоиры, процокали мимо металлом подкованных сапог. И снова ничего — только обычный шум вокзала. Будто о нем забыли. Наумов начал нервничать: ждал чего угодно, но только ни этого. Время сразу же растянулось в бесконечную резиновую ленту, и процессу этому, не было конца. Иван выглянул в окошко, но кроме выщербленной стены старого пакгауза рассмотреть ничего не смог.

— Эй! — позвал он. — Есть кто живой?

Никто не ответил.

Машина по —прежнему стояла на месте, а жизнь вокруг текла в своем русле. Так прошло еще полчаса. Затем вновь послышались шаги конвоиров (он узнал их по характерному стуку подошв о бетон пакгауза), двери кунга распахнулись, пропуская свежий воздух, чуть сдобренный запахом перегоревшего угля и машинного масла, и в тесное пространство автозака с силой впахнули чумазого типа одетого в черный рабочий комбинезон.

— Принимай пополнение, — сказал кто — то кому — то за бортом.

— Куда их?

— Сам знаешь куда...

Между тем, человек в робе поднялся с пола и уселся на скамейку напротив.

— Уф — ф! — тяжело выдохнул он, вытирая пот со лба грязным рукавом. — Поймали все — таки, суки! Три месяца бегал! Документы нужные справил, а все — без толку!

— От кого бегал? — спросил Иван, опешив от таких откровений.

— От кого же у нас сейчас могут бегать, братан? — в свою очередь удивился тот. — От военкома!

Тут только до Наумова дошло, что перед ним обычный дезертир, принявший его за своего. Кто же еще мог сидеть в автозаке? Хотя, тут напрашивался самый сложный вопрос: почему его держат с такими типами? Он больше не нужен? Отработанный материал? Тогда у этой машины две дороги: либо на передовую, в штрафной батальон, либо в “расстрельную комнату”. Первое — предпочтительней.

— Тебя как зовут? — рассматривая соседа, спросил Иван.

— Жлоба, — ухмыльнулся тот, показывая на удивление белые и ровные зубы.

Где — то глубоко в душе всколыхнулось противоречивое чувство сидельца и честного, свободного человека. Даже здесь зона не отпускала. Наверно, она во все времена одинакова.

— Я не “погоняло” твое спросил, а имя, настоящее. Что мамка нарекла. — Смотря в глаза, процедил он. — Мы не на зоне.

— Скоро все там будем.

— Я задал вопрос!

— Николой кличут...

— Ты никогда не задумывался о том, что лучше? — Сделав вывод о моральном облике вынужденного соседа, спросил Иван.

— Что лучше?

— Сидеть здесь, ожидая расстрела, или честно идти на защиту Родины. — Пояснил он. — Сомневаюсь, что после всех подвигов тебя отправят в лагерь. Скорее, к стенке поставят, чтобы списать еще одну единицу социально неправильного элемента.

— С чего это? — Набычился Николай.

— А ты подумай! — Наумов откинулся на стенку кунга и продолжил пристально рассматривать собеседника, соображая, как можно использовать его в дальнейшем. Помощник из него не ахти — сдаст при первой возможности, но как ширма вполне сойдет.

Только куда бежать? Старый, жирный червь сомнения вновь подал признаки жизни, зашевелившись где-то под сердцем.

Но, ничего не оставалось, как посвятить своего невольного напарника в почти созревшие планы предстоящего побега. Хотя, плана вовсе и не было: Иван прекрасно знал, как открыть пружинные замки на дверях и даже имел подходящий для этого инструмент — ржавый четырехдюймовый гвоздь. И ничего более.

Все же, когда все немногие детали были уточнены и обговорены, приступили к его осуществлению. Николаю выпало стоять на “стреме” — смотреть в узкое окошко автозака, а Наумов принялся за замки. Несмотря на кое — какой опыт, открыть получилось не сразу. Провозившись минут десять, он вытер пот со лба рукавом и спросил у напарника — Ну, что? Все тихо?

— Вроде, — ответил тот. — Плохо видно. Вижу только стену напротив. А вдруг они рядом стоят и ждут, пока мы бежать задумаем? Шлепнут сразу тогда.

— Не дрейфь, есть небольшое подозрение, что все путем будет.

— Не верю я, — усомнился тот. — Не бывает так.

— Бывает, — успокоил его Иван, открыв наконец — то первую дверь. — Еще как бывает. Но не у всех.

Выбравшись в тесное пространство караульной, он нажал ручку наружной двери; та была открыта. Случайность? Этот факт еще больше усилил подозрения, что этот фарс разыгран совсем не случайно: слишком все просто и гладко складывается. И Коля этот, совсем не к месту. Не иначе — засланный паренек. Грубовато сыграно, но это только на его

первый взгляд, человека, не знающего всех тонкостей происходящей игры. Может все и получиться, хотя, с другой стороны не так просто будет бегать без документов в военное время, и без знания местности. До первого патруля. День, от силы — два. Потом снова посадят или расстреляют. Исход зависит от того, кому попадешься.

Но не время паниковать, все может обернуться совсем по-другому. Пора действовать, пока дают шанс.

— Ты сейчас за мной потихонечку скользи, словно тень, легко и незаметно, — наставлял Наумов своего случайного товарища. — Если что, то сразу на землю падай, или кустом притворяйся. А если уж засекут и погонятся, то беги от меня в обратную сторону. Так от патруля оторваться легче будет. Все понял?

— Да вроде не дурак. — Тихо ответил позади Колян.

— Тогда пошли.

Открыв дверь автозака, первым делом Иван осмотрел пяточок под ногами. Все чисто. Затем спрыгнул на землю и еще раз осмотревшись, дал знак напарнику. Побежали. Метров тридцать легкой рысцы вдоль глухой стены привокзальных складов, короткий бросок вниз с платформы на пути, оттуда — в дренажную канаву, поросшую густым ивняком. До конца станции, а это метров триста, ползли на карачках, с трудом пробиваясь сквозь цепкие ветви кустарника. Ладони были сбиты в кровь, одежда кое-где разорвана, но на это не обратили внимания, когда очутившись на краю жилого района с убогими покосившимися заборами, присели отдохнуть под свесом пустого полуразрушенного сарая.

— Ты район этот знаешь? — Немного переведя дух, спросил Наумов.

— Первый раз здесь, — мотнул головой Николай. — Я же сюда на первом попутном товарняке убег. Тут на станции патруль и прихватил.

— Понятно.

— Что дальше делать будем?

— Ноги будем делать. Нельзя здесь оставаться, — пояснил Иван. — Враз местные сдадут. Время такое.

— Тогда пойдём.

— Куда?

— Надо дальше вдоль путей двигать, там склады есть заброшенные, никого нет. Там и переночевать можно.

— Откуда знаешь?

— Видал, когда мимо ехал. Все разбито и ни одной живой души.

— Все верно, — согласился Наумов. — Притаиться сейчас не помешает. Только лесом пойдём, так надежнее будет.

Ранним туманным утром, продрогшие и усталые они добрались до небольшого домика путевого обходчика. Спрятавшись за покосившимся штакетником, опутанным сухим прошлогодним вьюном, принялись наблюдать за тем, что происходит на дворе. Но, судя по темноте в окнах, хозяин либо еще спал, либо уже ушел на работу, а по поводу наличия его семьи можно было только догадываться. Лишние свидетели были не к чему, поэтому решили еще немного подождать, а затем идти на разведку. Иван заметил, что замок на дверях отсутствовал, но для этого времени и места — это не показатель. “Чужие здесь не ходят” — вспомнилась знаменитая фраза. Ясно, что брать тут нечего. Да и профессия обходчика достаточно опасна во все времена. Тогда зачем они сюда притаились? Только сейчас эта мысль показалась существенной. Неизвестные склады, могли существовать либо в

воображении Николая, либо в десятках, а то и в сотнях километрах отсюда. Может заспал парень, пока мыкался в дороге.

Нет, снова рисковать он не мог.

— Вроде все тихо, — повернувшись, произнес Иван.

— Точно никого, падлой буду, — ответил Колян. — Пора идти.

— Вот ты и иди, а я на стреме постою. Если что, сигнал, — и заметив подозрительный взгляд напарника, добавил: — Незачем обоим палиться.

— Согласен, брат. — Кивнув, тот проворно встал на четвереньки и, прошуршав прошлогодней травой, скрылся за оградой.

Спустя десять — пятнадцать секунд, послышался скрип дверных петель. Все, пора сваливать. Пока тот шарит по жилищу обходчика, можно до канадской границы добежать. Ползком, не смотря на холод и грязь, он скрылся в ближайших кустах. Тут можно было встать на ноги и, сделав полукруг на местности, занять выгодную для наблюдения позицию.

Этот пригорок расположенный недалеко от железнодорожной насыпи, Иван заметил еще в тот момент, когда они вышли к домику обходчика. И сразу обозначил его контрольной точкой. Не то что бы у него был повод усомниться в неожиданном пассажире, просто череда последних событий научила не доверять даже своим глазам. Доверять можно только чутью, а чутье сейчас вопило о несуразности происходящего. Слишком все гладко, будто по сценарию.

Очутившись на заданной точке, Наумов залег в кусты и принялся ждать. Чего — и сам не знал, но чувство самосохранения заставляло смирно лежать на месте. И не зря. Со стороны железной дороги послышался приглушенный шум. Разглядеть его источник не позволяли высокие сосны закрывающие обзор из-за поворота. Надвигающийся паровоз это было совсем не похоже. Тепловозы еще не существовали как класс, а значит, сделал вывод Иван, это мотодрезина.

Двухосная моторизированная платформа спустя минуту показалась из-за поворота. Даже с большого расстояния Наумов смог рассмотреть на ее борту с дюжину вооруженных людей в форме НКВД. Платформа снизила скорость и остановилась рядом с домом обходчика. Люди, словно горох с тарелки высыпали с нее, разбегаясь в разные стороны, окружили домик, блокировав периметр. Двое забежали внутрь, и спустя минуту появились во дворе, ведя под руки Николая. Остановились у калитки. Конвоиры отпустили и отошли в стороны.

Спектакль пошел не по сценарию. Николай поднял голову и посмотрел вдаль, прямо на то место где скрывался Иван. Даже сквозь расстояние он почувствовал волну ненависти и призрания.

Ловушка не сработала.

Глава 17

Застыв, словно статуя, Серов недоуменно взирал на распластанное по полу тело Вампира.

“Этого еще не хватало”, почему-то с грустью подумалось ему. Пришел просить по делу, а тут такая картина маслом. Теперь язык проглотить плевое дело, причем самым натуральным образом. Отрежут и скормят сырым, без всякой соли и специй”.

— Кого вы к нам привели? — спустя недолгую паузу спросило радио. — Вы, товарищ Серов, отвечаете за этого человека?

— Да, отвечаю, — проблеял тот, словно испуганная овца.

— И что же вас привело? Вы же знаете, что по инструкции ни в коем разе нельзя осуществлять прямой контакт с руководством. Предстоящая сделка слишком важна. И прогореть на мелочах было бы крайне невыгодно.

— Этот человек может помочь нам в деле, — спокойный тон собеседника придал уверенности, и противная дрожь в коленках немного утихла. — Его можно использовать, как запасную пешку в игре.

— Вы уверены?

— Вполне. — Серов оглянулся, чтобы удостовериться в том, что Вампир не слышал разговора. Хотя, это уже не имело какого-либо значения. Тот попал в ловушку, и сети для нее расставил именно он сам, попросив об услуге.

Не страдая от угрызений совести, Серов слил его, словно помой.

— Тогда наши люди приведут его в чувство, и завтра с утра вы сможете продолжить с ним работу. — Серову показалось, что табло радиоприемника засветилось ярче, словно одобряя его действия. — Но ведь он пришел просить не просто так?

— Нет, он просил об одной услуге.

— Расскажите.

Серов разъяснил просьбу Вампира, не утаивая всех подробностей их встречи.

Минут пять радио на столе оставалось молчаливо безучастным. Вампир все еще оставался в отключке, и, кажется, не подавал признаков жизни. Не помер ли бедняга от разрыва сердца? Судя по тому, как трясся на пороге дома, все было вполне вероятно.

— Еще раз напомню, что все происходящее — далеко не шахматная партия, разыгранная от скуки. — Мигнув табло, ожило радио. — Слишком много поставлено на кон, в том числе и ваша жизнь. Вы тоже участвуете в большой игре и не вправе допускать ошибок.

— Я постараюсь сделать все от меня зависящее, — заверил Серов, театрально склонив голову. — Исправлю все допущенные ошибки. И был бы благодарен, если укажете, какие именно.

— Ваша ошибка лишь в том, что вы ленивы и не наблюдательны.

Серов напрягся: когда слышишь подобные слова от высшего руководства — жди беды. Тут, словно по команде, в комнату вошли двое крепких охранников, одетых в одинаковые серые костюмы и направились в его сторону.

“Ну, вот и все, — подумал Серов, — И меня тоже слили”.

Но, секюрити до него явно не было дела. Они подошли к лежащему на полу Вампиру, и

подняв под руки обмякшее тело, утащили вон из комнаты.

Серов дрожащей рукой достал из брючного кармана платок и промокнул вспотевший лоб.

“Ей богу сегодня напьюсь, — дал он себе обет. — До слюней, до положения риз”.

— Аудиенция затянулась. — Напомнил о себе голос из динамика. — Дату ожидаемой всеми нами встречи сообщим дополнительно. Вы свободны.

— Благодарю вас, — раскланялся тот, пятась к выходу.

Уже у дверей, развернулся, и открыв массивную створку, приготовился выскользнуть в коридор, когда голос остановил его:

— Стойте!

Тот замер, все еще держась за дверную ручку.

— Забыл сообщить. У нас появился не зарегистрированный “ходок”. Очень странный тип. Не принадлежит ни к одной из организаций. Советую взять в разработку. Всю информацию получите в службе безопасности. Идите и работайте.

Серов, словно плетью подстегнутый выскочил в коридор. Только здесь смог перевести дух и унять нервную дрожь.

“Точно сегодня напьюсь. До свинячьего визга.”

Если бы не патологическая жадность, то он давно бы бросил эту работу и перешел на более спокойное место, но... деньги не давали ему покоя, заставляя рисковать здоровьем, а то и жизнью.

Словно сомнамбула, Серов добрался до авто, что все еще ожидало на дорожке просторного двора. Открыл дверь, плюхнулся на заднее сиденье.

— Домой! — Коротко приказал он.

Машина тронулась, ворота, словно по команде, распахнулись, пропуская.

Когда зловещая усадьба скрылась за поворотом, Серов обмяк, расслабившись. Расстегнул пряжки портфеля из желтой кожи, извлек плоскую металлическую флягу и, открутив пробку, жадно припал к горлышку. Огненные струи обожгли горло, желудок. В голове разлился туман, и все переживания показались уже более размытыми. Машину трясло на ухабах проселочной дороги, но, не смотря на это мысли текли плавно и размеренно. Он понимал, что вызов к “боссу” — это последний сигнал к действию, и если он допустит ошибку еще раз, то карьера пойдет под откос. Нет, убить его не убьют, но он навсегда лишится возможности участвовать в прибыльных делах. А это — смерти подобно. И кем он будет в своем времени — обычным клерком? Ну, уж нет! Сколько сил и времени потрачено на все, чего добился. Тут Серов вспомнил про своего неожиданного компаньона — Вампира. Где он сейчас, и жив ли? Куда унесла его тело охрана?

— Послушай, любезный, — обратился он к молчаливому шаферу. — Ты ведь все время, пока мы были в доме, сидел в машине?

— Да.

— Может ты видел, куда два здоровых лба, что охраняют хозяев, унесли моего спутника?

— Видел. — Ответил тот с интонацией компьютера. — Он лежит в багажнике.

Серов икнул, и дальше, всю дорогу молчал, изредка прикладываясь к любимой фляжке.

Автомобиль подвез его туда, откуда и подобрал — к черному входу дома.

Серов с трудом поднялся по лестнице, останавливаясь каждые два пролета для того чтобы отдышаться. Когда добрался до нужного этажа, взмок, словно пробежал несколько

километров при полной выкладке, и окончательно выдохся. Пришлось еще несколько минут отдуваться, чтобы прийти в норму. А ведь раньше спокойно мог “десятку” выдать; что бегом, что на лыжах. Стареешь брат. Сердце уже не то, да и хватка слабеет. Отдышавшись, потянул за ручку двери. Открыто. Распахнул, в нос ударили запахи кухни, ароматного табака. Послышалась музыка и знакомый говор. “А ведь соврал водитель насчет Вампира, — подумал Серов. — Или пошутил, а я не понял. Не мог же он быстрее меня из багажника выбраться и до дому добраться”. Плюнув на происходящее, скинул плащ (пальто), и направился в гостиную. Не будешь ведь теперь разбираться, кто тут дурак.

Вампир сидел в кресле, окутанный клубами сигарного дыма и несколько не стесняясь, глушил дорогой хозяйский коньяк: одна бутылка, уже пустая, лежала опрокинутая на полу, вторая еще стояла на столике, но содержимого в ней оставалось всего на пару глотков.

— И давно ты тут, куролесишь? — Спросил Серов, усаживаясь в кресло напротив.

— С час, наверное, — пьяно кивнув, ответил тот. — Все тебя дожидаюсь.

— Вижу, — он взял в руки одиноко стоящий, наполненный до краев янтарной жидкостью бокал, и одним глотком осушил. — Спасибо!

— За что?

— За то, что ты есть! — Оскалился Серов. — Я уже думал, кранты тебе... Ан нет, живес всех живых!

— Не помню я ничего, — Вампир потянулся было к бутылке с остатками коньяка, но Серов опередил его, приложился к горлышку, и отбросил пустую тару на пол.

— Ей богу, не помню.

— Да ладно, не бзди, — успокоил его хозяин. — Все пока не так уж и плохо. Можно сказать, что история твоя почти прокатила, но, ты теперь, мне по гроб обязан!

Вампир возражать, ясное дело, не стал.

Серов достал из коробки ароматную сигару, закурил, выпустив к потолку клубы дыма и, откинувшись на спинку кресла, произнес:

— Сегодня будем отдыхать, а завтра я из тебя всю душу вытрясу!

— Хорошо, босс! — Вампир пал к его ногам. В образном смысле.

Хотя, спустя час и литр коньяка это произошло и в прямом. Серова же алкоголь почти не брал, он только все больше мрачнел, курил и думал насчет “неизвестного объекта”, гуляющего без присмотра. Где его искать? Данная службой безопасности информация была скудна, а самоличное расследование грозило большими тратами. Если только...

Серов посмотрел на распостертое тело Вампира. Вот кто ему поможет. Пусть отработывает должок. Документы НКВДшные ему проще будет сделать. Рой носом землю, пей кровь советских граждан, но информацию добудь.

Вампир ты, или кто?

Глава 18

Оставшись один, Наумов почувствовал себя свободным. Теперь не стоило доверять никому. Абсолютно. Самый действенный способ остаться на плаву, и не получить пулю в голову. Хотелось спать, есть и еще больше — пить. Долго это будет продолжаться? Он лег на спину и прикрыл глаза. Бежать никуда не хотелось: устал. Вряд ли преследователи будут прочесывать лес, а если и будут, то он услышит и рванет куда подальше. Если сил хватит. С другой стороны — сколько можно бегать? Набегался уже до тошноты. Хотели бы кончить, уже давно бы расправились. Вот только подсознание, игнорируя здравый смысл, громко предупреждало об опасности, а он ему уже привык верить.

Даже спустя полчаса ничего не происходило. Либо люди с платформы посчитали, что преследовать в чаще леса нет смысла, либо, зная местность, дожидались, пока жертва сама попадет в ловушку. В этом был смысл: местности Наумов совершенно не знал. Любая вылазка была сродни путешествию слепого по незнакомому городу. Оставался только один выход — довериться судьбе, и если она будет против, то он хотя бы узнает, почему. Мысли эти придали сил. Иван поднялся, отряхнулся от сосновых иголок и, раздвинув ветви кустарника, что росли на краю железнодорожной насыпи, оглядел пространство внизу. Самоходной платформы на путях уже не было. Домик путевого обходчика был все так же темен и пуст, только сломанная калитка, печально повисшая на одной петле, напоминала об утреннем происшествии. Почему-то именно эта картина еще больше убедила Наумова, что пришел час добровольной сдачи в плен. Он скатился с насыпи, встал и, потирая ушибленные локти, направился к путевой избушке. Когда пересек несколько пар полотна пути, у забора встретил хозяина. Тот пытался приладить на место сломанную дверцу.

— Добрый день, — поздоровался Иван.

— Привет, коль не шутишь. — Ответил тот. Был одет он в старый железнодорожный френч, такую же фуражку с треснутым посередине козырьком и еще более старые, потертые сапоги. Путеец отставил снятую с петель калитку и, надвинув фуражку на затылок, оглядел неожиданного гостя. — Не тебя ли, мил человек, тут сегодня ловили?

— Меня, батя, меня! — Не стал отпираться Иван, видя перед собой пожилого, уставшего от жизни человека.

— Так это из-за тебя ирода мне пол забора исковеркали?

— Ей богу! — Снова подтвердил тот.

Старый путеец внимательно, чуть прищутив глаза, осмотрел Ивана с ног до головы — словно рентгенографию произвел, затем достал из кармана помятую пачку папирос, протянул:

— Куришь?

— Не откажусь.

Прикурили.

— За что же гоняются за тобой парень? — Затягиваясь крепким табаком, спросил путеец. — На урку ты вроде не похож, да и на дезертира тоже не тянешь?

— Не знаю, батя! — Честно признался Наумов. — Не знаю. Просто не местный я, не из вашего времени. Голова кругом идет, когда все приключившиеся вспоминаю, поверить не могу.

Хотя старик явно и не понял, о чем говорит гость, глаза его заметно потеплели. Бросив окурочек на землю, он растоптал его жесткой подошвой сапога и произнес:

— Пойдем в дом, там и поговорим.

Путеец предложил гостю стул, а сам принялся разжигать примус. Когда тот разгорелся, поставил чайник и, повернувшись, спросил:

— Звать-то тебя как?

— Иван.

— А меня Иваном Васильевичем кличут. Тезки значит. — Старик вышел в сени. Наумов было напрягся, но потом вспомнив про свое решение, вытянул уставшие ноги и поудобней усевшись на стуле, прикрыл глаза.

Иван Васильевич вернулся спустя пять минут, держа в одной руке банку с солеными огурцами, а в другой, литровую бутылку с мутной жидкостью, очевидно — самогоном.

— Сейчас, — начал он с порога. Поставил нехитрый скарб на стол: — Сейчас малость подкрепимся. Вижу, что сил у тебя с гулькин нос осталось. Сейчас картошку достану, только с утра сварил.

Удивившись такой щедрости, Иван решил не таиться и задать вопрос прямо в лоб.

— С чего такая щедрость, хозяин?

Тот замер. Миска в его руках затряслась и, отварной картофель в мундирах чуть не рассыпался по полу. Потом, старик, успокоившись, поставил ее на стол и прохрипел:

— На сына ты моего похож, Алешеньку. Погиб он в июле сорок первого. Лейтенантом был...

— Извини, отец, — только и мог выдавить из себя обескураженный Наумов.

Когда они немного выпили и закусили, Иван Васильевич закурил, угостил собеседника, и начал рассказывать.

— Я этим перегоном еще до революции управлял. Всегда тихо да мирно было, тута ведь составы не особо шуровали, так, загонят один-два в отстой, да и только. Потом первая мировая началась, мне тогда тридцать пятый годок пошел, а жена возьми да народи сына мне. И это спустя десять лет как повенчались! Я конечно рад был, но тогда смекнул, что примета плохая. Бог парня подарил, значит не так все просто. Потом помню, в пятнадцатом году загнали эшелон с пушками, дня три стоял, потом пришел ко мне какой-то капитан, треснул по зубам...

— А за что по зубам-то? — Поинтересовался захмелевший Наумов.

— А черт знает ихних благородий? Не зашиб да и ладно. Треснул по зубам, да и давай орать, чего мол ты тут наш состав мурыжишь? Будто я начальник станции. Так ему и сказал. А он удивился, прощения попросил, извини говорит не признал в тебе обычного рабочего, больно мол мундир у тебя новый, а я тогда с премии его и пошил. Через сутки эшелон этот отбыл, а начальник мой, Сергей Игнатович, царствие ему небесное, вызвал к себе и говорит: тебе, мол, Василич, привет передал начальник эшелона капитан Богданов. Не знаю такого, говорю. А Игнатич улыбается и говорит, что это тот офицер который по зубам тебя мол треснул. Я же отвечаю, что меня много кто по морде оприходовал, а сам ведь помню. Не забыл. Тогда начальник протягивает мне часы серебряные и говорит: ты зла не помни, так капитан попросил, сказал, ежели на фронте умирать будет, то не хочет, чтобы зла на него держали, и на небесах зачтется ему. Я тогда почему-то сразу понял, что не жилец капитан на этом свете.

— Это почему же? — Удивился Наумов, поглощая очередную порцию самогона.

— Хоть и говорят, что бог шельму метит, но я, сколько живу — отчетливо вижу, что уходят лучшие люди. Так и тут получилось. И полгода не прошло — остановился на станции санитарный поезд. Три дня стоял. Крики, вонь — хоть святых выноси. Трупы каждый день не по одному сгружали. Попросили меня тогда сестрички воды принести, я право дело не отказался, взял ведра, пошел к колодцу. Воды набрал, в вагон поднялся. Смотрю, по всему вагону раненые лежат, бинты кровавые. Человек я бывалый, но тогда оторопь меня взяла. Стою, смотрю, ведра в руках. Вдруг слышу голос, слабый такой, сколько, мол времени сейчас. Я не сразу понял, что это ко мне обращаются. Стою как дурак с ведрами. Тут сестричка подскочила, ставь говорит ведра сюда. Я поставил, а сам глазами все ищу, кто время спрашивал. Руки освободились, я в карман — часы достать. Достал, крышку откинул, на стрелки посмотрел — половина двенадцатого была. Я так и говорю, мол, половина двенадцатого сейчас. И слышу голос, отвечает мне, спасибо говорит. Я тогда не понял,

вышел из вагона делами своими заниматься, кручусь тут, верчусь рядом с этим поездом санитарным. А потом, когда эшелону отходить время пришло, вынесли еще несколько трупов. Тогда Игнатич пришел, сказал, что надо их до кладбища довезти и похоронить похристиански. Денег выделили, на гробы и на отходную. Я с телегой пришел, грузить надо, а руки отнялись. Сил хватило только на то, что бы шинель поднять. Поднял, и руки затряслись. Капитан тот, что по морде хвастанул, да часиками одарил, лежал тогда передо мною. Ног нет, одни обрубки. И глаза одного тоже. Но я его узнал. Только тогда я понял, кто время в вагоне спрашивал. Хотел узнать сколько осталось. Я тогда до кладбища их доставил, попам денег дал, а сам не ушел. Капитана когда хороняли, я часики то ему вернул. А зачем они мне нужны были тогда? Только сейчас понял, что глупость сотворил. Офицер тот, меня и семью мою от беды схоронить хотел. Вот тогда крепко задумался, что жизнь наша стоит. Помню, пришел, сам не свой, жену, сына крепко обнял, поклялся, что никогда их до беды не доведу. Работал, словно проклятый, все думал сына поднять, образование дать. Затем революция случилась. Советскую власть не сразу принял — в то время ничего хорошего она мне не дала, но потом понял, что лучше жить при власти, чем при бардаке. И власть ко мне хорошо отнеслась: со службы не выкинули, паек назначили. С голоду помереть не дали. Сын рос, время шло. Он у меня точными науками увлекаться стал. Ходил с линейкой рельсы измерял, все прикидывал, почему есть разница зимой и летом. Потом школу кончил — уехал в Москву, на инженера учиться. Хорошо учился, грамоты мне возил. Не успел закончить, пригласили в танковое училище, препо...пре...

— Преподавателем, — подсказал Наумов.

— Да, я в этих названиях не силен, — Иван Васильевич пододвинул к гостю миску с картошкой. — Ты кушай, Ваня. Силы тебе еще потребуются.

— Спасибо, я уже сыт. Ты продолжай.

— А что тут дальше рассказывать? Дальше война началась. Хоть и не пускали командиры училищные сына на войну, он все равно поперек пошел — говорил, что нужнее будет на передовой. Опыта, говорил, нужно набираться в боях, а не в кабинетах. Отговаривали, отговаривали, да все без толку. Тогда дали ему под командование несколько новых танков, тэ-тридцать-четыре, говорят, ловко он ими командовал. Немчуру в хвост и в гриву бил. Да видимо не судьба. Под конец июля уже было, оставили его взвод на подступах к одной деревушке, через нее дорога главная шла, ожидали, что враг главные силы на Москву пошлет, да так и вышло. Сказали мне потом, что бились они крепко, дня два держали дорогу, да силы были не равные. Спалили все наши танки вместе с людьми, и костей пади не осталось.

Старик замолк, не в силах больше продолжать рассказ. Иван плеснул ему самогона, налил себе. Выпили, молча, не чокаясь.

— Ты зря батя горюешь раньше времени, — закурив, произнес Наумов. — Похоронку ведь не получал? — Тот не ответил. — Значит еще не все потеряно. Бывает такое на войне — видели, что угодила бомба в человека, списали его, а потом — раз, и он жив оказывается, раненый, где ни будь в госпитале без памяти был.

— Твои бы слова да богу в уши.

— Ничего, прорвемся. Устал я батя, определи на постой.

— А чего тут определять? — Махнул Василич. — Вон койка, ложись да спи. Мне все одно на пути надо.

Иван поблагодарил его и, улегшись на старую металлическую кровать, тут же заснул.

Глава 19

Проснулся Серов с сильнейшей головной болью. И было не очень понятно, отчего ломило виски больше. От выпитого накануне, или от груза проблем, что нависли над ним, словно “дамоклов меч”. Проблемы надо было срочно решать, но, как и какими силами — вопрос оставался открытым. Хоть накануне он и надеялся на Вампира, но сейчас это больше казалось абсурдным. Ну, внедрит его в НКВД под видом “сексота”, что это даст? Знаю нерасторопность подельника — ничего. Шиш с маслом, геморрой и все ту же головную боль, от которой он так мучительно хотел избавиться. Не подавать же объявление в газете о розыске. Тут не двадцать первый век и не буржуазный строй. Следовало пойти другим путем. Пока он размышлял, прикрывая от режущей боли в висках то один, то другой глаз, раздался телефонный звонок. Серов даже подскочил на диване от его резких и громких трелей. Поморщившись, поднялся, шатаясь, подошел к столику, где стоял телефонный аппарат и, подняв трубку, хрипло произнес:

— Серов, слушаю.

— Слушай внимательно и запоминай, — бесстрастный голос на том конце провода показался ему знакомым. — Пока ты расслаблялся в компании своего приятеля, искомый объект сам вышел на контакт. Все что от тебя требуется — поднять задницу с дивана и выехать на станцию Сетунь. Направление найдешь сам. Всего хорошего.

Серов еще минуты три стоял с трубкой, слушая гудки и соображая, затем аккуратно положил ее на рычаг, вытер рукавом со лба пот, и, что есть мочи заорал:

— Вампир!

На этот рев в комнату заглянула домработница Анна. Серов махнул на нее рукой, скривив зверскую гримасу. Та пожалала плечами и удалилась, прикрыв дверь.

— Вампир, мать твою...!

— Чего орешь? Тута я!

Подельник ввалился в комнату, опираясь на косяки.

— Иди в душ. Через полчаса мы выезжаем, — оценив его состояние, приказал Серов.

Пока тот приходил в себя, он отправился на кухню.

— Сделай нам яичницу, — попросил Серов, направляясь к буфету.

— Уже, — доставая тарелки, кивнула та. — Уезжаете?

— Да, срочная командировка.

— Надолго?

— Не знаю, — пожал плечами Серов. — На день, может на два. Ты, кстати, можешь пока отдохнуть.

— Я не устала.

— Сходи в кино, театр. — Он достал кошелек и, отсчитав несколько купюр, протянул домработнице. — Развейся, в общем. Или купи себе чего-нибудь.

Анна молча взяла предложенные деньги и спрятала в кармашке белоснежного фартука.

— Завтрак когда подавать?

— Сейчас.

Серов открыл буфет, достал пустой графин и бутылку коньяка. Откупорив, налил в графин грамм двести, затем подумал, и добавил еще сотню. Поставил полупустую бутылку

на место, посмотрел на часы и, выходя из кухни, сказал:

— Через полчаса вызови нам машину.

Машину трясло на ухабах, так, что к горлу подкатывал неприятный комок. Временами казалось, что еще чуть-чуть и, содержимое желудка вырвется наружу. Серова мутило, хотелось холодной воды, но, как назло, на пути пока не повстречалось ни одного колодца. Незачем было наедаться перед дорогой, а тем более — пить. Вампиру же, все было нипочем: он спокойно спал, развалившись на заднем сиденье и никакая тряска не нарушала его богатырского сна. Сволочь. “И зачем я с ним связался?” — в сотый раз подумал Серов, борясь с тошнотой. Попытался закурить, надеясь, что аромат табака перебьет неприятные ощущения, но вышло только хуже. После второй затяжки закашлялся, рвотные позывы усилились и, еле сдерживаясь, он приказал водителю:

— Стой, мать твою!

Распахнув дверцу, вывалился наружу. Упал на карачки и, принялся неудержимо блевать. Полегчало только через несколько минут, когда вывернутый наизнанку желудок был уже пуст. Обессиленный от рвотного приступа, Серов вытер губы платком и, забравшись обратно на переднее сиденье автомобиля, произнес:

— Поехали!

Водитель пожал плечами, соглашаясь и, включил первую передачу. Машина, переваливаясь на неровностях дороги, поползла дальше. Вампир по-прежнему дрых, а вскоре, сон сморил и Серова.

Снилось ему безоблачное детство, сладкие времена летних каникул, когда не надо было думать об уроках и, еще можно было мечтать о героических поступках. Снились друзья, давно забытые и потерянные, родной двор, стройка, что расположилась рядом за ветхим забором, куда каждый день они наведывались словно на работу с одной целью — собирать пустые гильзы от монтажного пистолета, чтобы потом, снарядив их спичечной серой, устраивать теракты дворового масштаба. Как это было давно. Где-то в другой жизни.

Серов проснулся, когда автомобиль резко остановился.

— Куда дальше, шеф?

— Где мы? — Прохрипел он. В горле полыхал пожар, к тому же, все окрестные кошки устроили во рту общественный кошачий туалет.

— К Сетуни подъехали, — доложил водитель. — Теперь тут две дороги: одна в сам поселок, вторая на станцию.

— Давай на станцию, — окончательно проснувшись, велел Серов. — Там где-то домик путевого обходчика есть. Нам — туда.

Свернули налево, дорога стала еще хуже. Но это уже не беспокоило. Мысли были заняты предстоящей встречей с неизвестным “объектом”. Что ему сказать? Как уговорить на сотрудничество? Силой не заставить — замкнется и, ни черта не узнаешь! Пока тряслись до станции, проснулся Вампир.

— Что, мы еще не на месте? — Протирая глаза, спросил он.

— Дольше бы спал, — посоветовал Серов.

— А-а! — Оглядевшись, протянул тот. — Значит, почти приехали!

За окошками авто начали мелькать серые коробки пакгаузов, ржавые корпуса вагонов, платформы с военной техникой: заехали на станцию.

— Дом обходчика, скорее всего, на выезде, в конце станционных путей, — подсказал он. — Ты остановись метров за двести, мы пешком прогуляемся.

— Правильно! — Поддакнул Вампир. — Незачем клиента раньше времени нервировать.

— Заткнись уже, — посоветовал Серов. — Много базаришь. И вообще, когда встретимся с клиентом, молчи в тряпку!

— Как скажете! — Демонстративно обиделся тот.

Оставив авто, они пошли к домику обходчика. Ноги, обутые в дорогие туфли, скользили по траве, приходилось поддерживать друг друга, чтобы не растянуться между путей.

— Лучше по шпалам идти, — посоветовал Вампир. — По щебню в “лодочках” хоть и жестко, но зато носы не порасшибем.

— И то верно, — согласился Серов.

Они свернули на железнодорожную колею. Идти стало удобней, но сквозь тонкую подошву чувствовался каждый камешек. Метров через триста пути, показалось искомое строение. Серов остановился и, повернувшись к напарнику, произнес:

— Теперь, твое дело — молчать! Говорить буду я, а ты — сделай морду попроще! А еще лучше, останься на крыльце и следи за ситуацией. Клиент явно не прост.

— Да понял я все!

— Что ты понял? В обморок хоть опять не брякнись!

— Хватит меня учить, Серый! — Обиделся тот. — В той ситуации любой бы в портки наклал. То-то ты потом коньяк литрами жрал?

— Ладно, угомонись, — посоветовал Серов. — Подходим уже.

Дверь избушки оказалась не заперта.

Как и уговаривались, Вампир остался на крыльце сторожить, а он тихо прошел в сени и никого не встретив, приоткрыл дверь в комнату. Тишина. Только настенные часы тикали где-то в глубине дома, отсчитывая неумолимое время. Осторожно пройдя дальше, увидел человека лежащего на кровати с головой укрытого одеялом. Почему-то он сразу понял, что это и есть тот самый “клиент”.

— Эй! — Стоя в нескольких метрах, позвал Серов. Ближе приблизиться побоялся. Человек продолжал спать, никак не отреагировав на обращение.

— Эй, проснись! — Еще два шага вперед, тот не двигался. Серов осмелев, подошел к кровати и, сдернув одеяло, обнаружил, что под ним никого нет — только свернутый пополам матрац. Застыв в недоумении с одеялом в руках, неожиданно почувствовал, как что-то уперлось под лопатку и кто-то тихо, в самое ухо, произнес:

— Пошевелишься — пристрелю.

Замер, повинуюсь.

— Одеяло брось, — посоветовал незнакомец.

Серов исполнил и этот приказ, инстинктивно подняв руки. Затем его быстро обыскали, проверив на наличие оружие, и уже другой голос, принадлежащий пожилому мужчине, произнес:

— Чисто, только зажигалка в левом кармане пиджака.

— Достань, — попросил второй. — От них всего можно ожидать.

“От них?” — Удивился Серов. — “Неужели и про Вампира знают?”

Чья-то рука залезла в карман и извлекла зажигалку.

— Позолоченная, поди, еще дореволюционной работы! — Щелкнула крышка, хрустнул кремь. — Работает!

Серов почувствовал слабый запах бензина и почему-то успокоился, опустив руки.

— Еще от моего деда осталась, — все же не рискнув обернуться, пояснил он. — Вещь!

Предмет, упертый в спину пропал, чьи-то крепкие руки взяли за плечи и развернули на сто восемьдесят градусов. Перед ним стояли двое: старик в железнодорожной форме — видимо хозяин дома, и молодой парень, одетый в потертое галифе, такую же гимнастерку на голое тело и обутый в стоптанные ботинки. Взглянув ему в глаза, Серов сразу понял, что перед ним искомый “клиент”. Оба были не вооружены.

— Я ведь по делу пришел. — Сразу начал он. — Меня прислали те, кто знает, откуда ты появился. — Повернувшись к Ивану, задрал левый рукав и постучал по стеклу наручных часов. Для нас это не секрет.

— Это, по-моему, уже для многих не секрет! — Ухмыльнулся Наумов. — Что в гестапо, что в НКВД, особо не удивлялись моим рассказам!

— Вот как?

— А ты кто такой будешь?

— Могу сказать одно, — замялся Серов. — Я — скорее друг, чем враг. Не хотел бы обсуждать это в присутствии посторонних...

— У меня от Ивана Васильевича секретов нет!

— У нас — есть! — Возразил тот. — Давайте проедем ко мне домой, там и поговорим. Как вас, кстати зовут?

— Иван.

— Простите, Иван за внезапное вторжение, — Серов был сама деликатность. — Но, никто кроме компании, чьи интересы я представляю, не может гарантировать вам в этом времени достойной защиты и понимания.

— Я вас понял... — глядя в глаза, произнес Наумов. — Как вас по имени?

— Алексей.

— Послушайте, Алексей! — Иван устало уселся на заскрипевшую под его весом старую кровать. — Я уже устал шарахаться от всякой тени, временами кажется, будто сошел с ума, но вам я — верю! Для этого есть много причин, но нет сил и желания сейчас о них рассказывать.

— Вот и славненько! — Выдохнул Серов, радуясь, что особых проблем с “клиентом” не возникло. Тогда и от Вампира толку не на грош! Кстати, где его черти носят? — Неподалеку ожидает авто, так что до столицы быстро доберемся. А там — милости просим! Будет время все обсудить.

— Хорошо, — согласился тот. — Едем!

Поднявшись, он подошел к обходчику, обнял.

— Спасибо тебе батя за все! Не поминай лихом!

— Будь здоров! — Ответил тот и, обратившись к Серову, произнес: — Заберите своего олуха из сарая. Партизан из него никакой!

Серов и не сомневался.

Глава 20

В город приехали поздним вечером.

Поднялись в квартиру, где Серов сразу предложил гостю принять ванну и переодеться. Благо, комплекцией были схожи, и проблем с этим не возникло. Пока Иван принимал ванну, наслаждаясь, смывая с себя многодневную грязь, распорядился насчет ужина. Анны была на выходном, но все можно было заказать из ресторана, что располагался на первом этаже дома. Дорого, но ради такого дела можно было и потратиться. Все складывалось удачно, и уже завтра к обеду, доклад о первых результатах реанимирует его деловые качества в глазах

боссов.

Серов медленно потягивал коньяк, курил любимые сигары и наслаждался жизнью.

Минут через двадцать, из ванной, закутанный в безразмерный махровый халат, вышел Иван. Выглядел он бодрячком, но Серов сразу заметил, что взгляд его был настороженный. Оглядев комнату, словно выбирая путь к отступлению, уселся в кресло напротив и, взяв предложенный бокал с коньяком, произнес:

— Ваше здоровье!

Серов, кивнув, пригубил свой бокал. “С чего бы начать разговор”, - думал он, разглядывая Ивана. — “Парень ведь, совсем не прост, хоть и дурачком прикидывается. Но, это вполне нормальная реакция для подобных случаев, почти как в учебнике”.

Впрочем, все разрешилось само собой, и задавать глупых вопросов гостю, Серову не пришлось. Тот первым задал вопрос:

— То, что я не из этого времени, вы знаете, — начал Иван. — Меня удивляет другое — почему?

— Почему, что?

— Почему для вас это не новость? Почему вы ведете себя как дома, хотя я догадываюсь, что и вы не из этого времени!

Серов на минуту задумался, вопрос повис в воздухе, рука с бокалом замерла.

— Вы знаете, Иван, — начал он. — Это не так просто объяснить...

— Попробуйте...

— Во-первых, с чего вы решили, что я из другого времени? — Он пригубил из бокала, посмотрев исподлобья и, поставив его на стол, продолжил. — Во-вторых, вы уверены в том, что говорите?

— Вполне, — вскинулся тот, но в глазах промелькнуло замешательство. — Вы же сами это сказали.

— Вот как? — Удивился Серов. — Когда?

— При нашей первой встрече...

Тот промолчал, изобразив изумление.

— А ведь я мог вас застрелить!

— Это из чего же интересно, из пальца?

— Бросьте юродствовать, и так тошно!

Наумов взял бокал и одним глотком опустошив, вернул на стол. Недобро зыркнул.

— Не обижайтесь Иван, — вновь наполняя бокалы, произнес Серов. — Я просто пошутил. Если хотите, то признаюсь честно, проверял вас...

— Зачем?

— Время такое...

Повисла минутная пауза, пока смотрели друг другу в глаза.

— Проверили?

— Да!

— И как?

— Все в порядке!

— Ну, тогда выпьем!

Чокнулись. Звонко брякнули бокалы.

— Ну...

— Нет! Ну, не могу я так больше! — Серов неожиданно рассмеялся, чуть не выронив

бокал из рук. — Хватит уже надо мной издеваться! Сколько можно? Я, в конце концов — человек!

Наумов замер в ступоре, наблюдая это неожиданное проявление чувств.

— Хватит! — Повторил тот. — Пора хотя бы перейти на “ты”.

Он подмигнул, и в этот момент стал похож на толстого, хитрого котяру из сказки.

— Как скажешь, — подыграл Иван.

— Заметано!

— Но, теперь все-таки объясни, кто ты есть на самом деле и зачем тебе нужен я?

— Всеу свое время, — отставляя бокал, произнес Серов. — Всеу свое время...

Он поднялся с кресла и, направившись к одной из комнат огромной квартиры, скрылся за дверью. Иван настороженно проследил за ним взглядом, приготовившись к любой неожиданности. Впрочем, спустя минуту, тот вернулся без всяких сюрпризов. В руках — ворох бумаг.

— Сможешь понять, что это? — Усаживаясь обратно и протягивая листки, поинтересовался Серов.

— Не знаю, но попробую, — пожал плечами Иван.

Приняв бумаги, он откинулся на спинку кресла и принялся изучать их содержимое. Серов следил за процессом, потягивая коньяк.

Это были какие-то чертежи и схемы, некоторые из них оказались знакомы Ивану еще со времен военного училища.

— Я конечно не радиоинженер, — закончив рассматривать чертежи, произнес он. — Но бьюсь об заклад, что это схемы радиостанции. И судя по подписям — английские или американские.

— Ты прав, — улыбнулся Серов. — Но я бы хотел услышать больше — что в них необычного?

Наумов еще раз взглянул на схемы.

— Ничего, — сказал он.

— Разве?

— Разве только то, что они не из этой эпохи. Микросхемы придумали гораздо позже!

— Bravo, Иван! — Воскликнул Серов. — Ты прав! Вот это то и есть частичный ответ на твой вопрос. Ты хотел узнать кто я? — Он поднялся с кресла и, стало видно, что уже изрядно захмелел. — Я тот, кто помогает нашей великой родине справиться с фашистской напастью.

Стоило признать, что в минуты вдохновения он становился замечательным оратором. Вот и сейчас, заложив руки за спину, принялся ходить туда — обратно, изливая красноречивые потоки сознания. У Ивана даже голова закружилась от его мелькания, хотя, это могло быть и влиянием выпитого.

— Все вместе, мы те — кому не наплевать на муки страны, мы те — кто готовы поддержать ее в трудную минуту! Рискуя своими жизнями, куем оборону...

— Подожди! — Приостановил его Наумов. — Это обычные лозунги! Ты лучше объясни, откуда у тебя чертежи современной аппаратуры? И для чего?

Серов замер посреди комнаты, уставившись на него.

— А ты так и не понял?

— Понял, не дурак. Знаю, что и ты из будущего. Но, как попал сюда, и что собираешься делать с этой макулатурой... — он кивнул на чертежи, лежащие перед ним на столе. —

Понять не могу.

— Что тебя смущает?

— Схемы есть — технологий нет. Как ты думаешь построить прибор без нужных деталей?

— Как и раньше полупроводниковые, — буркнул тот, отчего-то смутившись.

Иван не придал значения этим словам. Взял из коробки папиросу, закурил.

— Не пойму все же, зачем я то нужен тебе?

— Завтра все узнаешь, — пообещал Серов.

— Тогда, спокойной ночи! Устал, а завтра с твоих слов день обещает быть напряженным.

— Как знаешь, — не стал задерживать тот. — В кабинете тебе уже постелено. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

В двенадцать, как и договорились, встретились под Каменным мостом. Вампир подошел, укутанный в серый плащ, ежась от пронизывающего ветра.

— Чего так долго? — Оглядевшись, проворчал он. — Я уже продрог до костей.

Серов взглянул на наручные часы.

— Не трынди — ровно двенадцать.

— Ладно, — примирительно произнес тот. — Принес, что я заказывал?

Серов достал из внутреннего кармана небольшую фляжку из нержавеющей стали и протянул собеседнику.

— Надеюсь, что и ты выполнил мою просьбу.

— Как в аптеке, — откручивая пробку, ухмыльнулся тот. — Все чин-чинарем.

Проследил клиента.

— И что?

Рука с флягой замерла на полдороги ко рту:

— На другую контору работает, — пояснил он. — На какую именно, пока сказать трудно. Может работать под крышей НКВД, но, точно выясню чуть позже.

Одним глотком опустошив содержимое фляги, протянул ее обратно.

— Ладно, бывай! — Махнул уже было Серов, прощаясь, но Вампир схватил его за рукав, задерживая. — Чего еще?

— Денег мне еще надо на расходы. На одном трамвае почти червонец прокатал.

Серов достал портмоне, отсчитал несколько купюр.

— Смотри не забухай, — предупредил он.

— Обижаешь...

На том и расстались.

Теперь, спустя время, и будучи предупрежден сверху, он смог беспристрастно проанализировать все, что происходило в его квартире. И чем дальше думал, тем тверже убеждался в правоте информаторов.

Домой он вернулся в расстроенных чувствах. Как же так? Доверил человеку почти все свои секреты, а он оказался предателем. И что теперь делать? Не в землю же закапывать. Хотя этот вариант тоже рассматривался, как самый крайний. И как он раньше не смог распознать измену? Наверное, всему виной чувства, что испытывал к нему. Они застилают глаза, притупляют бдительность. Недаром, при приеме на работу, его сразу предупреждали об опасности тесных отношений с местными женщинами. Но, теперь поздно пить боржоми,

надо как-то выкручиваться. И он решил начать с самого простого.

— Анна!

Никто не отозвался.

— Анна! — Крикнул еще раз, и снова — никого. Тогда он поднялся с кресла и проследовал по темному коридору в самую дальнюю часть квартиры, где находилась небольшая комнатка домработницы. Взялся за ручку, потянул — дверь была заперта. Странно. Обычно, по будням та всегда ночевала в этой комнате, что бы с утра не ехать на работу через всю Москву. Проживала она, где-то на окраине и уезжала домой только по выходным, или когда Серов отбывал в командировку. Прислушавшись к звукам за дверью, ничего не услышал. Еще раз дернул за ручку для проверки и, развернувшись, побрел обратно, решив отложить разговор до утра, когда Анна появится на работе.

Неожиданно, проходя мимо кабинета, где должен был спать Иван, остановился, когда его посетила очередная тревожная мысль — а, что если и его нет? Сердце пустилось в бешеную пляску. Серов взялся за вычурную бронзовую ручку и тихо повернул. Хорошо смазанный механизм бесшумно открылся, и он заглянул в комнату. Его опасения не подтвердились, тот, в отличие от домработницы был на месте: в темноте Серов различил фигуру, прикрытую белоснежной простыней, лежащую на большом кожаном диване. “Нет, хватит, — подумал он, возвращаясь в гостиную. — На сегодня достаточно событий”.

Допив прямо из бутылки остатки коньяка, он лег на кушетку и попытался заснуть, но, хоровод мыслей отгонял сон.

— Завтра, все завтра, — ворочаясь с боку на бок, приговаривал он. — Утро, вечера — мудренее...

Заснул только под утро.

Глава 21

Разбудил его Иван.

— Кофе будешь? — Улыбаясь, спросил он.

— Что?

— Я кофе сварил...

— А где Анна?

— Не знаю, — признался тот.

— Который час?

— Десять почти.

— Уф! — Выдохнул Серов, прикрыв лицо ладонями. В голове всплыла картина вчерашнего вечера, мысли, переживания.

— Кофе-то вкусный? — Приняв сидячее положение, спросил он.

— Обычный, — пожал плечами Иван. — У тебя на кухне нашел. Но, по сравнению с той гадостью, что у нас в магазинах продавали — просто божественный нектар.

— Согласен.

Иван протянул ему чашку с напитком и хрустальную сахарницу:

— Сахар сам клади.

— Я так, без всего.

После крепкого кофе в голове немного прояснилось. Мысли потекли плавней.

— Я сейчас вызову авто и мы поедем к боссам, — произнеся это, взглянул на собеседника, ожидая его реакции. Но тот только плечами пожал, вроде согласия. — Они тебя давно ждут.

— Я готов.

— А я, пока нет, — признался он. — Пойду, душ приму.

Стоя под лейкой, сначала открыл вентиль холодной воды, стоически приняв холодный душ. Взбодрило. Затем довел температуру до “нормально теплой”, и присев на дно ванной, задумался. Вроде бы все складывалось хорошо, по плану, но, пропажа домработницы “выбила из колеи”. Он отчетливо понимал, что находится “под колпаком” у одной из спецслужб. Но, кто взял в разработку: НКВД, СМЕРШ, или кто-то из конкурентов? Это срочно нужно было выяснить, не скрывая от начальства данного факта: лучше потерять “бонусы”, чем голову. Бонусы всегда можно заработать, а вот голову не вернешь. Слишком часто он стал рисковать, ой слишком. Внутреннее чутье подсказывало, что пора завязывать с этими делами. Пока не поздно.

В очередной раз, дав клятву, вернуться к спокойной жизни, Серов закрутил вентили и вылез из ванны. Повернулся к зеркалу, провел по нему ладонью, вытирая испарину и, уставился на свое отражение. Опухшая физиономия с красными глазами, смотрящая с отражения, ему совсем не понравилась. Открыв аптечку, расположенную тут же по правую сторону от зеркала, нашел бутылочку с мочегонным, отсыпал две таблетки и, закинув их в рот, запил водой из-под крана. Затем, причесался, накинул халат и направился в гостиную.

Ивана застал за чтением газеты.

— Вот ведь, интересная вещь, — оторвавшись от чтения, произнес тот. — В тысяча девятьсот тридцать девятом году, сумма коллективного хозяйства составляла всего сорок

пять процентов.

— Ты к чему это?

— Не понимаю я просто. Нас со школы учили, что в Советском Союзе правили бал колхозы и совхозы, а тут...

— Что тебя смущает? — Серов плеснул в чашку остывший кофе.

— То, что написано в этой газете.

— Выбрось ее в урну и не забивай голову. — Посоветовал он. — Все равно правды не вернешь. Зачем расстраивать свою нервную систему, ради сомнительных статей?

— Может ты и прав, — пожал плечами Иван, скомкав газету. — Меньше знаешь — крепче нервы.

Он скомкал газету и, запустил ее в дальний угол комнаты. Серов проводил ее полет взглядом и назидательно произнес:

— А вот мусорить не стоит.

— Виноват, исправлюсь, — пообещал тот, оставаясь сидеть в кресле. — Настроение только испортилось. Не понимаю ничего.

— Да и не стоит. Пока.

Серов подошел к комоду, где стоял черный, вызывающий уважение телефонный аппарат, выполненный, казалось из мрамора. Поднял трубку и, выждав некоторое время, произнес, закрыв глаза.

— Девушка, соедините меня с абонентом пять — ноль — два.

Иван проследил за его манипуляциями, но, поняв, что тот собирался только позвонить некому абоненту, махнул рукой и, взяв со столика еще один из выпусков газеты, сделал вид, что углубился в чтение, одним глазом поглядывая на Серова.

— Доброе утро, Викентий Палыч! — Произнес тот, видимо дождавшись ответа с той стороны провода. — Да, звоню сообщить, что нам просто необходимо срочно встретиться с руководством... Да, этот человек у меня, — Серов посмотрел на Ивана, но, тот сделал вид, что не заметил этого, укрывшись за газетными листами. — В целости и сохранности... Когда? Завтра вечером? Во сколько? Хорошо! — Он с явным облегчением положил трубку на рычаг, словно избавившись от непосильной ноши.

— Вот и ладушки! — Почти упал в соседнее кресло Серов. — У нас еще есть время до завтрашнего вечера.

— Время для чего? — Спросил Наумов, откладывая надоевшую газету.

— Дела сделать. — Задумчиво пожал плечами тот. — Отдохнуть, поговорить. Я ведь о тебе, в общем-то, ничего и не знаю. Все как-то быстро вышло, наскоком.

— Да, уж! — Ухмыльнулся Иван. — Хорош был у вас наскок!

— Брось! — Отмахнулся собеседник. — Работать просто разучились. Трудно найти толковых помощников.

Вздыхнув, Серов поднялся и направился на кухню, откуда вскоре послышался звон посуды и его голос:

— Раз уж сегодня нам выпал выходной, предлагаю провести его как следует!

— Это как же?

— Будем пить и есть!

— А как же дела? — Напомнил Иван.

— Дела подождут! — Откликнулся хозяин. — Завтра, все завтра!

— Гулять, так гулять!

Серов появился в дверном проеме с подносом в руках.

— Ни кто не знает, что преподнесет завтрашний день. — Изрек он. — Может это будет последний день в нашей никчемной жизни. Ты пока угощайся...

Он поставил поднос на столик. Звякнули рюмки, запахло свежее нарезанным лимоном и сырокопченой колбасой.

— Давай с тобой сейчас по сто грамм, и я отлучусь...

— Зачем? — Не сколько из опаски, сколько из любопытства спросил Наумов.

— Ты меня удивляешь, — развел руками Серов. — Нам с тобой до завтра жить. Буфет пустой, а домработница сбежала. Не тебе ведь до магазина бежать?

Спорить было бессмысленно.

— Давай угощайся, я мигом!

Когда хозяин квартиры отправился в магазин, прихватив с собой портфель из красной кожи, Иван, чтобы не скучать, решил осмотреть гостиную более детально. Он не преследовал никакой конкретной цели, действуя по наитию и только из любопытства. Дураку ясно было, что хозяин вряд ли оставлял на виду что-то не предназначенное для чужих глаз, но попробовать все же стоило. Первым делом осмотрел большой книжный шкаф, словно древний монумент, возвышавшийся в дальнем углу. Шкаф как шкаф — ничего не обычного. Полное собрание сочинений вождей пролетариата: товарища Ленина и товарища Сталина. Вполне обычный набор для советского функционера, пусть родом и из будущего. Наумов взял с полки первый попавшийся том и бегло пролистал. Ничего, только заметил отсутствие пыли, что обычно не свойственно подобным книжным полкам, но не удивительно при наличии исполнительной домработницы. Затем заглянул в выдвижные ящики. Но, и там — ничего кроме обычной бытовой мелочевки: старые перьевые ручки, сломанные карандаши, скрепки, и прочий мелкий мусор. На нижней полке — только пачка старых газет, здесь пыли тоже не было. Оставив в покое шкаф, Иван изучил содержимое серванта. Ничего подозрительного.

Еще немного покружив по гостиной, вышел в прихожую и ноги сами понесли в сторону комнаты домработницы Анны. Подойдя к двери, подергал за ручку — заперто. Зачем-то приложил ухо к дверной панели, прислушавшись. В комнате было тихо. Ни звука. Чтобы полностью завершить свои шпионские изыскания, Иван напоследок посетил кухню, понимая, что не найдет ничего стоящего внимания: чистая посуда на полках, банки с крупами и баночки со специями; столовые приборы из серебра, пара пустых и чистых хрустальных пепельниц. И аккуратная стопка из свежевыглаженных скатертей и полотенец, лежащих на стуле. Рядом, на подоконнике — старый утюг. Чугунный. Очень тяжелый на вид. Из тех, что перед глажкой нагревали на печке или газовой плите. Перед исчезновением Анна явно позаботилась о хозяине — чтобы тот не остался без чистого кухонного белья. Поразительная ответственность. И это, судя по осмотру, было единственным поразительным моментом в квартире Серова.

Побродив еще немного, Наумов вернулся в гостиную. Плеснул немного коньяка в бокал и выпил, закусив долькой лимона.

“Интересно, зачем я им понадобился?” — Жуя лимон, размышлял он. — “Вряд ли видят во мне пользу, скорее — хотят проверить, кто я, и откуда появился”.

Подобные размышления приводили к не совсем утешительным выводам. Иван налил еще порцию алкоголя, выпил и взяв со стола первую попавшуюся газету, углубился в чтение.

Между тем, Серов, выйдя из парадной, отправился не напрямую в универмаг, что

располагался неподалеку, а направился в сторону Каменного моста. Тут, как и накануне его ждал Вампир.

— Долго мне еще в подполье сидеть? — С ходу начал он. — Обрыдло уже!

— Сколько надо, столько и будешь! — Зашипел на него Серов. — Успокойся! Хозяин назначил встречу на завтрашний вечер. Ты не гунди, а давай сюда документы!

Тот вынул из-за пазухи пухлый конверт формата “а-четыре” и протянул Серову.

— Это все, что успел накопать, — пояснил он.

— Ладно, разберемся...

Сунул конверт в портфель.

— Денег-то надо?

— Конечно! — Оскалился Вампир. — Деньги всегда нужны.

— Кто бы сомневался, — проворчал Алексей, доставая портмоне из кармана пальто. — Много не дам — сам на мели. — Он отсчитал несколько купюр. — Тебе хватит, а на днях “маякну” об окончании дела.

Тот взял деньги и резво спрятал.

— Сговорились! Ну, я пошел?

— Иди.

Глава 22

— Вот ты мне Ваня честно скажи — зачем ты здесь? — Спустя три часа вопрошал в зюзю пьяный Серов. — Как ты сюда попал?

— Если бы я и сам знал, — вздыхал тот, подливая хозяину коньяка. — Ей богу, для меня это загадка! Помню блокпост, помню нападение “чехов”, а потом — ничего!

— А кто такие “чехи”? — Глядя одним глазом, спросил он.

— Чеченцы.

— А! Понял. Хороший ты парень Ваня, но убей не пойму, зачем тебя нелегкая принесла! “Вот заладил, — подумал Наумов. — Быстрее бы вырубился”.

Но, словно назло, тот и не думал впадать в алкогольное забытие. Достигнув определенного уровня опьянения, продолжал пить, как ни в чем не бывало. Это не входило в планы Ивана. Нужен был другой вариант.

— Слушай Алексей, а у тебя шампанское есть или пиво?

— Да вроде было где-то шампанское, — пожал плечами тот. — А зачем тебе этот лимонад?

— Надоел твой коньяк, хочется чего-нибудь для разнообразия.

— А ведь ты прав! — Неожиданно вдохновился этой мыслью Серов. — Пивко, да с рыбкой — это идея! Один момент.

Он поднялся с кресла и, пошатываясь, направился к телефонному аппарату.

— Добрый вечер! Это Серов из тридцать седьмой. Я бы хотел попросить об одном одолжении... Каком? Да сущий пустяк! Если не трудно, будьте любезны подняться ко мне. Хорошо! Жду! — Он положил трубку на рычаг. — Ну, вот и все, — потирая руки, вернулся к столу. — Сейчас все будет. А то и впрямь — коньяк да коньяк! А нет, что бы так, по-старому, по-простому: пива, рыбы вяленой, да за разговор по душам. Эх, забыл я уже про это! Спасибо тебе, Ваня!

— За что? — Искренне удивился тот.

— За то, что напомнил, что и другая жизнь существует на свете...

Из прихожей раздался звонок.

— Сиди, я открою, — быстро поднялся Иван, опередив хозяина. Тот только одобрительно махнул рукой — иди, открывай.

Распахнув входную дверь, Наумов увидел перед собой мужчину неопределенного возраста: ему можно было дать, как тридцать пять, так и сорок пять лет — настолько блекло и не выразительно было его лицо. И одет был под стать — в темные брюки, заправленные в начищенные сапоги, белую рубашку и мышинного цвета пиджак. Даже глаза у него были серые и блеклые — такого хоть пять раз подряд встретишь, а все равно не сможешь потом описать. Это как две стены сравнивать: обе красные и обе из кирпича.

— Звали? — Спросил субъект.

— Хозяин там, — пропуская гостя, кивнул в сторону гостиной Иван.

Консьерж, или как там его, прошел в комнату, внимательно оглядывая все по сторонам и, Наумов сразу понял, что Серов находится под крепким колпаком спецслужб. Ни сколько бы не удивился, найдя в кармане гостя корочки НКВД на имя капитана, например Иванова. Дом-то все-таки, подведомственный.

Между тем из гостиной послышался короткий диалог хозяина и гостя. Затем субъект покинул квартиру, кинув Ивану мимоходом:

— Не закрывайтесь, я быстро!

Вернулся он спустя минут двадцать — двадцать пять, таща в руке пухлый и, видимо не совсем легкий портфель. В его недрах глухо позвякивали бутылки. Подойдя, поставил тяжелую ношу на пол, раскрыл и, на столе, одна за другой, появилась батарея из бутылок с пивом. Штук двенадцать — не меньше. Следом — промасленный сверток из плотной упаковочной бумаги, источавший такой аромат копченой рыбы, что у Ивана, будто у подопытной собаки Павлова тут же ручьем потекли слюни.

— Спасибо, милейший! — Поблагодарил курьера Серов. — Сдачу оставь себе.

Тот поднял с пола портфель и молча удалился.

— Ну, что? Начнем? — Потирая ладони в предвкушении, предложил хозяин и, взялся разворачивать благоухающий сверток.

В пакете находился большой кусок белой рыбы холодного копчения. Серов внимательно оглядел его со всех сторон, а затем, спросил:

— Ты разбираешься в этом?

— Не очень. Карася от окуня в целом виде отличу, а тут нет.

— И я, тоже. Но, это и не важно. Аромат от нее — просто сногсшибательный. Я сейчас слюной подавлюсь.

Столовым ножом вскрыли несколько бутылок с пивом, им же порезали рыбу и, принялись наслаждаться деликатесом.

Когда первый аппетит был удовлетворен, Серов вытер запачканные рыбьим жиром руки, взял из коробки сигару и с удовольствием раскурил. Затем плеснул в чистый бокал грамм сто коньяка.

— Ну, не могу я без него “Гавану” курить! — Заметив взгляд Наумова, начал оправдываться он. — Привычка!

Тот пожал плечами — мне, мол, все равно, и продолжил потягивать пиво из бутылки, наблюдая, как стремительно пьянеет визави. Еще немного — и вырубится. Тогда можно будет беспрепятственно изучить содержимое его портфеля. Может быть, там найдутся ответы на некоторые вопросы: не зря ведь Серов везде таскался с этим портфелем, почти никогда не выпуская из рук. И даже дома, всегда держал его рядом, а на ночь забирал к себе

в спальню. Может и под подушку подкладывал — черт его знает. Как будто не существовало такой вещи, как сейф. Так, что — изучить содержимое можно было только в двух случаях: либо прибить хозяина, либо — напоить до беспамятства. Второй вариант был самым простым. Именно его и воплощал в жизнь Иван.

Ближе к полуночи Серов вырубился — уснул прямо в кресле. Выждав некоторое время, Иван потряс его за плечо, что бы убедиться, что не проснется в самый не подходящий момент. Но, тот крепко спал и никак не реагировал на внешние раздражители.

Наумов подошел к шкафу и извлек заветный портфель. Раскрыл его и начал изучать содержимое. Первым был пухлый конверт, совершенно чистый — без надписей и штампов, и, к большому сожалению — плотно заклеенный. На второе — пачка каких то чертежей и схем. После беглого просмотра он узнал в них схемы радиостанций, показанные Серовым накануне. Пока ничего конкретного. А вот третья вещь показалась странной — небольшая книжка под названием “Атомное оружие и противоатомная защита”, 1959 года издания. Давно, в прошлой жизни, будучи курсантом, уже держал в руках подобное издание и даже сдавал по нему зачет. Но зачем она Серову здесь и сейчас, когда ядерное оружие еще в стадии разработки и строго засекречено? Что он задумал? Вариантов было не много: либо ознакомить с ней руководство нашей страны и таким образом попытаться дать фору, сыграв на опережение, либо выгодно толкнуть ее конкурентам — американцам, или того хуже — немцам. Кто больше заплатит. Как об это узнать? Возможно, некий свет пролили бы документы из безымянного конверта, что лежит сейчас на столе, но он закрыт и вскрыть его — значит выдать свои намерения. Погреть над паром, как делали это в старом фильме про шпионов? Тоже не вариант — в любом деле нужна сноровка. Думай, голова!

В этот момент, позади раздался шорох, Иван аж подскочил на месте, обернувшись. К счастью тревога была ложной: спящий в кресле Серов просто перевалился на бок и продолжал дрыхнуть. Все же решив не рисковать, Наумов аккуратно сложил все обратно в портфель и убрал его на место. Затем, вернулся к столу, нацедил в бокал коньяка и принялся размышлять, что делать дальше.

Оставалось только одно — ждать. Ждать пока Серов сам не вскрыет конверт. Только тогда улучив момент, возможно, получится прочитать его содержимое. Но настанет ли этот момент? И как скоро?

А, может, нет смысла ждать? Взять и сейчас вскрыть пакет, наплевав на все. Что сделает с ним этот сноб Серов? Пристрелит? Сдаст на опыты своим боссам? Так или иначе — будущее все равно виделось слишком туманным. Поколебавшись еще немного, взвесив все за и против, Иван поднялся с кресла и, полный решимости направился к шкафу, где лежал портфель с документами.

Подойдя и раскрыв створки старого, монументального шкафа, словно удав на жертву, уставился на портфель. Он все еще сомневался в правильности своего поступка. Но, тут же окинул остатки сомнений, и протянув руку, взялся за его ручку.

— Ты чего там потерял?

Иван вздрогнул, и выпустил портфель из руки. Тот глухо стукнул об днище шкафа.

— Ничего, — попытался оправдаться Наумов. — Скучно стало, решил поискать, может есть чего почитать.

— А-а! — отмахнулся Серов. — Выдумаешь тоже!

Произнеся это, он с трудом поднялся со своего кресла и, пошатываясь, удалился в сторону прихожей.

Иван вытер пот со лба, прикрыл дверцы шкафа и на подгибающихся ногах вернулся к столу. Руки предательски дрожали.

— Наливай, я мигом!

Спустя минуту, послышался звук спускаемой воды, дверной стук и в комнату вернулся Серов. Прищурился одним глазом, посмотрел на часы на стене, икнул и, упав в кресло, жестом показал — наливай.

Иван наполнил бокалы, ожидая, что вскоре хозяин вновь вырубится, и он сможет продолжить начатое. Выпили.

Спустя пару минут — еще по одной, но вопреки ожиданиям, Серов и не думал вырубаться. Он словно минералку пил — с каждым бокалом становясь трезвее.

Наумов же наоборот — почувствовал что “поплыл”, и после четвертого бокала его неудержимо потянуло в сон.

Серов еще толкал какие-то речи, за которые они снова и снова пили. Потом пели песни, курили одну сигару на двоих, обнимаясь, словно родные братья. Потом...

Потом наступило забытьё...

Глава 23

Проснувшись утром, Наумов обнаружил, что находится в гостиной один. Соседнее кресло, где ночью спал Серов, пустовало. Кабинет тоже был пуст. Верхней одежды на вешалке в прихожей не было — хозяин покинул квартиру.

Иван побродил по квартире, еще раз убедившись, что он совсем один и, не особо надеясь на удачу, заглянул в шкаф, в котором накануне, Серов оставил свой портфель. Кроме пары костюмов и туфель, ничего в нем не обнаружил.

“Еще бы! — подумал он. — Раскатал губу”.

Серов практически спал с этим портфелем, не выпуская из рук. Вчерашний вечер был этому исключением. Хозяин квартиры явно знал, что деться Ивану не куда и мог этим пренебречь. Но, чтобы проверить эту догадку, все же вышел в прихожую и подергал за ручку входной двери.

Заперто.

Ключи искать было бессмысленно. Еще бессмысленней было бродить по комнатам, надеясь, что хозяин квартиры допустил ошибку и оставил что-то компрометирующее.

Нет.

Ничего не оставалось, как отправиться на кухню и сварить кофе. Хотя голова после вчерашней попойки почти не болела, взбодриться все же требовалось. Иван разжег примус, отыскал в серванте банку с уже намолотыми зернами и принялся колдовать над напитком. Когда кофе был почти готов и по кухне разлился его терпкий аромат, услышал, как в прихожей щелкнул дверной замок. Иван снял турку с огня и, отставив в сторону, выглянул в коридор, уже намереваясь предложить вернувшемуся Серову чашку кофе. Но, вопреки ожиданию, это был не хозяин, а некая молодая женщина. Была она одета по современной моде — в серое пальто с меховым воротником, черную юбку и такого же цвета сапожки.

Она вошла, огляделась и, позвала:

— Алексей Иванович!

Не получив ответа, сняла пальто, повесила его на свободный крючок на вешалке, и не снимая обуви направилась в сторону комнаты домработницы. Судя по ее поведению, Иван понял, что это и есть та самая Анна, о чьей пропаже говорил Серов.

Открыв свою комнату ключом, извлеченным из маленькой сумочки, скрылась внутри, прикрыв за собой дверь.

Иван воспользовался моментом и, прихватив турку с кофе, тихонько проскользнул в гостиную, испытывая чувство неловкости, будто без спросу зашел в гости и был застукан хозяевами на воровстве конфет.

Пока он наливал кофе в чашку, пытаясь не расплескать от предательской дрожи в руках, позади раздался девичий голос:

— Я так и знала, что тут кто-то есть! На всю округу пахнет кофе!

Иван обернулся. Домработница стояла на пороге гостиной, сверля его своими карими глазами.

— Вы — Анна? — Спросил он первое, что пришло в голову.

— Я-то Анна, а вот вы кто? — Насупилась девушка. — И где Алексей Иванович?

Повисла пауза.

Затем, Наумов ответил:

— А меня Иваном зовут. Я вроде как в гостях у Алексея Ивановича.

И когда Анна не отреагировала, предложил, протянув турку с уже поостывшим напитком:

— Кофе хотите?

— Сами пейте! — Сказала, словно отрезала, девушка. — Еще раз спрашиваю, кто вы такой и что делаете в квартире Алексея Ивановича?

Иван и не заметил, как Анна, медленно наступая, приблизилась почти вплотную. Настолько, что он смог ощутить аромат ее духов и, как ему показалось, слабый, но такой приятный и манящий запах апельсина. Затем картинка неожиданно подпрыгнула. Перед глазами поочередно промелькнули: пол, потолок, интерьер гостиной и еще кое-что. Затем, наступила темнота.

Что это было?

Он лежал, уткнувшись носом в жесткий ворс напольного ковра, с завернутой за спину правой рукой.

— Отпустите. — Елозя по ковру губами, прохрипел он. — Вы мне руку сломаете.

Девушка хватки не ослабила. Наклонившись, прошептала, касаясь губами уха:

— Ты теперь мой.

Ивана даже дрожь пробрала, словно от змеиного поцелуя.

— В каком смысле?

— Будешь делать все, что я скажу, понял? — пояснила девушка, не ослабляя хватки.

— Не совсем, но...ой! — воскликнул Иван от резкой боли в руке. — ...попытаюсь понять!

— Это в твоих интересах, — отпустив, наконец, посоветовала Анна. — Может быть, жив останешься. Серов и его шайка тебя все равно в землю зароят после того, как станешь им не интересен, выдав всю нужную информацию. А я могу гарантировать кое-какую защиту. Думай сам!

О как! В спектакле появились новые действующие лица. И кто бы мог подумать, что это будет обычная, скромная домработница? А она-то чьи интересы представляет?

Пока Иван кряхтя поднимался с пола, девушка покинула гостиную приложив в виде прощального жеста указательный палец к своим вишневым губам, намекая на молчание.

“Да фиг вам!” — зло подумал Наумов. — “Вот явится Серов — все ему расскажу! Пусть думает, что дальше делать!”

Впрочем, когда примерно спустя час вернулся хозяин квартиры, гнев Ивана уже поостыл и, он решил пока ничего ему не говорить, а понаблюдать, как будут развиваться дальнейшие события. И решить, чью сторону принять.

Между тем, Анна, после сцены в гостиной, как ни в чем не бывало, занялась домашними делами, готовя обед.

Серов, не разуваясь и не снимая плаща, ввалился в гостиную. Бухнул на стол свой портфель, извлек из него две бутылки коньяка и уселся в кресло.

— Вампир пропал, — произнес он, плеснув в первый попавшийся бокал грамм двести янтарной жидкости. — Не пришел сегодня на запланированную встречу.

— Может, опоздал? — высказал предположение Иван.

— Я два часа прождал! — Вскинулся Серов. — Можно было с другого конца Москвы пешком притопать!

Иван промолчал.

Серов махнул рукой и, одним залпом влил в себя содержимое бокала.

— А чем это на всю квартиру пахнет? — крикнув и занюхав рукавом, спросил он. — Ты что ли чего готовишь?

— Нет, это Анна колдует.

— Анна!? — казалось, глаза Серова выпадут из орбит. — Она, что — вернулась?

— Час назад, — подтвердил Иван.

Тот вскочил, бросив пустой бокал на пол и, почти бегом бросился на кухню.

— Анна! — Истошный крик потряс всю квартиру.

Началось, подумал Иван и, чтобы отстраниться от предстоящего конфликта, налил в бокал коньяка. Выпив, приготовился слушать, что будет дальше. Слишком крепкий клубок завязался в последнее время вокруг него, теперь надо слушать. Слушать и “мотать на ус”.

Между тем, накал страстей достигал своего апогея.

— Ты где была? — Раздалось из кухни. — Как ты могла уйти!?

— Так и могла! — Парировала девушка. — Что, мне и к маме съездить нельзя?

— К какой маме? Что ты сейчас несешь? Я тебя по всему городу ищу, а ты...

— Что, я?!

Чуток подумав, Иван решил, что и ему пора выйти на эту трагическую сцену. Пока они не загрызли друг друга. Тем более — учитывая недавний опыт общения с домработницей.

Пока он раздумывал, со стороны кухни раздался звон разбитой посуды, стук падающей мебели, топот ног, и, в гостиную, словно ураган, красный как рак, растрепанный, ворвался Серов.

— Нет! — Упав в кресло, простонал он. — Я так больше не могу!

Наумов же, застыл посреди гостиной с бокалом в руках. Постоял немного и, вернулся в удобное кресло.

— Что она творит? — Не унимался тот. — Она из меня веревки вьет!

— Даже и не думала!

— Стерва!

В ответ снова раздался звон разбившейся посуды.

— Сам такой!

“Вот это игра, — подумал Иван. — Театралы отдыхают”.

— Играет мной, словно куклой... — выкрикнул хозяин. — В рабы меня записала!

Наумов вздрогнул, словно его обожгли чем-то горячим. Вновь промелькнула мысль рассказать о случившемся, но он взял ее под уздцы, попридержав до лучших (или худших) времен.

— Все женщины одинаковы, — философски заметил Наумов. — И она не исключение.

— Да ты просто многого не знаешь, — скривился Серов. — Помолчи лучше, мне надо подумать.

Думал он минут двадцать, запивая мысли излюбленным коньяком и окуривая сигарой. Иван следил за выражением его лица, пытаясь понять их, и выработать для себя дальнейшую линию поведения.

Анна в гостиной так и не появлялась, продолжая заниматься своими делами.

В итоге — Серов чуток подвыпил и, набравшись духу, снова направился на кухню.

Вернулся обескураженный — домработницы опять след простыл.

— Вот ...! — Только и смог сказать он.

— Я тебя предупреждал, — усмехнулся Наумов. — Ничего другого и не ожидалось.

— Убью стерву! — Жирный кулак тяжело опустился на крышку стола. Зазвенев, подпрыгнули бокалы. — Закопаю!

“Ну, тут — кто кого” — подумал Иван, отхлебнув изрядную порцию спиртного.

Кто — кого.

Глава 24

Между тем, Вампиру, а в нормальной жизни — Сергею Михайловичу Дубинину пришлось изрядно попотеть, что бы исполнить приказ начальства. Выполнив первое поручение Серова по доставке важного пакета, он переключился на второе — найти и выследить домработницу Анну, пропавшую накануне. И попытаться узнать, на кого она работает, если пропажа не совсем случайна.

Это оказалось совсем не простым делом: вычислить человека в Москве сороковых годов — что искать иголку в стоге сена. Тем более — без технологий компьютерной сети, не имея никаких связей и оперативных позиций в столице двадцатого века.

Изрядно потоптав ноги, отработав возможные варианты местонахождения, переданные ему заказчиком, то бишь, Серовым, он уже хотел было отказаться от этого дела, когда, вдруг, фортуна повернулась передом, широко улыбнувшись, предоставила шанс.

Он увидел Анну случайно, на улице. И хотя не мог похвастаться хорошей памятью на лица, узнал ее сразу и, тут же, словно заправская ищейка взял след, разумно рассудив, что “снаряд два раза в одно место не попадает”. Теперь, ни как не хотелось потерять след, и начинать все заново.

Слившись с толпой, он последовал за Анной.

С виду, та вела себя вполне непринужденно, средним шагом прогуливаясь по улицам, иногда заглядываясь на городские достопримечательности, уже свободные от фанеры и мешков с песком.

Вампир следовал за ней.

Но, не будучи сильно искушен в сыскном деле он и не заметил, что за ним тоже ведется слежка. Крепкий мужик в офицерской шинели без погон с петлицами артиллериста фланировал следом, удачно сливаясь с народной массой, где две трети были одеты ему под стать.

Вскоре, Анна запрыгнула в проходящий трамвай тридцать четвертого маршрута и Дубинину, по всем правилам слежки что он помнил, отстающим на сотню шагов, с большим трудом удалось оказаться на том же маршруте, не упустив из виду подопечную.

Ехали минут двадцать и оказались на самой окраине Москвы, где именно, Вампир с ходу определить не смог: не зная города в двадцать первом веке, не знал он его и теперь — в середине двадцатого. Тут районы более походили на деревню, с частными дворами, размытыми грунтовыми дорогами и пустырями, занимающими три четверти территории. Странно, что тут уже были проложены трамвайные пути.

Чтобы не потерять Анну из виду, он тихонько продвинулся по полупустому салону в ее сторону и, занял свободное место на сиденье. Достал из кармана газету, развернул и сделал вид, что увлеченно читает, одним глазом наблюдая за девушкой. Та слежки не замечала, ведя себя вполне спокойно. Через остановку, неожиданно сошла с трамвая, и Дубинин едва успел последовать за ней.

Не успел он сойти с подножки трамвая, как тут же вляпался в глубокую лужу, промочив правую ногу.

— Вот черт! — Громко выругавшись, заскакал на одной ноге, вытряхивая воду. — Принесла нелегкая к черту на куличики!

Между тем, на улице темнело. Приближался вечер. Девушка уже ушла довольно далеко, и только мгновение отделяло от потери ее из виду. Плюнув на сырой ботинок, поспешил следом.

Еще немного поплутав по темным переулкам, Анна остановилась у одной из калиток, и оглядевшись по сторонам, распахнув ее, исчезла за высоким забором.

Выйдя из укрытия, Вампир последовал следом.

Остановился напротив калитки и легонько толкнул, проверяя. Дверца была не заперта и легко, без скрипа открылась под его рукой. За ней была темнота, только одно светящееся окошко в доме, отбрасывало тусклый свет, подсвечивая небольшой участок в глубине двора. Осторожно, чтобы не споткнуться и не привлечь внимания прокрался на крыльцо и, сняв шляпу, приложился ухом к двери, надеясь услышать, что происходит внутри дома.

Неожиданно дверь распахнулась и, сильный толчок в спину отправил его вперед, в темноту, со скоростью метеора.

— Заходи, гостем будешь! — Раздался вдогон мужской голос.

Пролетев вперед, он распахнул головой следующую дверь и приземлился на пол, распластавшись, словно медуза на песке. Секунд пять приходил в себя. Потом вскочил на ноги, приготовившись либо бежать, либо дать отпор нападавшим. Но, увидев в полуметре ствол направленного на него пистолета, тут же поостыл.

— Что вам надо? — Тяжело дыша, словно после марафонского забега, спросил Вампир. — Кто вы такие?

— Для тебя это уже не важно, — ответил уже знакомый голос позади.

Дубинин обернулся. Перед ним стоял мужик крепкого телосложения, одетый в неприметный серый плащ и такую же шляпу, надвинутую на лоб. В зубах — дымящаяся папироса. Но, больше всего выделялись его глаза — темные и острые. Будто кинжалы они пронзали насквозь, и, казалось, еще немного и в груди появятся две зияющие дыры.

— Не понял?

— Чего тут понимать? — Оскалился тот. — У тебя отсюда одна дорога — на тот свет.

— Ахр... — только и смог прохрипеть Вампир.

— Что стонешь? — Незнакомец полез в карман плаща.

Но, не успел он ничего оттуда вытащить, как тот диким ревом набросился на него. Страх придал сил и, он без труда повалил крепыша на пол, мертвой хваткой вцепившись в горло.

Еще немного и Дубинин наверняка задушил бы растерявшегося от неожиданного нападения мужика, но сильный удар по затылку отправил его в нокаут.

Очнувшись, обнаружил, что лежит на полу со связанными позади руками. Кисти уже успели сильно занеметь, значит, с момента “отключки” прошло около получаса — не меньше. Ушибленный затылок саднило и, судя по ощущениям, там образовалась внушительная шишка.

Огляделся, насколько это было возможно. Все та же комната.

Вокруг царила полутьма, разбавленная тусклым светом керосиновой лампы, отбрасывающей зловещие всполохи на стены и потолок.

— Ну, что, очнулся? — Это снова был голос здоровяка в сером плаще, склонившимся над ним, опустившись на одно колено.

Вопрос остался без ответа, так как, в тот момент Вампир уныло размышлял над своей дальнейшей судьбой.

— Ничего, — Заверил его тот. — Теперь ты у меня просто так не отделаешься!

Стало ясно, что угроза не была беспочвенной и не сулила ничего хорошего. Теперь его не просто убьют — сделают это как можно больней, в извращенной форме.

Не стоило нападать на этого бугая, зная, что за спиной находится его напарник вооруженный пистолетом. Видимо его рукояткой и приложил по затылку. Лучше бы сразу пристрелил. Но, что поделать — рефлекс штука непредсказуемая.

“Только бы ножом не резали, — Подумал Дубинин, глядя на закопченный потолок. — Не люблю я ножей, с детства боюсь. Пусть лучше придушат. Не так страшно”.

Пока одна половина его сознания размышляла над тем, как его будут убивать, вторая — напряженно работала над возможными вариантами спасения, что являлось, вероятней всего, работой бесполезной.

Словно в подтверждение его мыслей, мужик поднялся, и, обращаясь к напарнику, все еще остававшемуся вне поля зрения, произнес:

— Ты последи за этим, а я пока до сарая за топором схожу. Больно шустрый он. Но ничего, сейчас мы его по кусочкам покроем, тише станет.

Мужик не обманул, вскоре вернувшись с большим, остро отточенным топором.

Внутри у Вампира все похолодело: ладно нож — ерунда по сравнению со зрелищем этого железного монстра для колки дров, вызвавшего у него животный ужас. Он задержался на полу, пытаясь встать на ноги, забыв про боль в затылке, но тщетно.

— Смотри-ка, зацепило! — Усмехнулся бугай. — Давай его посадим, а то ведь лежащего не бьют.

Его подхватили под руки, и словно мешок с картошкой бросили на стоящий рядом стул. Только теперь Вампир смог рассмотреть второго напавшего. Тот был невысокого роста, коренастый. Одет просто — в потрепанный черный костюм, явно с чужого плеча. На ногах — начищенные до блеска офицерские юфтевые сапоги. Судя по лицу — азиат, или выходец с севера; точную принадлежность понять было трудно, но судя по его выражению — этот тип был склонен к садизму. Слишком сильно он скалился, поглядывая то на топор, лежащий на столе, то на жертву, то бишь — Дубинина.

— Ну, что, начнем? — Беря в руки колун, спросил он у напарника.

— Приступай!

Но, не успел он замахнуться, как жертва обмякла и соскользнула со стула обратно на пол. Азиат отложил топор и, склонившись над телом, большим пальцем задрал ей веко.

— Кончился, — доложил он. — Хилый нынче клиент пошел. Не успели как следует пугнуть, а он уже кони двинул.

— Беда, — Согласился второй. — Теперь надоест рапорта писать.

По иронии судьбы Дубинин скончался от сердечного приступа.

Глава 25

Вечером, когда Серов уже заснул, к Ивану, сидящему в раздумьях в кресле в гостиной, подошла Анна и спросила:

- Что нового?

— Да вроде ничего. — Пожал тот плечами. — Только вот Вампир пропал. Не ваша работа?

— Вампир? — Пропустив его выпад, переспросила девушка.

— Ну, гость ваш, с замашками урки...

— Ага. Понятно. Больше ничего сообщить не хочешь?

— Ничего.

— Точно?

— Во всяком случае, ничего стоящего.

— Это мне решать — нужная информация или так, шлак. — С нажимом произнесла Анна. — Куда завтра с Серовым собрались?

— К начальству его...

— Адрес знаешь?

— Ты что, шутишь? — Вскинулся было Наумов.

— Да, погорячилась, — поспешно произнесла девушка. — Откуда тебе знать этот адрес...

— И об этом знаете?

— Чего бы мы стоили. Ты с первой минуты появления в этой квартире попал под наблюдение. Видишь — я не скрываю этого от тебя, но и ты должен довериться мне.

— Хм, — промычал Иван. — Как будто может быть по-другому...

— Умный мальчик!

— Не умнее некоторых. Конкретней задачи ставить надо.

Анна уставилась на него, словно удав, затем, видимо устав стоять, пододвинула ногой ближайший стул и сев, пообещала:

— Будет тебе конкретика, только ты еще ничего не сделал.

— А что я должен сделать? — Удивился Иван. — Продать вам душу?

— Твоя душа нам без надобности, вот информация...

Тот засмеялся.

— Если бы знал “прикуп” — все бы выложил. Да вот не знаю — хоть режьте. Не знаю!

Анна с опаской обернулась в сторону коридора, куда выходили двери всех комнат, в том числе спальни Серова, но, не заметив ничего подозрительного, успокоилась. Протянув руку к графину с остатками коньяка стоящими рядом на столике, она плеснула грамм сто в бокал и, протянув его Наумову, произнесла:

— Выпей, успокойся. Резать тебя пока никто не собирается.

— Уже легче, — Принимая бокал из ее рук, усмехнулся тот. — А вы знаете кто я, и откуда?

— Это не секрет.

— Такое ощущение, — рассматривая содержимое бокала, подвел итог Иван. — Что у вас тут проходной двор. Шляются всякие...

— Почти так и есть. — Согласилась Анна. — И это категорически не нравится. Надоело, понятно?

— Понятно. Только я к вам во двор не лез... — Одним глотком он опорожнил бокал, затем продолжил. — Не ломился, скорее ветром случайно занесло.

— Случайно или нет — дело десятое! По тебе не видно: дураками многие горазды прикидываться.

— Не прикидываюсь я! — Зло бросил Иван. — Достали вы все меня!

— Да? — Удивилась девушка. — А как же ты под крылом у Серова оказался?

— Случайно, — не задумываясь, пояснил он. — Все случайно. Даже не знаю как.

Он посмотрел ей в глаза и, показалось, что в них промелькнуло понимание, но она тут же отвела взгляд, произнеся:

— Об этом не мне решать...

Время — понятие абстрактное. И растяжимое. Он не помнил, кому принадлежали эти слова, но теперь, с полной уверенностью мог утверждать, что все обстоит именно так.

Иван лежал на диване, уставившись в потолок. Судя по ходикам, мерно тикающим на противоположной стене гостиной, было еще очень рано для подъема — четыре сорок. Да и за окном темень.

Не спалось.

Что ждет его сегодня?

Он не мог этого знать и это пугало больше всего. Какое решение примут по нему странные и неведомые боссы Серова? Оставят ли его в живых, или сотрут из истории, словно досадную ошибку? К сожалению — знать этого, было не дано.

Бежать было бессмысленно, так что оставалось надеяться только на себя и доказать невидимым боссам свою полезность в их деле. А потом, как карта ляжет. Он уже почти перестал надеяться на возвращение в свое время, вспоминая последние секунды нахождения на блокпосте. Наверняка, для всех “там” он уже давно мертв. Или пропал без вести. И все что сейчас происходит — это просто личный ад. Кара за несправедную жизнь. Ни кто ведь не знает, как этот самый ад выглядит на самом деле? Хотя, положи руку на сердце, для чистилища тут слишком комфортно.

В голову начали лезть мысли о реинкарнации, но, на этом месте Наумов попросту заснул.

Разбудил его Серов.

Был он необычно хмур и чем-то озабочен.

— Что, уже пора? — Пробубнил Иван.

— Да брат, уже пора... — Удостоверившись, что тот проснулся, покидая гостиную, произнес он.

Проводив его одним глазом, Иван открыл второй, окончательно проснувшись, и, глубоко вздохнув, принял сидячее положение. Тут же волной накатили ночные размышления, приобретя новую остроту. Впереди ждал очередной день.

Автомобиль подкатил к воротам. Массивные железные створки медленно распахнулись, пропуская на территорию. С первого взгляда Ивану стало ясно, что сбежать отсюда при случае, как это он себе мыслил, точно не получится. Он сразу приметил — нигде не видно охраны, но чувство, что за тобой следят, не покидало ни на секунду. Местной службе безопасности можно было смело поставить “зачет”.

Они прошли по дорожке из гравия и поднялись на широкое крыльцо. Дом боссов

встретил тишиной, сумраком, и широко распахнутыми дверями, отчего производил гнетущее впечатление.

— Тут всегда так радушно встречают? — попытался пошутить он, разряжая обстановку.

— Почти, — уныло пожал плечами Серов, оценив обстановку. В отличие от последнего визита, этот больше походил на ловушку, гостеприимно раскрытую клетку, ожидающую очередного гостя — будущего узника. Прав был Вампир, почувствовав тогда скрытую опасность.

— Но, если чего странного увидишь, шибко не удивляйся. — Вспомнив реакцию Вампира на “говорящее радио”, сообщил он, поднимаясь по ступенькам.

— А чего тут может быть странного? Тут все — один большой театр абсурда!

— Ты главное со всем соглашайся.

— Даже если головой об стену постучаться?

— Даже, — посоветовал Серов. — А там — посмотрим.

Иван промолчал, решив действовать по ситуации.

А ситуация стала развиваться совсем неожиданно. Когда они подошли к массивным дверям в конце коридора, те бесшумно распахнулись, пропуская в следующее помещение, но, стоило переступить порог, как они захлопнулись за спиной, оставив в полной темноте. Они молча застыли на месте. Почти не дыша, дожидались, что произойдет дальше. Но, спустя минуту и две, и десять — ничего не происходило.

— Эй! — Решился подать голос Серов. — Мы уже здесь! Что за шутки?

Ему ни кто не ответил, только Наумов недовольно запыхтел над ухом, соображая, как поступить дальше.

— Это и есть твои странности?

Тот не ответил, только что-то тихо бормотал себе под нос.

Неожиданно зажегся свет: не резко-ослепительный, а мягкий, медленно разгорающийся, поэтому жмуриться не пришлось.

Посреди комнаты стоял невысокий мужчина пенсионного возраста.

— Добрый день!

Был он немного лысоват, но имел благородную, ухоженную шевелюру с сединой на висках. Одет тоже по высшему классу — в дорогой, явно сшитый на заказ костюм черного цвета, белоснежную рубашку, в манжетах которой сверкали камушками золотые запонки. От него так и веяло богатством и властью, и Наумов сразу догадался, что перед ним “тот самый большой босс”.

— И вам не хворать... — выпалил первое, что пришло на ум.

Серов толкнул его локтем в бок.

— Добрый, Сергей Сергеевич! — У него даже от сердца отлегло, что нет никаких сюрпризов. — Вот, явились по вашему требованию.

— Вижу, — усаживаясь в огромное кресло, произнес босс. — А куда бы ты делся?

Он почти утонул в этом кожаном гиганте. Пигмей на троне великанов. Смотрелось это настолько комично, что Иван не смог сдержать улыбки.

— Что вы улыбаетесь, молодой человек? — подняв бровь, спросил он. — Я что-то смешное сказал?

Серов вновь толкнул его в бок, на что получил такой же ответ.

— Вы и есть тот самый “неучтенный гость из будущего”? — продолжил Сергей Сергеевич. — Долго мы за вами гонялись!

— А я от вас и не бегал! — зло бросил Иван, краем глаза заметив, как Серова перекосило от этих слов. Лицо его побагровело, глаза полезли из орбит.

— Что ты несешь? — прохрипел он. — Ты угробишь нас...

— Успокойтесь Николай, вы тут не причем. Молодой человек просто не совсем понимает, во что ввязался. Вы же — все сделали правильно и, с моей стороны, к вам нет никаких претензий. — Босс “вылез” из кресла и, подойдя к Ивану почти вплотную, заглянул в глаза. — Я правильно выразился?

От этого взгляда замутило. Наумов с трудом проглотил вязкий комок, образовавшийся в горле и, кивнул в знак согласия.

— Вот видите — мы всегда найдем общий язык.

Он вернулся в кресло.

— Вы, Николай, пока свободны. Отдохните, погуляйте по нашим “пенатам”. — Сергей Сергеевич хлопнул ладонями и, на пороге, словно двое из ларца возникли дюжие охранники. — А мы с молодым человеком немного побеседуем. Кстати, простите за мою бестактность — как вас зовут?

— Иван... — произнес тот.

— Прекрасное русское имя. А меня, как вам уже известно — Сергей Сергеевичем нарекли. В моем возрасте уже можно по имени-отчеству, вы не находите?

Наумов кивнул, переминаясь с ноги на ногу.

— Замечательно!

Сергей Сергеевич щелкнул пальцами и посреди комнаты, стараниями охраны, возник столик уставленный вазами с различными фруктами, конфетами и хрустальным графином с янтарной жидкостью.

— Угощайтесь! — повел рукой хозяин. — У нас будет долгий разговор.

Иван уселся на подставленный молчаливым охранником стул.

— Угощайтесь, Иван! — повторил тот.

Секьюрити наполнил бокалы из графина и, взяв под локоть онемевшего Серова, удалился из комнаты, прикрыв входную дверь.

Несколько минут молчали, разглядывая друг друга. Затем, Иван, подняв бокал, выпил и произнес:

— Зачем я вам нужен?

— А как вы думаете? — усмехнулся собеседник.

— Ну, не конкурент же я вам...

— Нет, конечно. Даже близко нет.

— В чем тогда причина?

Босс усмехнулся.

— Перейдем на “ты”? — предложил он. — Так проще.

— Как скажите, — согласился Иван.

Сергей Сергеевич взялся за графин, разлил еще по порции. Поднял свой бокал и, пригубив содержимое, произнес:

— Представь себе, до сих пор, все пришельцы из будущего были под моим контролем. Все они попадали сюда с помощью моей корпорации. Но, иногда по тем или иным причинам, случались проколы. Нестабильность машины времени могла спровоцировать завихрения в некоторых точках пространства, далекого от самой машины. Мы пытались вычислить эти точки по векторам, но, всякий раз они менялись. Сюда попадал различный

мусор из будущего. Он вызывал возмущения во временной аномалии и мешал нормальной работе оборудования. Начались проблемы...

— Зачем все это? — выпитый коньяк ударил Ивану в голову. — Зачем менять прошлое, если это повлияет на будущее?

— Ты заблуждаешься — время изменить нельзя!

— Но... — попытался было опровергнуть это утверждение Наумов.

— Никаких “но”. — Веско парировал собеседник. — Будущее изменить нельзя, так же как и повлиять на прошлое. То, что сейчас происходит с нами — можно назвать одним словом — присутствие.

— А как же все эти проекты Николая?

— Все это — блеф. То, что он продвигает летчикам — придумано в этом времени. Он только дает толчок развитию технологий. Ничего более.

— Что ты хочешь этим сказать? — Удивился Иван. — Мое присутствие здесь — тоже блеф? Тогда объясни, каким образом я сюда попал?

— Вот это я и хотел бы узнать...

— Да я и сам хотел бы это знать.

Повисла неловкая пауза.

— Тогда расскажи мне об этом. Что ты помнишь?

Наумов промолчал, соображая, стоит ли рассказывать все этому “бизнесмену от времени”. Посмотреть с другой стороны — чего скрывать? Ни один здравомыслящий человек никогда не поверит в его рассказ, а жизнь, она штука такая — и закончить ее в стенах психиатрической лечебницы, или в застенках спецслужб, никак не хотелось.

Решено.

Употребив еще коньяка, Наумов выложил все.

Сергей Сергеевич слушал, не перебивая, только иногда ухмылялся, округляя глаза в самых “острых” местах повествования.

— Занятная история, — выдохнул он, когда Иван закончил рассказ. — И ты можешь показать то место, где нацисты ставили эти эксперименты?

— Нет, конечно, — признался тот. — Даже примерно не знаю где это.

— Жаль, жаль, — постучал пальцами по крышке стола босс. — Хотя...

— Что? — Напрягся Наумов.

— Еще не все потеряно! — Сергей Сергеевич решительно поднялся с кресла. — Спасибо за информацию. Теперь отдыхай. Мой дом в твоём распоряжении.

Он удалился.

Оставшись в одиночестве, Иван допил коньяк из бокала. Чутье подсказывало, что вскоре стоило ожидать далекое путешествие.

Глава 26

Пока готовилась вылазка на Кавказ, откуда Иван начал свое необъяснимое путешествие по просторам времени, его под замком держали в стенах усадьбы. Надо отдать должное — охранники относились хорошо: кормили, поили, обеспечили книгами. Но на все вопросы молчали, уходя от ответа. Первые дни, пару раз Иван, взяв книгу, пытался читать, но беспокойные мысли не давали сосредоточиться на тексте. Еще, несколько раз его навещал помощник Сергея Сергеевича с целью уточнить некоторые детали касающиеся предстоящего путешествия. Подробно ответив, как мог, набросал на листке бумаги схематичную карту местности. Затем, на три дня о нем словно забыли. Только спустя неделю пригласили к

боссу.

— А где Серов? — Сразу, с порога, спросил Иван. Странно, но все эти дни его действительно интересовала судьба этого человека.

— С ним все хорошо, — улыбнулся Сергей Сергеевич. — Он занят текущими делами. Скоро вы увидите. Присаживайся, в ногах правды нет.

Наумов кивнул и сел на предложенный стул.

— Я, в общем, просто спросил...

— Понимаю твою озабоченность. Вы ведь за последнее время немного сдружились.

Так?

— Смотря, что иметь в виду.

— Симпатию, привязанность. Называй это как хочешь.

— Симпатий у нас нет, — подвел итог Иван. — А вот привязанностей — хоть отбавляй.

— Понимаю, — усмехнулся тот. — Впрочем, я тебя не для того тебя пригласил, что бы о Серове болтать. На носу есть дела поважней.

— Слушаю...

Сергей Сергеевич вкратце изложил план экспедиции, что, впрочем, после визитов и общения с его помощником, особым откровением не явилось. Из его речи можно было выделить единственный пункт, вызывавший глубокую озабоченность — наличие СС-цев в тех краях. То, что они там были — Иван нисколько не сомневался, еще свежи были воспоминания от общения с ними. Но! Кто мог дать гарантии в том, что искажения во времени не исказили пространство?

— Что думаешь по этому поводу? — спросил он, закончив.

— На словах, да на бумаге — все гладко, — произнес Наумов. — А как на самом деле все пойдет — сказать не берусь. Запутано все, непонятно.

— Понимаю, — вздохнул Сергей Сергеевич. — Но, другого плана нет. Единственным козырем в этой игре будут данные авиаразведки. Прибудут через пару дней. Затем, день на изучение, и — вперед. Так что, готовься через три дня на выход.

— Да я хоть сейчас готов.

— Ну и ладно.

Хозяин усадьбы покинул комнату, оставив Ивана наедине со своими мыслями.

Предстоящая вылазка на Кавказ ни капли не страшила Наумова. Скорее наоборот. Он ждал ее с нетерпением, лелея надежду на событие, вероятность которого стремилась к нулю: пространственно-временной портал в горах снова сработает и он вернется домой, в свою эпоху. Уже в который раз он вспомнил свой дом, грустные глаза мамы, смотрящие на него при последнем свидании на перроне вокзала. Как она там теперь? Наверняка уже похоронила его. Если было что хоронить. А может он до сих пор числится пропавшим без вести? Не было ответа на эти вопросы. И это было самым мучительным в теперешнем положении.

Терзаемый этими мыслями, Иван лег на кровать и попытался заснуть, в надежде, что сон прогонит все дурное. Но, не спалось. Ворочаясь с боку на бок, он гнал их от себя разными способами. Даже пытался считать воображаемых овец, и когда, отчаявшись победить, вскочил чтобы попросить у охраны снотворного, дверь в комнату приоткрылась, и в проеме показалась голова Серова.

— Не спишь?

— Уснешь тут, — пробурчал Иван, обрадованный этим неожиданным визитом. —

Заходи.

Серов протиснул свое далеко не худое тело в проем, и выставив вперед свой портфель, торжественно сообщил:

— А я тут вкусенького принес!

— Коньяк? — угадал Наумов.

— Он самый, — кивнул тот. — Или ты против?

— Совсем нет, мне это сейчас в самый раз.

— Ну и хорошо, — извлекая из портфеля на стол содержимое, согласился тот. — А ты чего такой грустный?

— Дом вспомнил...

— А! Бывает...

Он поставил опустевший портфель на пол и, усевшись на стул, произнес:

— Мне тут доложили, что ты спрашивал обо мне?

— Спрашивал, — кивнул Иван. — Ты поэтому и пришел?

— И по этому тоже.

Он плеснул в стоящие на подносе стаканы коньяка на два пальца и, протянув один Наумову, немного помявшись и глядя в пол, спросил:

— Надеюсь, ты не настаивал перед боссом на моем участии в экспедиции на Кавказ?

— Зачем?

— Ну, мало ли...

— Дурак ты, Серов! — неожиданно заявил Иван. — Думаешь, я мстить тебе удумал?

Тот только молча пожал плечами, отвернув лицо в сторону.

— Зачем?

Николай снова дернул плечами.

— Молчи тогда, — махнул на него Наумов, опрокидывая содержимое стакана в рот. Проглотив обжигающую жидкость, добавил. — Ты мне вроде ничего плохого не сделал, что бы тянуть тебя за собой в могилу.

— Ты думаешь я это имел в виду? — он сделал обиженный вид. — Просто мне сейчас никак из Москвы отлучаться нельзя. Дела понимаешь...

— Понимаю.

— Ну и ладненько, — приободрился Серов, снова наполняя опустевшие стаканы и суется над закуской. — Ты тогда скажи Сергей Сергеевичу, если станет спрашивать, что я совсем не против этой поездки, просто дел невпроворот.

— Ну и жук ты, — усмехнулся Иван.

— Сам понимаешь, — вздохнул тот. — Как тут все без меня?

— Ладно, скажу.

— Тогда за понимание?

Ударив стаканами, выпили. Грустные мысли начали потихоньку отступать на задний план. Все-таки живое человеческое общение — великая сила, особенно под рюмочку чая.

— Ты угощайся, — кивнул на накрытый стол Серов. — Вот семга копченая, хлебушек свежий, специально для тебя достал.

— Спасибо, — поблагодарил Наумов. — Ты всегда знаешь, чем утешить.

— Да ладно тебе, — отмахнулся тот. — Будто тебя здесь и без того одной кашей кормили.

— Не в еде дело.

— В чем тогда?

— В общении. В простых человеческих разговорах. Вот я здесь уже хрен знает, сколько кукую, вроде все хорошо: кормят, поят, книги читать дают. А нет — не то. Сидишь как сыч, мысли в голове туда-сюда гоняешь, словно шарики в пинпонге.

— Ничего, — попытался подбодрить его Серов. — Я сам первое время по дому скучал. А вот теперь привык.

— Но, ты то всегда можешь вернуться.

— Теоретически да, — согласился он. — Вот только в ближайшее время это вряд ли произойдет.

— Почему?

— Не все в этом мире зависит от нас.

Помолчали.

— Знаешь, — произнес гость, откупоривая вторую бутылку. — Я ведь уже давно понимаю, что ты всегда хотел спросить, почему мы, вроде бы имеющие такие возможности, не можем отправить тебя обратно домой, в твою эпоху.

— Догадываюсь, почему.

Тот вопросительно уставился на Наумова.

— Не вы меня сюда отправили, не вам и возвращать, — взяв со стола стакан и зачем-то понюхав содержимое, пояснил он. — Как пришло, так и ушло...

— Мыслишь правильно, — кивнул Серов. — Наши возможности ограничены. Если портал открылся для одного человека, другой не может пройти через него обратно, закрыв таким образом. Он будет ждать “хозяина”, оставаясь активным.

— А как же тогда Шефер? — удивился Иван. — Он же пытался попасть в будущее с помощью меня?

— Шефер — дурак, верящий в чудеса, — усмехнулся тот. — Он все равно не смог бы ничего сделать, даже не столкни ты его с этой “карусели”. А вот ты...

— Я мог бы вернуться домой? — сердце Наумова бешено застучало в груди. — Мог?

— Но ты же не вернулся, — остудил его Серов. — Машина Шефера только исказила пространственно-временной портал, но не открыла дорогу назад. Ты смог в этом убедиться. Но это не значит, что портала больше нет — он все еще активен и ждет тебя.

— И?

— Ты всегда сможешь вернуться домой, если найдешь его...

Глава 27

Через несколько дней все было готово к экспедиции. Наумов и еще несколько человек из команды Сергея Сергеевича, погрузили в новенький “Студебеккер” ящики с припасами и оборудованием и, получив очередной краткий инструктаж, выехали за ворота особняка.

Ехали молча. Кто-то дремал, привалившись спиной к брезентовым тюкам, кто-то сосредоточенно чистил личное оружие, иногда чертыхаясь, когда грузовик подбрасывало на особо крутых кочках. Оружия у Ивана не было, а выспался на год вперед, поэтому просто сидел с прикрытыми глазами и размышлял над словами Серова. Если получится, то он вернется домой и все закончится, словно дурной сон. Очень хотелось верить.

Спустя час, “Студебеккер” снизил скорость, останавливаясь.

— Приехали! — крикнул из кабины водитель.

Иван поднялся со скамейки и принялся делать зарядку, разминая затекшие от долгого сидения мышцы. Лязгнули петли заднего борта. Двое дюжих мужиков заглянули под тент и, оглядев содержимое кузова, безразлично, почти хором произнесли:

— Выгружайся честная компания, нам ящики таскать надо!

Никто возражать не стал, быстро покинув кузов, осточертевший за долгую дорогу. Наумов последним спрыгнул на землю и огляделся. Находились они на краю небольшого аэродрома, рядом с одноэтажным приземистым зданием, по всей видимости, терминалом. Чуть правее чернела некрашеными досками диспетчерская вышка, еще дальше — “отдыхали” два небольших транспортных самолета. Еще один стоял на взлетно-посадочной полосе, начинающийся у самого терминала. Судя по тому, что скарб из грузовика потихоньку перекачывал в его нутро, лететь предстояло именно на нем. Да и человек в промасленном комбинезоне, совершавший какие-то манипуляции под брюхом транспортника, завидев их, бросил курево и ускорил свою работу. В остальном — аэропорт казался почти вымершим. Иван уселся на землю, сорвал сочную травинку и, жуя ее, стал наблюдать за работой грузчиков.

— Дяденька, дай закурить, — раздался голос за спиной. Неожиданная просьба заставила вздрогнуть. Он обернулся и увидел мальчугана лет восьми — десяти, босоногого, одетого в старые, не по росту большие штаны и такую же рубаху. Белобрысый, веснушчатый, он голубыми глазами смотрел с хитрым прищуром.

— Не рано тебе еще курить, брат? — поинтересовался Иван.

— А тебе, что, жалко? — парировал тот.

— Мне тебя жалко, — разворачиваясь к нему, произнес он. — Курить вредно для здоровья.

— А что ты дяденька о моем здоровье печешься?

— А что ты борзый такой?

— Может, я не для себя прошу? — пожал плечами паренек. — Тятка у меня болеет, работать не может.

— А курить значит может?

— Сразу видно, что вы из столицы, — вздохнул парень. — Ничего не понимаете.

— А что я должен понимать? — удивился Иван.

Паренек посмотрел на него с укором.

— Папиросы сейчас в цене, — пояснил он. — Почти нигде не достать. И если ты дяденька дашь мне пару штук, то я у Скворчихи их на молоко поменяю.

— Теперь понятно, — выдохнул Наумов. — И давно ты тут, на аэродроме промышляешь?

— Как тятя захворал, — пожал плечами пацан. — Тут самое хлебное место. Когда самолеты прилетают, людей уйма. Можно много папирос настрелять. Один раз даже две банки тушенки дали. — Гордо добавил он.

— Ну, да... — задумчиво произнес Наумов. — Звать то тебя, как, боец?

— Иваном кличут, — беззубо улыбнулся тот.

Словно ледяная ладонь неожиданно сжала его сердце. Даже слезы из глаз брызнули. Он пытался что-то сказать, но не смог.

— Дяденька вам плохо?

— Все хорошо, — еле выдавил из себя тот. — Меня кстати тоже Иваном зовут.

— Тезки значит! — обрадовался паренек.

— А мамка то у тебя есть?

— Была, как нет? — удивился тот. — Да померла в прошлом годке.

Перед глазами Наумова пролетела почти вся его жизнь: детство без отца, умершего, когда ему не было и пяти, слезы матери по ночам, школа, военное училище... Он скинул с плеча вещмешок с личным пайком и, протянул его пареньку.

— Это тебе, тезка. Здесь есть все, что бы вы с отцом ни в чем не нуждались некоторое время.

— Ты шутишь, дядя Иван? — развязав узел и обзрев содержимое, спросил он. — Тут богатства на миллион!

— Ни капли, — уверил тот. — Я и без этого проживу. А тебе надо.

— Спасибо, дядя Ваня! Вот теперь мы заживем. Можно я пойду?

— Подожди, — остановил его Наумов. — Чем отец-то болеет?

— Фельдшер сказал, что грудь воспалилась.

— Воспаление легких?

— Не знаю, — признался тот.

— Ладно, это не важно, — произнес Иван, доставая из нагрудного кармана несколько крупных денежных купюр, любезно предоставленных ему Серовым на “всякий случай”. — Держи. Дашь одну фельдшеру, скажешь, что дядька, брат отца передал. Больше не давай, пусть сделает все, что бы его вылечить. Будет спрашивать, что за дядя — говори, что двоюродный, военный летчик, проездом был, а сейчас на фронте. Если что ни так, скажи — прилетит, голову отвернет. Понял?

— Как не понять, дядя Ваня?

— Беги домой!

— Бегу! — паренек схватил вещмешок и припустил в сторону деревеньки, видневшийся неподалеку.

Только теперь Наумов почувствовал себя хорошо.

Долетели без приключений.

Кавказ встретил мелким, не по сезону теплым дождем. Поляну, на которую приземлились, аэродромом можно было назвать с большой натяжкой, поэтому Иван про себя поаплодировал пилотам за их мастерство.

— Через полчаса собираемся у терминала! — громко объявил старший группы, и еще

раз напомнил. — Пол... часа!

Команда поднялась со своих мест, разбирая вещи, притороченные веревочной сеткой по центру фюзеляжа транспортника. Наумов, как и все, подхватил свои вещи и спрыгнул на траву аэродрома. Сквозь марево дождевых туч, солнце светило слабо, поэтому горные кручи вокруг казались еще более серыми и неприступными.

Знакомый пейзаж. Даже переместившись на пару километров, он почти не измениться. На этом многие погорели. Непонятная волна страха накатила, вызвав из памяти яркие картинки из прошлого. Горы, горы — вокруг одни неприступные камни. Несут они смерть и боль русскому человеку, и никто, вот уже почти два века, не может понять, почему именно так, а не иначе.

Иван закинул на плечо вещмешок, три раза переплюнул, согласно поверью, и направился в сторону лагеря, куда уже от самолета потянулась цыпочка грузов.

Когда он подошел, почти вся команда была в сборе. Вместо пары грузовиков, что доставили их до самолета на подмосковном аэропорту, здесь весь скарб грузили на дюжину лошадей, приторачивая груз с помощью специальных креплений. Наумов заметил, что животные вели себя спокойно, стойко принимая тяжести быта. В принципе, и быть по-другому не могло. Слишком высока была ставка, поэтому все организовывалось по высшему уровню.

Дождь закончился. Сквозь рваные тучи выглянуло вечернее солнце.

— Ты уже здесь? — Увидев его, произнес старший. — Ну, и хорошо, сейчас будем выдвигаться.

— Время к вечеру, — взглянув на солнце, сказал Иван. — Я думал, тут заночуем.

— А тебе и не надо думать, — усмехнулся он. — Все уже продумано. В паре километрах выше, есть заброшенная метеостанция, там и остановимся. Так, что не беспокойся. Все будет нормально!

Иван не ответил, понимая, что от него сейчас ничего не зависит. Все измениться только там, в горах, ближе к месту назначения.

— Ты сейчас иди и оглядывайся, — посоветовал старший. — Вспоминай местность. Нам плутать не с руки. Не ровен час на фрицев нарвемся. По данным разведки в этих местах еще несколько групп недобитых осталось. Оружие у нас есть, но, сам понимаешь — где мы, а где они. Они тут уже каждый камень знают.

— А как же проводники? — кивнул Иван в сторону двух кавказцев, присоединившихся к группе уже здесь, в горах.

— А как ты думаешь? — ответил вопросом на вопрос старший.

— Ерунду сказал...

— Сам все понимаешь, — одобрительно кивнул тот. — С них — только дорога, а насчет засад, извини, думаю, они ничего не знают. Если, конечно не в деле...

— А такое, что, может быть? — удивился Наумов.

— Нет, конечно. Все — люди проверенные. Иначе и быть не может.

Какое-то время шли молча. Иван, как и советовал старший группы, пристально всматривался в окружающий пейзаж, но вскоре понял, что это бесполезно. Горы, камни, кустарник — все едино. Глазу не за что зацепиться. Что бы как-то разнообразить путь, спросил.

— А звать то тебя как, старшой?

— Тебе это важно? — пристально посмотрел на Наумова тот.

— Ну, раз уж нам вместе...

— Василий, — ответил он. — Раз уж мы вместе... Вот, кстати и станция.

Впереди, метрах в двухстах выше по дороге, показался старый, полуразвалившийся сарай.

Когда добрались до станции начало темнеть. Устроили привал под ее крышей, сквозь которую можно было разглядывать звезды. Разожгли костер, поужинали сухпайком, и улеглись спать, выставив охранение. К тому времени лагерь окутала непроглядная мгла. Вытяни руку вперед — ладонь пропадет из виду, словно окунул ее в темную воду.

Ивану не спалось. Он прокручивал в памяти последние события, пытаясь восстановить детали. Особенно время, проведенное в горах, в плену у отряда Шефера, что бы найти ключ к дверце ведущей домой. Для этого надо отыскать старый зиндан, но он мог оказаться где угодно, блуждая в пространстве и времени по известным только ему физическим законам. “Сингулярность” — так называл это явление Серов.

Чем больше Наумов пытался вспомнить, тем путаннее становились картинки в голове. В конце концов, он плюнул на это занятие, надеясь, что вспомнит детали, когда окажется на знакомой местности.

Глава 28

Густой туман окутал горы, поэтому отряд двигался очень медленно. Каждые полчаса делали остановку — сверяли путь с картой и компасом. Проводники криво усмехались, заверяя, что и без этого доведут до нужного места. Может хвастались, а может попросту боялись, что им уменьшат обещанный гонорар.

К полудню туманная пелена полностью рассеялась. Подул ветерок, просушивая набухшую от влаги одежду и амуницию. Скорость отряда заметно увеличилась.

Наумов шел в середине группы, и глазеть по сторонам было некогда. Люди кругом крепкие, тренированные. Зазеваешься — затопчут, или случайно столкнут в пропасть. Но все же он пытался осмотреться, так как до приблизительного места назначения оставалось не так уж и далеко. Впрочем, глазу зацепиться особо было не за что. Вокруг один и тот же пейзаж — луговые травы сменяются нагромождением каменных глыб, оврагами и расщелинами, с журчащими на дне горными ручьями. Вода в них была на редкость чистая и настолько ледяная, что аж зубы сводило. Один из таких ручьев оказался совсем рядом с тропой, и Иван успел набрать во флягу свежей воды, предварительно вылив вчерашний чай.

Когда до плановой остановки на обед оставалось минут двадцать, неожиданно раздалась команда старшего:

— Стой!

Причина остановки стала ясна, как только подтянулись к голове группы. Все стояли на вершине небольшого хребта, а дальше, местность полого опускалась, переходя в обширную поляну, поросшую сочной, зеленой травой. И почти по центру этого великолепия скрючились останки самолета. Скорее всего — среднего транспортника. Нос его был сплюснен, одно крыло полностью оторвано, и скорее всего, покоилось, где то в глубокой траве. На задранном к небу хвосте черной и белой краской нарисован бортовой номер — тринадцать двадцать пять и равносторонний крест, что указывало на принадлежность самолета к люфтваффе.

— Мы близки к цели, — в полголоса произнес старший, повернувшись к подошедшему Ивану. — Разобьем лагерь тут.

— Ты уверен?

— Еще как, — кивнул тот. — Это не случайное место катастрофы. Здесь был аэродром. И судя по виду травы, совсем недавно. Видишь, она ровная, словно ковер?

— Вижу, и что?

— Ее недавно скашивали. Не больше месяца, — Василий извлек из футляра бинокль и принялся рассматривать останки транспортника. — И самолет свежий, упал совсем недавно...

— И ты собрался разбить здесь лагерь? — удивился Наумов. — На территории противника?

Старший убрал оптику обратно в футляр.

— По данным разведки, немцев тут уже нет, — пояснил он. — Этот аэродром использовала группа Шефера. Но, после неудачных экспериментов она покинула эти места. К тому же, этот участок контролируется нашими войсками. А лагерем мы встанем вон там.

Метрах в трехстах, куда указал Василий, возвышался небольшой утес, наклонившийся над поляной, словно Пизанская башня.

— За ней и укроемся. Не думаю, что лагерь Шефера находился далеко от аэродрома. Километр, максимум — три. Иначе большой геморрой для доставки оборудования.

— Но, лагерь, еще не зиндан, — возразил Наумов. — Бог знает, где он сейчас.

— Там видно будет, — произнес тот. — Будем искать. Главное — мы на верном пути.

Отряд выдвинулся в сторону будущей базы, а старший группы прихватив с собой Наумова, отправился к разбитому самолету.

- “Юнкерс”, пятьдесят второй, — оглядев обломки, определил он. — Больше, чем уверен — здесь мы не найдем ничего интересного.

Боковая дверь была открыта, и они без труда забрались внутрь фюзеляжа. В чреве транспортника было жарко как в бане. Пахло гарью, керосином и еще какой-то химической гадостью.

Когда после яркого солнца глаза привыкли к полутьме салона, смогли рассмотреть обстановку.

— Я так и предполагал, — оглядевшись, произнес Василий. — Пусто, как в амбаре после ярмарочного дня. Все вынесли, подчистую. Даже радиостанцию сняли.

Он указал в сторону места, бывшего когда-то кабиной пилотов. Рядом размещалась небольшая ниша для радиста. Сейчас она была пуста — только обрывки проводов свисали из ее чрева.

— Ладно, пошли отсюда, — спустя пару минут позвал он Ивана. — Нечего тут искать. Время только теряем.

Они выбрались наружу, зажмуриваясь от дневного света.

— Сейчас обед, а потом будем думать, как поступить дальше. Во всяком случае — поиски начнем отсюда. Если бывший лагерь Шефера рядом, то неподалеку должен быть и твой зиндан.

— Хотелось бы верить, — вздохнул Иван. — А как же сингулярность?

— Рано или поздно, портал все равно возвращается на исходную точку. Туда, где он и появился. Мы же не с кондачка сюда ломанулись. Наши аналитики просчитали его блуждания и сейчас он должен быть где-то рядом. Будем искать.

— Когда начнем?

— Завтра, — кивнул Василий. — Все завтра. Утро вечера мудренее.

Вскоре они добрались до лагеря, где полным ходом шли приготовления к обеду. На

костре уже грелся большой котел, дежурный по кухне отмеривал крупу для будущей каши, остальные расставляли палатки.

— Сейчас поедим, часик отдохнем и прогуляемся по округе, — немного придержав его за рюкзак, заявил старший, и прежде чем Наумов попытался что-то спросить, пояснил, — Далеко не пойдем, осмотришься, может, что вспомнишь. Заодно аппетит к ужину нагуляем.

— А смысл? Тут вся местность как под копирку. Уже в глазах двоится.

— Есть у меня одна мыслишка...

Ивану ничего не оставалось, как согласиться и ждать.

После обеда и получасового отдыха, Василий вызвал его в свою палатку, поставленной у самой скалы, и служившей штабом экспедиции.

— Присаживайся, — указал он на свободный раскладной стул. — Обсудим предстоящую прогулку.

Кроме них в палатке находился и проводник. Он сидел в дальнем углу, прямо на земле, поэтому Наумов не сразу заметил его в тусклом свете керосиновой лампы. Кивнул в знак приветствия, получив в ответ взмах седой бороды.

— Ну, и каков ваш план? — спросил, усаживаясь на брезентовое сиденье. — У меня в голове полная каша.

— Это нормально, — успокоил старший. — Что бы ориентироваться в здешних местах, надо сотни раз пройти этими тропами. Я прав, уважаемый Аслан Рамзанович? — обратился он к проводнику.

— Так и есть, — отозвался тот. — Я родился и вырос в этих краях, но и теперь не могу похвалиться, что знаю все. Не одну сотню лет мои деды и прадеды прокладывали их, и только Аллах ведает, где они начинаются и где заканчиваются.

— А куда они могут вести?

— В горах выбор не большой, — помолчав, ответил проводник. — Либо на луга, куда водят отары, либо в горные аулы.

— А здесь поблизости они есть, эти аулы?

— Не знаю ни одного, где бы до сих пор жили люди. Но есть один, брошенный и забытый много лет...

— Вы сможете нас туда провести? — словно ищейка, встал в позу Василий.

— Никогда моя нога не ступит на эту проклятую землю, — покачал головой старик. — Никогда!

— Мы не будем настаивать, уважаемый Аслан, — склонил голову тот. — Вы нам только направление укажите. А дальше мы сами.

— Не буду вас отговаривать, — вздохнул проводник. — Но и идти, тоже не советую. Могу только предостеречь...

— О чем он? — попытался узнать Наумов.

— Ерунда, — отмахнулся Василий. — Местные легенды.

И снова обратившись к старику, произнес:

— Спасибо, уважаемый, не смею больше задерживать.

Когда старик покинул палатку, Иван спросил:

— Почему вы раньше не могли узнать про этот заброшенный аул?

— Да слышали мы про него, — скривился старший. — Только ни кто из местных, не за какие деньги идти туда не захотел. Даже угрозы не помогали. Вот и решили схитрить — будто ничего не знаем и курс наш случайно вывел в его окрестности. А старик уже тут все

понял и испугался.

— Дальше тогда надо было на него надавить, а ты с ним — как с дядей родным...

— Дурак ты, Иван, — усмехнулся Василий. — Дорогу к аулу он все равно покажет, а вот обратную, если будем ему грубить — может и не показать.

Иван промолчал, поняв намек. Правильно, куда им дальше без проводника. Захочет — бросит. В этой местности играть в Ивана Сусанина бесполезно. Любой залетный турист в этой местности долго не протянет, и за нос не потребуются водить. Кругом обрывы. Шаг в лево, шаг в право — и ты мертвец.

— И куда мы без него?

— А он нам особо и не нужен, — успокоил старший. — Все останутся на этой поляне, а мы с тобой пойдем дальше. Уважаемый Аслан уже нарисовал примерный маршрут. Тащить весь караван бесполезно и глупо, хватит и пары человек, что бы нести нужное оборудование. Мы должны торопиться. Скоро начнутся дожди. Только неделя в запасе. Завтра выходим...

— Ты обещал прогулку уже сегодня, — напомнил Наумов.

— Обещал — прогуляемся, — кивнул Василий. — Ты иди, собирайся. Я тебя позову.

Иван вышел из палатки и направился в сторону, где были сложены все их вещи.

Мешки и сумки с пожитками были пристроены под небольшим навесом, сооруженным из плащ-палатки натянутой на трех кривых палках, еще недавно служивших дорожными посохами для грузчиков. Всего в отряде их было пятеро. Все из местных. Сейчас они сутились в стороне, занятые своими делами. Импровизированный склад охранял человек с винтовкой. Он дремал, уронив голову на руки, сжимавшие цевье.

— Проснись, тебя грабят, — осторожно толкнул его Иван, предусмотрительно схватившись за ствол винтовки.

— Если бы грабили, сначала по башке треснули бы, — подняв голову и сонным взглядом обозрев Наумова, невозмутимо произнес тот. — Чужие здесь не ходят, а своих я за версту чую. Что надо?

— Вещи кое какие взять, — отпуская ствол, пояснил тот.

— А-а. Я в курсе, — кивнул охранник. — Бери.

Иван нашел свой баул. Ослабил завязки и только теперь задумался: что именно он ищет? Что из обычных вещей может понадобится ему в предстоящей вылазке? Да наверно ничего, кроме...

Небольшая книжица, испачканная кровью — удостоверение личности прапорщика Дымова.

Ее он хранил, как зеницу ока. После того, как она была подарена Шеффером, прятал ее во всевозможных местах. И вот теперь, почему-то решил, что это единственная вещь, которую нужно обязательно взять с собой. Иван спрятал удостоверение в нагрудный карман рубашки. Завязал мешок и, положив его обратно, произнес:

— У меня все.

— Ступай с богом, — вяло перекрестив, напутствовал охранник, и снова задремал.

— И тебе не хворать, — бросил Наумов.

Близился вечер. Теплый и влажный. Слабый ветерок приятно охлаждал тело. Пахло травой и еще чем-то знакомым, домашним. Вездесущие цикады играли на своих скрипках, прячась от посторонних глаз в густой траве.

С плато они спустились метров на двести, решив не удаляться от лагеря. Да и в планах было только осмотреться и составить план действий на завтра.

— Давно хотел спросить... — поравнявшись со старшим, произнес Иван.

— Спрашивай, хотя не факт что отвечу, — усмехнулся тот, осматривая местность в бинокль.

— А ты тоже из будущего?

— Не похоже? — ответил вопросом на вопрос Василий.

— Сложно сказать, — пожал плечами Наумов. — Все так запутано. Если честно, то до сих пор не верю в реальность происходящего.

— Понимаю, кто же в здравом уме в такое поверит? — убирая бинокль в чехол, согласился тот. — Я тоже сначала не поверил. Потом ничего, привык. Ладно, хватит трепаться, погнажи назад.

— А как же твоя “мыслишка”?

— Забудь, видимо я ошибся.

Ну что же: забыть, так забыть. Иван давно свыкся с мыслью, что в этой игре он далеко не ведущий. Впрочем, как и по жизни. Той жизни, что осталась где-то далеко в будущем. Да и была ли она вообще? Может, была сном, или бредом воспаленного воображения? Сомнения темной мутью поднялись откуда-то из глубин подсознания, грозя поглотить без возврата. Он машинально достал из нагрудного кармана документ Дымова и, раскрыв, взглянул на фотографию прапорщика. Тот с прищуром смотрел на него, чуть улыбаясь одним уголком губ, как бы говоря: не сомневайся парень, я с тобой и еще рано слетать с катушек. И та жизнь, пусть и не совсем достойная русского офицера, все же была реальной. Муть потихоньку улеглась. Наумов закрыл документ, убрал обратно в карман и с полной уверенностью, что не бредит, зашагал вслед Василию.

Глава 29

Ранним утром, когда солнце еще не поднялось над вершушками гор, небольшой группой из четырех человек, покинули лагерь. Этого было достаточно, что бы нести провизию и снаряжение. Решили не рисковать и не тащить в неизвестность всю экспедицию. Позже, в случае успешной разведки, она должна была подтянуться следом. Поначалу спустились в долину, раскинувшуюся у подножия горы на пару километров. Идти было легко, несмотря на внушительный груз в рюкзаках за спиной. Затем, снова начался подъем, и любоваться окружающими красотами стало не досуг. Сделали небольшой привал, немного отдышавшись и, двинулись дальше. Когда долгий подъем сменился ровным плато, остановились.

— Почти пришли, — сверившись с картой, объявил Василий. — Старый аул должен быть где-то неподалеку. Советую всем внимательней смотреть под ноги. Немцы могли оставить сюрпризы. Дойдем вон да той скалы и встанем лагерем.

Он извлек из чехла бинокль и огляделся.

— Все тихо. Радист!

— Я! — отозвался один из группы.

— На месте свяжешься с основной группой и сообщишь, что мы прибыли и встали лагерем. Потом послушай эфир, мало ли кто здесь еще заблудился.

— Так точно, сделаем! — кивнул тот.

— Тогда двинули!

Чем ближе они подходили к намеченной точке, тем больше убеждались, что нашли то, что искали. То тут, то там из густой травы показывались останки разрушенных домов. Иван насчитал примерно с дюжину. Сколько их еще скрывала густая растительность — оставалось загадкой. Вскоре достигли подножия скалы торчавшей посреди равнины, словно гигантский столб с отсеченной вершушкой. Метров двадцать пять — тридцать в высоту и пятнадцать в обхвате, с гладкими, словно кем-то обработанными боками, она резко контрастировала с окружающим пейзажем и казалась неестественной. Все замерли, разглядывая эту зловещую красоту.

— Что скажешь Иван, — спросил Василий. — Видел ее раньше?

— Нет, — уверенно произнес тот. — Сто процентов. Такое бы не забылось.

— Согласен, такое хрен забудешь, стоит один раз увидеть.

— Даже если тот самый зиндан находился рядом, я все равно ничего, кроме его стен не мог видеть. Очнулся уже в нем, а выбрался...

— На украинских просторах... — напомнил старший.

— Ага, сам знаешь, — Наумов произвольно огляделся. Чувство опасности, возникшее при виде этого странного столба, теперь не покидало его. Он пытался понять из-за чего, но все равно не смог объяснить для себя причину. Среди сотен образов роившихся в голове ничего подходящего не было.

Пока радист настраивал свою аппаратуру, а Иван стоял в ступоре, Василий послал свободного бойца осмотреть окрестность скалы. Вскоре тот вернулся.

— Что скажешь?

— Вокруг все чисто, — доложил разведчик. — Дальше за скалой есть еще пара старых хижин, ничего примечательного. За ними через триста метров — обрыв. Оттуда не

подобраться.

— Хорошо, — кивнул Василий. — Разбиваем лагерь. Радист!

Тот, хоть и был метрах в тридцати, да еще и в наушниках, зов услышал.

— Что в эфире?

— Ничего стоящего, тишина, — снимая с головы телефоны, крикнул он. — Отряд в курсе, ждет команды выдвинуться к нам.

— Вот и отлично, — потеряв ладонью о ладонь, произнес старший. — Все идет по плану.

“Границы ключ переломлен пополам...” — всплыли в голове у Ивана строки популярной песни.

— И все идет по плану... — пробормотал он, очнувшись от раздумий.

Солнце почти зашло за ближайший горный перевал.

Едва поставили палатки — началась гроза. Явление для этих мест привычное, но сейчас вода лилась с небес с особым остервенением, будто небесная канцелярия решила смыть их отряд с этой горной равнины. Лилось сплошной стеной, так, что через пару метров уже ничего было не разглядеть. Вскоре дождь поутих, но стемнело окончательно.

Не спалось. Наумов выбрался из палатки под защиту небольшого навеса, сооруженного по соседству и, закурил, любуясь разбушевавшейся непогодой. Кругом уже текли целые реки, унося в долину мелкие камни и мусор. Сверкали молнии. Раскаты грома сотрясали землю под ногами.

Иван смотрел на это представление и неожиданно для себя, заметил странную закономерность. Процентом семьдесят разрядов били почти в одно и то же место, словно притягиваемые некой силой. Еще в школе он читал, что молнии могут притягиваться крупными залежами металлов, но сейчас он не был уверен в правильности этой теории.

— Не спиться? — раздался за спиной голос Василия.

— Молнии странные, — поделился с ним своими наблюдениями Наумов. — Бьют и бьют в одно место, будто дыру в земле хотят пробить. Так ведь почти не бывает. В наших краях — точно нет.

— А ты глазастый, черт! — хлопнув по плечу, похвалил старший. — Все верно! За такое положена премия.

— Какая премия? — удивился он.

— Пойдем, сейчас узнаешь!

Когда вернулись в палатку, тот извлек из своего рюкзака объемную флягу.

— Спирт?

— Берите выше, сэр! Настоящий шотландский виски.

Пока Иван открывал банку тушеной говядины, Василий налил в стоящие на походном столике алюминиевые кружки грамм по сто и, подняв одну в приветственном жесте, произнес:

— За твою наблюдательность!

Тихонько звякнул металл. Содержимое кружек переместилось в желудки, приятно обжигая.

— Для наших поисков любая мелочь может быть решающей, — опережая его вопрос, пояснил старший. — Вот ты заметил, что молния бьет в одно место?

Наумов кивнул, соглашаясь.

— А что это может значить?

— Точно не знаю, может железа много в земле вокруг, а может еще какая аномалия...

— Правильно, — согласился тот. — А мы что, по-твоему, ищем?

— Зиндан...

— Точнее — пространственно-временную аномалию. В виде этого самого зиндана!

Теперь уловил?

— И как я сразу не догадался?

— Бывает, — отмахнулся Василий. — Все-таки ты это увидел. А это — главное. Давай еще по одной и спать. Поутру точно определим, куда били молнии.

Почти до самого утра Наумов не сомкнул глаз. Мысли о неожиданном открытии не давали покоя, все время возвращаясь. Как и настойчивый шум дождя. Вспоминал последнюю ночь на блок посту и не мог уже представить, что была та, другая жизнь. А была ли она вообще? С каждым днем она стиралась, тая во времени...

Проснулся от того, что кто-то настойчиво толкал в бок.

— Просыпайся, пора...

Он открыл глаза и увидел склонившегося Василия.

— Вставай, хватит дрыхнуть. Нас ждут великие дела!

— Где-то я уже это слышал, — переворачиваясь на другой бок, проворчал Иван. — Еще пять минут. И буду готов к труду и обороне.

Вскоре, весь отряд воссоединился, что бы продолжить движение к уже вполне осязаемой цели. Небольшие расчеты показали, что местом притяжения молний прошлой ночью являлся соседний горный хребет. До него было рукой подать, поэтому на совете, где присутствовал и Наумов, решили отправиться до него сразу, как только подтянутся остальные. Погода им благоволила — дождя не было, а выглянувшее сквозь тучи солнце, подсушило грунт под ногами.

— Видишь, — указав на склон горы впереди, Василий. — Самолету тут никак не сесть. Потому немцы и устроили аэродром ниже, на плато. Оборудование тащить не близко, но все же не сотню километров по перевалам. Все одно к одному.

— Надеюсь, — произнес Иван. — Если честно, то я уже устал искать то, чего может и не быть на самом деле.

— Не дрейф, прорвемся!

Отряд спустился еще метров на пятьдесят, когда передовая группа застопорилась, обнаружив на пути нечто важное.

Это были остатки какой-то вышки, наподобие опоры линии электропередачи. Сейчас от нее остался только железобетонный фундамент с торчащим в разные стороны ржавым металлом. После беглого осмотра пришли к выводу, что она была специально уничтожена взрывом.

Словно шестеренки провернулись в памяти Наумова, воспоминания, когда он дотронулся до остатков башни. Общение с Шеффером, эксперимент, удар ногой...

“...я не знаю всех деталей, но когда над антенной соберется грозное облако, готовое отдать свой заряд, эта штука начнет вращаться, генерируя электромагнитное поле...”

“...серьезная вещь, я бы подумал, что это и есть 'машина времени', если бы...”

“...а вы правильно думаете, в принципе — это она и есть...”

Спустя секунду он отдернул руку от теплого металла и произнес:

— Мы на месте...

Он долго бродил между камней, в надежде отыскать то самое место, где Шеффер

проводил эксперименты со временем, но видимо все следы были тщательно уничтожены. Ну, что же — главное что они нашли ту самую поляну. Инженеры распаковали оборудование и, к вечеру все было настроено и готово к эксперименту. Оставалось только дожидаться грозового циклона. А это лишь дело времени. Иван же маялся от безделья или точнее — от томительного ожидания. Решалась его судьба — либо в ближайшее время он вернется домой, либо навсегда застрянет в этом времени и месте.

Глава 30

Гроза, как всегда началась неожиданно. Налетели резкие порывы ветра, небо потемнело и затянулось тучами. Загрохотало. Начался ливень. Команда заняла свои места у приборов в ожидании первых молний. И они приближались вместе с грозовым фронтом.

Наумов не находил себе места, меряя шагами тесное пространство штабной палатки.

— Успокойся, Иван, — посоветовал Василий. — Хлебни лучше спирта. Говорят что успокаивает.

— Я и так спокоен, — отмахнулся тот, продолжая ходить взад-вперед.

— Вижу, что ты само спокойствие. Сейчас сапоги до дыр протрешь. Ну, все, хватит, уже голова от тебя кружится, — прервал он этот марафон. — Наши специалисты не пальцем деланные — если портал откроется, то они этого не упустят.

— Надеюсь.

Василий взял со стола флягу и налив немного в стоящую кружку, пододвинул ее в сторону Ивана.

— На, пей.

Тот остановился, взял ее в руку и, поднеся ко рту, неожиданно замер.

— Ты чего?

— Слышал?

— Что?

— Выстрелы, — Наумов поставил кружку обратно на стол. — Стреляли, кажется...

Тот вопросительно уставился на него, прислушиваясь. Сквозь треск грозовых разрядов и шум дождя отчетливо раздалась автоматная очередь. Василий вскочил со стула и бросился к пирамиде с винтовками.

— Что за...!?

В этот момент в палатку ворвался мокрый часовой.

— Немцы! Напали с гор!

— Всем в ружье! — заорал тот, выскочив на улицу. — К бою!

Наумов тоже схватил винтовку и, проверив обойму, выбежал следом.

Впереди снова послышался треск выстрелов и, мелькнули вспышки огня.

— Ложись, ложись! — кто-то закричал с боку.

Иван упал на мокрую землю, укрывшись за большим камнем. Передернул затвор и выстрелил в сторону склона горы. Несколько пуль ударили в камень, высекая искры и, унеслись в ночное небо. Слева мелькнула тень — это был Василий. Он упал рядом, тяжело дыша.

— Десант, немецкий. Человек двадцать. С минометом. Двое наших уже убиты. Ты лежи тут и не высовывайся, мы сами разберемся. Сейчас ребята развернут пулемет и им мало не покажется...

В подтверждение его слов позади раздалась длинная очередь. Патронов не жалели поливая склон смертельным градом пуль.

Василий еще что-то сказал, но его слова утонули в шуме стрельбы и раскатах грома. Махнул рукой и скрылся в темноте. Вскоре все затихло — видимо противники оценивали ситуацию. Но, тишина была мимолетна — протяжный свист и метрах в двадцати расцвел яркий цветок взрыва. Затем еще и еще один ближе. Осыпало землей, в ушах зазвенело. Пора было покидать позицию и найти более безопасное убежище.

Снова застрекотал пулемет позади. Снова свист мины, взрыв. Пулемет замолчал. Иван сделал два выстрела и начал отползать в направлении лагеря. Впереди на спине лежало чье-то тело с зажатой в руках на уровне груди винтовкой. Часовой. Первый из тех, кто погиб. Обогнув его по дуге, Наумов устремился дальше. Пулемет все еще молчал — видимо расчет накрыло минометным огнем. То тут, то там слышались одиночные хлопки Мосинок и глухие трели автоматных очередей. Показалось, что он слышал отрывочные команды на немецком языке, но снова прислушавшись, так ничего и не разобрал. Гроза набирала силу. Молнии засверкали все ближе и все чаще.

Когда он в темноте не без труда нашел пулеметную точку, то обнаружил, что его опасения подтвердились. Расчет был убит минометным обстрелом. Они так и лежали рядом присыпанные землей, побитые градом осколков. Первым делом Иван проверил исправность пулемета. MG-42 — “швейная машинка Гитлера”. В этот поход его взяли из-за относительной легкости и убойности. Ствол и ствольная коробка были в полной сохранности. Лента заправлена и израсходована процентов на сорок. Он оттащил мертвые тела в стороны и, заняв позицию за пулеметом, стал ждать, когда впереди появятся фигуры немецких десантников. Стрельба немного поутихла. В отличие от грозы. Грозовой циклон набрал силу, проливая на головы шквал воды. Треск молний оглушал. Временами становилось страшно, что одна из них попадет в пулемет и испепелит в прах.

Спустя минут десять, когда руки заныли от напряжения, на склоне появилось несколько фигур.

— Давайте сюда, здесь все мертвы! — крикнул Наумов по-немецки. Одна фигура поднялась в полный рост, следом вторая. И тогда он открыл шквальный огонь. Фигуры упали, подкошенные, а он все жал на курок, пока пулемет не замолчал. В ответ вокруг взметнулись фонтаны брызг из воды, грязи и мелких камней. Нужно было уходить, иначе и его накроют минометным огнем.

Он уже развернулся, чтобы ползти вниз, в сторону лагеря, когда протяжный свист, переходящий в злое шипение словно парализовал, заставил замереть и вжаться в землю. Одновременно с этим — яркая вспышка молнии ударила в землю метрах в двух. Взрыв, треск, огонь, боль — все смешалось в невообразимом коктейле и погасло. Наступила темнота...

Что-то мокрое касается лица. Дождь. Это точно дождь. Он все еще идет, капает на лицо и он его чувствует. Значит живой. Никакой боли нет, только жажда и чувство невесомости. Она кружит и кружит, от этого подкатывает тошнота. Он открывает рот, подставляя под капли, но они падают мимо — на лицо и немного на губы. Боже, как хочется пить...

“Доктор, он очнулся” — Словно сквозь ватную пелену слышит он женский голос, похожий на голос матери.

“Мама, мамочка!” — Что есть мочи кричит он, но голос удаляется, пропадая в дали...

Он открыл глаза, и вместо темного грозового неба увидел белый потолок с обвалившейся местами побелкой. Было тихо, только изредка чирикали птицы и шумели порывы ветра. Зажмурился на пару секунд, но перед глазами был все тот же обшарпанный

потолок. Повернул голову чуть вправо — деревянная рама окна, наполовину прикрытая белой занавеской, на подоконнике одинокий глиняный горшок с кактусом. Послышался звук отворяемой двери, и чей-то голос бодро спросил:

— Ну что, больной, очнулись?

Иван повернулся на звук. Рядом с койкой стоял человек в белом халате, средних лет, в очках в толстой оправе и с картонной папкой в руках.

— Кто вы? — тихо спросил он.

— Я ваш лечащий врач — Сергей Иванович Панарин.

— Где я?

— В Ростовском военном госпитале, — ответил тот, раскрыв папку. — Тяжелая контузия, черепно-мозговая травма, осколочное ранение обоих ног. Два месяца в коме. Мы уже думали не выкарабкаешься, а ты — гляди молодец какой. Помнишь, как зовут то тебя?

— Наумов Иван...

— Вот и хорошо, — улыбнулся доктор. — Значит, голова работает. Ну, отдыхай пока. Сейчас пришлю медсестру, принесет тебе водички.

— Пойдите, — попросил Иван. — А какой сейчас год?

Сергей Иванович замер, приспустил очки на нос и уставившись на него подозрительно, спросил:

— А ты как думаешь?

— Тысяча девятьсот девяносто четвертый...

Он одобритительно кивнул и молча вышел из палаты.

конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net